

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

**Агата
Кристи**

Тринадцать
загадочных случаев

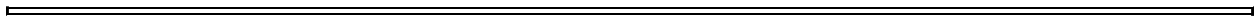
Annotation

Тринадцать загадочных случаев Несколько милейших людей нашли для себя забаву: они собираются по вторникам у камина и рассказывают друг другу загадочные криминальные истории, случившиеся в недавнем прошлом. В каждой такой истории — с лихвой жутких и таинственных подробностей. Не хватает лишь одного: ответа на вопрос — а кто же убийца? Так почему же все эти леденящие душу загадки не были разгаданы прежде? Может быть потому, что здесь, у камина, блистательная мисс Марпл слышит их впервые?

- [Агата Кристи](#)
  - [Клуб «Вторник»](#)
  - [Святылище Астарты](#)
  - [Золотые слитки](#)
  - [Кровь на панели](#)
  - [Мотив и возможность](#)
  - [Отпечатки пальцев святого Петра](#)
  - [Синяя герань](#)
  - [Компаньонка](#)
  - [Четверо под подозрением](#)
  - [Трагедия под рождество](#)
  - [Трава смерти](#)
  - [Происшествие в бунгало](#)
  - [Смерть мисс Роуз Эммот](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

Агата Кристи
Тринадцать загадочных случаев

Клуб «Вторник»

— Да, загадочные случаи!.. — Реймонд Уэст выпустил изо рта облачко дыма и, любуясь им, медленно с удовольствием повторил: — Загадочные случаи...

С чувством исполненного долга он посмотрел по сторонам. Широкие черные балки, пересекающие потолок комнаты, и добротная старинная мебель создавали атмосферу старины. Все это импонировало вкусам Реймонда Уэста. Он был писателем. Дом своей тетки Джейн Марпл он всегда считал достойным обрамлением собственной персоны. Он взглянул в сторону камина, возле которого в большом кресле сидела хозяйка дома. На ней было черное муаровое платье со множеством складок по талии. Брабантские кружева каскадом спадали с груди. На руках — черные кружевные митенки. Черная шляпка подчеркивала белоснежность волос. Она вязала что-то белое, мягкое, пушистое. Ее словно выцветшие голубые глаза — кроткие и добрые — изучали племянника и его гостей.

Сначала она взглянула на улыбающегося Реймонда, потом на брюнетку с короткой стрижкой — Джойс Ламприер, художницу с необычными, не то светло-кариими, не то зелеными, глазами. Затем она посмотрела на холеного, умудренного жизненным опытом сэра Генри Клиттеринга. В комнате были еще двое: доктор Пендер, пожилой приходский священник, и мистер Петерик, высохший маленький человек, который никогда не снимал пенсне, однако всегда смотрел поверх стекол. Мисс Марпл еще раз обвела всех взглядом и с милой улыбкой принялась за свое вязанье.

Мистер Петерик слегка откашлялся — обычно этим он предварял все свои высказывания — и обратился к Реймонду:

— Как вы сказали, Реймонд? Загадочные случаи? Какие же случаи вы имеете в виду?

— Да никакие, — вмешалась Джойс Ламприер. — Просто Реймонду нравится звучание этих слов, ему доставляет удовольствие произносить их.

Реймонд с упреком посмотрел на нее. Она откинула назад голову и засмеялась. Мисс Марпл снисходительно улыбнулась.

— Сама наша жизнь — загадочный случай, — глубокомысленно произнес священник.

Реймонд выпрямился.

— Вы меня неправильно поняли, — сказал он. — Я имею в виду

вполне определенные случаи, в которых никто не смог разобраться, то есть события имели место, но объяснить их так и не смогли.

— Знаю, что ты хочешь сказать, дорогой, — заговорила мисс Марпл. — Вот, например, вчера с миссис Каррадерз произошло нечто очень странное. Она купила в лавке Эллиота две банки маринованных креветок, потом зашла еще в два магазина и, придя домой, обнаружила, что креветок в сумке нет. Она вернулась в два последних магазина, но креветки словно сквозь землю провалились.

— Очень подозрительная история, — серьезно заметил сэр Генри.

— Тут могут быть, конечно, различные объяснения, — сказала мисс Марпл, и щеки у нее слегка порозовели. — Например, кто-то их...

— Милая тетя, — прервал ее Реймонд. — Речь не о будничных провинциальных историях. Происходят убийства, пропадают люди, и сэр Генри, если бы пожелал, мог бы рассказать нам немало подобных случаев.

— Я никогда не говорю о работе, — спокойно сказал сэр Генри. — Не в моих правилах говорить о работе.

Сэр Генри до недавнего времени был комиссаром Скотленд-Ярда.

— Я полагаю, многие из них полицией так и не раскрыты, — заметила Джойс Ламприер.

— Ну, мне кажется, это же общеизвестный факт, — сказал мистер Петерик.

— Интересно, — продолжал Реймонд, — кому лучше всего удастся раскрывать преступления? Мне всегда представлялось, что полицейские страдают отсутствием воображения.

— Это точка зрения непрофессионала, — сухо сказал сэр Генри.

— Что касается психологии и воображения, то тут уж дело писателя... — улыбнулась Джойс и с иронией поклонилась Реймонду, но он оставался серьезным.

— Литературный труд дает возможность взглянуть на человека изнутри, — торжественно произнес он, — дает возможность уловить такие мотивы, мимо которых прошел бы обычный человек.

— Знаю, дорогой, что твои книжки очень умны, — сказала мисс Марпл. — Но вообще люди не столь приятны, как ты их себе представляешь.

— Милая тетя, — мягко возразил Реймонд. — У каждого свои взгляды. Боже меня упаси подвергать их сомнениям.

— Я имею в виду, — насупив брови и считая петли, сказала мисс Марпл, — что многие люди кажутся мне ни плохими, ни хорошими, а, знаешь ли, просто глупыми.

Мистер Петерик снова откашлялся.

— По-моему, Реймонд, вы придаете слишком большое значение воображению, — заявил он. — Для нас, юристов, воображение слишком опасно. Оно может чересчур далеко завести. Факты, прежде всего объективные факты, — это единственный способ добиться успеха.

— Ба! — воскликнула Джойс, тряхнув головой. — Здесь я с вами не согласна. Я женщина, а у женщин есть интуиция, в которой отказано мужчинам. К тому же я еще и художница и замечаю вещи, которых вы не видите. Кроме того, как художник, я отлично разбираюсь в человеческой природе. Я знаю изнанку жизни так, как, возможно, не знает ее даже присутствующая здесь мисс Марпл.

— Я думаю, это не так, милая моя, — сказала мисс Марпл. — В провинции иногда случаются очень огорчительные вещи.

— Сейчас в моде подсмеиваться над священниками, — заметил доктор Пендер. — Но приходится выслушивать от людей разное, и нам известны такие стороны человеческого характера, которые для других — книга за семью печатями.

— Итак, — сказала Джойс, — наше собрание, оказывается, достаточно компетентно. Почему бы нам не основать клуб? Сегодня какой день? Вторник? Давайте же собираться раз в неделю, по вторникам, у мисс Марпл. Вечерний клуб «Вторник»! И каждый будет предлагать для обсуждения какую-нибудь загадку, загадочную историю, на которую он сам знает ответ. Сколько же нас тут? О, пятеро. Надо бы еще хотя бы одного!^[1]

— Вы забыли обо мне, милая, — широко улыбнулась мисс Марпл.

Джойс немного растерялась, но быстро нашлась:

— Это замечательно, мисс Марпл. Мне как-то в голову не пришло, что это вас может заинтересовать.

— Это же очень увлекательно, — сказала мисс Марпл. — Особенно в компании таких умных джентльменов. Боюсь, что я не обладаю достаточным интеллектом, но все же годы, проведенные в Сент-Мэри-Мид, позволили мне составить некоторое представление о человеческой природе.

— Несомненно, ваше участие будет весьма ценным, — уважительно заметил сэр Генри.

— Кому же начинать? — спросила Джойс.

— По счастью, среди нас столь достойный человек, как сэр Генри, — сказал доктор Пендер. — Какие же могут быть сомнения?.. — Он оставил фразу незаконченной, многозначительно поклонившись бывшему комиссару.

Сэр Генри помолчал, глубоко вздохнул, закинул ногу на ногу и начал:

— Пожалуй, нелегко подобрать случай, который представил бы для вас интерес. Но вот припоминаю один, который, по-моему, подойдет. Может быть, вам попадалось сообщение об этом деле в газетах год назад. О нем писали как о нераскрытом. Но так случилось, что несколько дней назад объяснение попало ко мне в руки. Факты очень просты. Трое сели поужинать. Среди прочего были поданы консервированные омары. Позднее все трое почувствовали себя плохо. Вызвали врача. Двое поправились, третий умер.

— Ого! — воскликнул Реймонд.

— Как я сказал, факты просты, — продолжал сэр Генри. — Смерть наступила в результате отравления птомаином — так было записано в свидетельстве о смерти, — и тело было предано земле. Но история на этом не кончается.

— Поползли слухи, не так ли? — сказала мисс Марпл. — Обыкновенно всегда так бывает.

— Теперь опишу вам участников этой драмы. Супружеская пара — скажем, мистер и миссис Джоунз. Компаньонка жены, назовем ее мисс Кларк. Мистер Джоунз — коммивояжер фармацевтической фирмы. Интересный мужчина лет пятидесяти. Его жена — ничем не примечательная женщина лет сорока пяти. Ее приятельница мисс Кларк — жизнерадостная женщина под шестьдесят. Ничего особенного в них не было.

Осложнения возникли неожиданным образом.

Накануне злополучного ужина мистеру Джоунзу пришлось ночевать в одной из гостиниц в Бирмингеме. Промокательная бумага на пресс-папье в его номере была совершенно новой, и на следующий день горничная от нечего делать принялась с помощью зеркала читать отпечатавшиеся на ней слова. Несколько дней спустя, когда сообщение о смерти миссис Джоунз появилось в газетах, горничная рассказала своим подругам о том, что ей удалось прочитать: «Полностью зависим от своей жены... когда она умрет, я буду... сотни и тысячи...»

Вы, может быть, помните, что незадолго до того нашумело дело о жене, отравленной мужем. Много ли было нужно, чтобы расшевелить воображение горничных? Мистер Джоунз задумал избавиться от жены и заполучить сотни тысяч фунтов! Оказалось, что у одной из горничных были родственники в городке, где жили Джоунзы. Она написала им о возникших подозрениях. Те сообщили ей, что мистер Джоунз проявлял внимание к дочери местного врача, молодой тридцатитрехлетней женщине. Начал разгораться скандал. Поступила петиция министру внутренних дел.

В Скотленд-Ярд посыпались анонимные письма с обвинениями Джоунза в убийстве жены. Мы ни минуты не сомневались, что это всего лишь деревенские сплетни, но тем не менее с молчаливого общего согласия провели эксгумацию трупа. Это был один из случаев общего и, пожалуй, ни на чем не основанного предубеждения. Но оно на удивление оправдалось. Повторная экспертиза установила, что причиной смерти явилось отравление мышьяком. Скотленд-Ярду пришлось потрудиться, чтобы выяснить, откуда мог взяться этот мышьяк.

— О! — воскликнула Джойс. — Интересно. Это то, что надо.

— Естественно, подозрение падало на супруга. Ему была выгодна смерть жены: он получил хотя и не сотни тысяч, но все же солидную сумму — восемь тысяч фунтов. У него не было своего состояния, но он отличался экстравагантным вкусом и был равнодушен к дамскому обществу. Мы осторожно выяснили, насколько обоснованны слухи о флирте Джоунза с дочерью врача. Оказалось, что их дружба прекратилась месяца за два до смерти миссис Джоунз. Сам врач, человек весьма уважаемый, был смущен результатами повторного вскрытия. Ведь тогда его вызвали около полуночи, и он видел, как страдали все трое. Он понял, что состояние миссис Джоунз критическое, и велел принести из его кабинета опиум для успокоения болей. Однако спасти миссис Джоунз не удалось. Но у врача и мысли не было, что совершено преступление. Он был убежден, что причиной смерти была разновидность ботулизма. На ужин, кроме омаров, подавали салат, бисквитное пирожное с кремом, хлеб и сыр. Правда, к приходу врача от омаров ничего не осталось и консервная банка была выброшена. Он расспрашивал служанку — Глэдис Линч. Та не переставая плакала и повторяла, что консервы не казались испорченными.

Таковы факты, которыми мы располагали. Если Джоунз и дал жене яд, то вряд ли сделал это во время ужина, потому что все трое ели одно и то же. И еще одна деталь: он вернулся из Бирмингема перед самым ужином, стол уже был накрыт, и у него не было возможности заранее подложить что-либо в пищу.

— А компаньонка? — спросила Джойс. — Эта жизнерадостная особа?

— Мисс Кларк мы не забыли, — закивал сэр Генри. — Уверяю вас. Но у нее не было мотива для преступления. Миссис Джоунз ей ничего не завещала, поэтому со смертью своей благотельницы ей опять было бы нужно как-то пристраиваться.

— Да, пожалуй, это оставляло мисс Кларк вне подозрений, — задумчиво сказала Джойс.

— Вскоре один из моих помощников докопался до нового факта, —

продолжал сэр Генри. — После ужина мистер Джоунз пошел на кухню и велел приготовить рисовый отвар для жены, которая плохо себя почувствовала. Он сам отнес ей этот отвар в спальню. Казалось, это можно было бы считать уликой.

Мистер Петерик одобрительно кивнул.

— Налицо мотив, — загнул он один палец. — Удобный случай, — загнул второй. — Легкий доступ к ядам: служащему фармацевтической фирмы нетрудно добыть яд.

— И человек сомнительной морали, — добавил священник.

Реймонд Уэст взглянул на сэра Генри:

— Почему же вы его сразу не арестовали?

Сэр Генри чуть заметно улыбнулся:

— Тут нас постигла неудача. До сих пор все шло гладко, а тут вдруг неожиданность. Джоунз не был арестован, потому что мисс Кларк показала на допросе, что отвар выпила не миссис Джоунз, а она сама.

Мисс Кларк, как обычно, зашла вечером в спальню миссис Джоунз. Та сидела в кровати, а чашка с отваром стояла около нее. «Я неважно себя чувствую, — сказала она. — Напрасно на ночь ела омаров. Попросила Алберта принести чашку отвара, а вот теперь расхотелось». «А жаль, — ответила мисс Кларк. — Отвар такой хороший, без комков. Глэдис хорошая кухарка, теперь мало кто умеет так готовить отвар. Я и сама не прочь отведать его, мне так хочется есть».

— Я должен пояснить, — сказал сэр Генри, — мисс Кларк очень беспокоила ее полнота, и она сидела, как теперь говорят, на голодной диете. «Ну так и пей его, — сказала ей миссис Джоунз. — Если господь сотворил тебя полной, так и будь такой. Пей — это тебе не повредит». Тут мисс Кларк и приговорила всю чашку. Это разбивало нашу версию о муже в пух и прах. К тому же Джоунз дал вполне удовлетворительное объяснение фразам на промокательной бумаге. Он сказал, что писал брату в Австралию ответ на его просьбу дать взаймы денег. В письме он напомнил брату, что полностью зависит от жены и сможет помочь ему только после ее смерти. Он писал, что сотни и тысячи людей находятся в таком же положении.

— Значит, версия полностью отпала? — спросил мистер Пендер.

— Да, версия рухнула, — подтвердил сэр Генри.

Наступило молчание.

— И это все? — наконец спросила Джойс.

— Год назад расследование на этом закончилось. Лишь сейчас Скотленд-Ярд получил разгадку этой истории, и через два-три дня об этом, наверное, можно будет прочитать в газетах.

— Разгадку этой истории... — медленно повторила Джойс. — Давайте минут пять поразмышляем, а потом выскажемся.

Реймонд Уэст кивнул и засек на своих часах время.

Пять минут истекло, он взглянул на доктора Пендера:

— Может быть, вы начнете?

— Должен признаться, затрудняюсь, — ответил Пендер. — Думаю, супруг все же дал жене яд, но вот как он это сделал — ума не приложу.

— А вы, Джойс?

— Компаньонка! — решительно заявила Джойс. — Все это — компаньонка! Откуда нам знать, какие у нее мотивы? Толстая, некрасивая, немолодая — это еще не значит, что она не могла влюбиться в Джоунза. Она, конечно, могла возненавидеть миссис Джоунз и по каким-то другим причинам. Подумайте только, что значит быть компаньонкой: все время лебезить, не противоречить, где-то смолчать, сдерживать обиду. Однажды она не выдержала и убила ее. Она, вероятно, положила мышьяк в чашку с отваром и солгала, что сама выпила его.

— Мистер Петерик?

— Трудно сказать. Располагая такими фактами, не знаю, что и думать. — Адвокат профессиональным жестом соединил кончики пальцев обеих рук.

— Но вам следует высказаться, мистер Петерик, — сказала Джойс. — Вы не должны скрывать своего мнения. Таковы правила игры.

— Мне нечего возразить против фактов, — сказал адвокат. — Но, вспоминая множество аналогичных случаев, я думаю, что это все-таки муж. А мисс Кларк выгородила его по тем или иным причинам. Между ними могла существовать какая-либо договоренность. Возможно, он понимал, что его заподозрят, а она, видя перед собой в будущем одну лишь нищету, согласилась сказать на допросе, что она выпила отвар. Впрочем, за это ей могла быть обещана определенная сумма. Если так, то это чрезвычайно редкий случай. Чрезвычайно редкий.

— Не согласен ни с кем из вас, — сказал Реймонд. — Вы забыли о весьма важном обстоятельстве. А дочь врача? Я хочу дать вам мое решение. Все трое почувствовали себя плохо. Послали за доктором. Он нашел, что миссис Джоунз, которая съела большую порцию, страдает сильнее других. Он посылает, как вы нам сказали, за таблеткой опиума. Врач не сам идет, а посылает. И кто же дает посланному лекарство? Ясно — его дочь. Весьма вероятно, что она сама и готовит его. Она любит Джоунза, и в этот момент в ней пробуждаются все худшие инстинкты. Она понимает, что средство обеспечить ему свободу в ее руках. Таблетки, которые она посылает, — это

чистый мышьяк. Вот мое мнение.

— Ну, теперь вы, сэр Генри, — с воодушевлением произнесла Джойс.

— Минутку, — сказал сэр Генри. — Мы еще не выслушали мисс Марпл.

Мисс Марпл печально покачала головой.

— Очень грустная история, — сказала она. — Она заставила меня вспомнить о мистере Харгрейвзе. Его жена ни о чем и не подозревала, пока он не умер. А тогда выяснилось, что он завещал все состояние женщине, с которой жил долгие годы и от которой имел пятерых детей. В свое время она служила у них горничной. После того как ее рассчитали, мистер Харгрейвз снял ей дом... Разумеется, это не помешало ему остаться церковным настоятелем и одним из уважаемых людей в городке...

— Милая тетушка, я не вижу никакой связи с покойным мистером Харгрейвзом, — прервал ее Реймонд.

— Факты удивительно схожи, — спокойно продолжала мисс Марпл. — Предполагаю, что бедная девушка во всем созналась...

— Какая девушка? — не понял Реймонд.

— Бедная Глэдис Линч, разумеется. Надеюсь, что Джоунза повесят за то, что он сделал из бедняжки убийцу, но, к сожалению, ее тоже повесят. — Мисс Марпл повернулась к сэру Генри: — Я ведь права, не так ли? Все совершенно ясно. Нельзя не обратить внимание на слова «сотни и тысячи» в письме^[2].

— Что же тут может быть общего?! — воскликнул Реймонд.

— Обычно кухарки посыпают этим цветным горошком пирожные с кремом. Услышав о пирожных, я связала это со словами «сотни и тысячи» в письме Джоунза. Мышьяк был именно в них. Джоунз оставил его девушке и заставил посыпать пирожные.

— Этого не может быть! — воскликнула Джойс. — Ведь все ели пирожные.

— О, вы не совсем правы, — возразила мисс Марпл. — Компаньонка на диете. Человек, который хочет похудеть, никогда не ест сладкого. А Джоунз, он просто стряхнул горошек и ел пирожное. Все было задумано и исполнено очень умно; но крайне жестоко.

Все с нетерпением посмотрели на сэра Генри.

— Мисс Марпл попала в самую точку, — медленно начал он. — Глэдис забеременела от Джоунза, и он решил устранить жену, чтобы беспрепятственно жениться на девушке. Он подделал «сотни и тысячи» и дал Глэдис, чтобы она украсила пирожные. Глэдис Линч скончалась неделю назад. Умирая, она во всем призналась.

— Великолечно, тетушка! — воскликнул Реймонд и поднялся с места. — Один — ноль в вашу пользу. Просто вообразить себе не могу, как это вы во всем разобрались.

— О, милый, вы даже не представляете себе, сколько я повидала в жизни, — сказала мисс Марпл. — Такие люди, как Джоунз, жестоки и беспощадны. Как только я услышала, что в доме была хорошенькая девушка, то сразу поняла, что Джоунз ее в покое не оставит. Все это так удручает, что и говорить об этом больше не хочется. Не могу вам передать, каким это было в свое время ударом для миссис Харгрейвз. И все девять дней в городке не смолкали пересуды.

Святилище Астарты

— А теперь, доктор Пендер, что вы расскажете нам?

Старый священник смущенно улыбнулся.

— У меня жизнь прошла тихо, — сказал он. — В ней не было ничего особенного. Пожалуй, только однажды в молодости я был свидетелем трагического случая.

— О! — подзадорила его Джойс Ламприер.

— Он запомнился мне на всю жизнь, — продолжил священник. — Врезался в память, и мне не надо особенно напрягаться, чтобы вновь почувствовать охватившие меня трепет и ужас при виде человека, смертельно раненного непонятным оружием.

— Вы заставляете меня содрогнуться! — воскликнул сэр Генри.

— Я сам, как вы выразились, содрогнулся от этого. С тех пор я никогда не смеялся над теми, кто серьезно относится к разного рода суевериям. Существуют места, пользующиеся дурной или доброй славой, и иногда они дают о себе знать.

— Вот «Лиственницы», например, очень несчастливый дом, — заметила мисс Марпл. — Старый мистер Смидерс потерял все свое состояние и был вынужден покинуть его. Потом дом купили Карслейки — через некоторое время Джонни Карслейк упал с лестницы и сломал себе ногу, а миссис Карслейк захворала, и ей пришлось поехать на юг Франции поправлять здоровье. А сейчас его купил Берденс, и я слыхала, что бедному мистеру Берденсу нужно срочно оперироваться.

— Я думаю, тут и слухи играют немалую роль, — заговорил Петерик.

— Мне известны два «призрака», которые представлены вполне конкретными людьми, — заметил, усмехнувшись, сэр Генри.

— Я думаю, — сказал Реймонд, — нам надо дать возможность доктору Пендеру продолжить рассказ.

Джойс поднялась и выключила обе лампы, комната теперь освещалась только мерцающим светом камина.

— Атмосфера создана, — сказала она, — можно продолжать.

Доктор Пендер улыбнулся ей и, устроившись на стуле поудобнее, приступил к своему рассказу:

— Не знаю, известно ли кому-нибудь хоть что-то о Дартмуре^[3]. Место, о котором идет речь, находится на подступах к Дартмуру. Там продавалось имение. Несмотря на то что поместье было превосходное и окрестные

пейзажи удивительно живописны, покупатель не находился несколько лет. В конце концов его купил человек по фамилии Хейдон, сэр Ричард Хейдон. Я знал его по колледжу, и, хотя на несколько лет потерял из виду, старые приятельские отношения сохранились, и я с удовольствием принял приглашение приехать к нему в «Тихую рощу» — так называлось его приобретение.

Собралось не очень много народу. Сам Ричард Хейдон, его двоюродный брат Эллиот Хейдон, леди Маннеринг с бледной, довольно невзрачной дочкой по имени Виолетта, капитан Роджерс с женой — заядлые лошатники с загорелыми лицами, для них лошади и охота были единственным смыслом жизни. Кроме того, был молодой доктор Саймондз и была мисс Диана Ашли. Я знал немного о последней. Ее фотографии часто встречались в светской хронике. Внешность ее, без сомнения, производила впечатление. Она была темноволосая, высокая, кожа у нее была матовая, слегка смуглая, а узковатые темные раскосые глаза придавали ее облику особую, восточную изысканность. Голос у нее был необыкновенно глубокий, грудной и звучал словно колокол.

Я сразу понял, что мой приятель, Ричард Хейдон, сильно ею увлечен, и догадался, что все затеяно исключительно ради нее. В отношении ее чувств у меня не сложилось четкого представления. Мисс Ашли не была постоянна в своих симпатиях. Один день она разговаривала только с Ричардом, а всех остальных не замечала, на другой день проявляла расположение к его двоюродному брату Эллиоту и, казалось, едва ли замечала, что существует еще такой человек, как Ричард, а затем начинала одаривать самыми многообещающими улыбками скромного и незаметного доктора Саймондза.

На следующее утро после моего приезда хозяин показал нам все поместье. Само здание было ничем не примечательно: добротный, прочный дом из девонширского гранита. Построен на века, любая непогода для него нипочем. Самый обычный, но удобный. Из его окон открывался вид на Мур^[4], на далеко простирающиеся возвышенности, заканчивающиеся разрушенными непогодой скалистыми вершинами.

На ближайшем склоне виднелись следы минувшего каменного века — круги от фундамента жилищ. На соседней возвышенности находился курган, где недавно велись раскопки и была обнаружена кое-какая бронзовая утварь. Хейдон проявлял некоторый интерес к археологическим находкам и очень увлеченно, с пафосом рассказывал нам об этом. Здесь были найдены останки пещерных людей эпохи неолита, памятники

друидов^[5], следы пребывания римлян и даже древних финикийцев.

«Но вот это место, пожалуй, самое интересное, — сказал Хейдон. — Вы знаете, что оно называется «Тихая роща». И довольно нетрудно догадаться о происхождении этого названия. Вот эта, — он показал рукой, — часть местности была довольно голой: скалы, вереск да папоротник, но примерно в ста ярдах от дома была посажена густая роща. Она дошла до нас из глубины веков. Деревья погибали и вновь высаживались, и поэтому она сохранилась такой, как была раньше, может быть, даже во времена финикийских поселенцев. Пойдемте взглянем на нее».

Все последовали за ним. Когда мы вошли в рощу, я ощутил какую-то необычную подавленность. Я думаю, что так подействовала тишина. Казалось, и птиц на деревьях нет. Невольно мне стало страшно. Я увидел, что Хейдон улыбается и смотрит на меня с любопытством.

«Вызывает это место какое-то ощущение, Пендер? — спросил он. — Чего-то враждебного? Или какой-то тревоги?»

«Мне здесь не нравится», — спокойно заявил я.

«И неудивительно. Это место было оплотом одного из древних врагов вашей веры. Это роща Астарты»^[6].

«Астарты?»

«Астарты, или Ашерат, — это уж как вам больше нравится ее называть. Финикийскому имени я предпочитаю Астарту. Мне кажется, у нас в стране известна одна роща Астарты — на севере, на Уолле. У меня нет доказательств, но мне бы очень хотелось считать, что здесь у нас настоящая, подлинная роща Астарты. Что здесь, среди деревьев, совершались священные обряды».

«Священные обряды... — негромко повторила Диана Ашли с мечтательным и отсутствующим видом. — Интересно, как это было?»

«Наверняка что-нибудь неприличное, — сказал капитан Роджерс, не к месту рассмеявшись. — Сплошной разврат, представляю себе».

Хейдон не обратил на него никакого внимания.

«В центре рощи, должно быть, стоял храм, — сказал он. — До храмов я еще не дошел, но позволил себе маленькую безделицу».

В этот момент мы вышли на небольшую поляну. На ней было установлено нечто отдаленно напоминающее беседку из камня. Диана Ашли вопросительно посмотрела на Хейдона.

«У меня это называется святилище, — сказал он. — Это святилище Астарты».

И мы направились туда. Внутри на грубом черном столбе была установлена необычная маленькая скульптура, изображающая женщину с рогатым полумесяцем на голове, сидящую на льве.

«Астарта финикийская, — пояснил Хейдон. — Богиня луны».

«Богиня луны! — воскликнула Диана. — А давайте устроим сегодня вечером дикий загул. Маскарад! Выйдем сюда при лунном свете и совершим обряд Астарты».

Меня неожиданно передернуло, и Эллиот, двоюродный брат Ричарда, тут же обернулся.

«Вам это все не нравится, да, святой отец?» — спросил он.

«Да, — ответил я с достоинством, — не нравится».

Он посмотрел на меня с любопытством: «Но это же только дурачество. Дик ^[7] не может знать, священная эта роща на самом деле или нет. Это просто выдумки, ему нравится так думать. И даже если бы...»

«Если бы?»

«Ну, — он принужденно засмеялся, — вы же не верите во всякое такое, правда? Вы ведь священник».

«Почему это если я священник, то не должен верить в это?»

«Но к таким вещам никто всерьез не относится».

«Не уверен. Я знаю одно: по натуре я человек не очень впечатлительный, но стоило мне зайти в рощу, как у меня возникло необычное ощущение, ощущение опасности, предчувствие несчастья».

Эллиот неловко оглянулся.

«Да, — сказал он. — Действительно, что-то не то. Я знаю, понимаю, что вы имеете в виду, но мне кажется, что это лишь игра нашего воображения. А что вы скажете, Саймондз?»

Доктор помолчал с минуту. Затем невозмутимо ответил:

«Мне здесь не нравится. Объяснить почему — не могу. Но все равно мне здесь не нравится».

В этот момент ко мне подошла Виолетта Маннеринг.

«Мне здесь неприятно! — закричала она. — Неприятно! Прошу вас, уйдемте отсюда».

Мы пошли обратно. Только Диана Ашли замешкалась. Я оглянулся: она стояла перед святилищем и внимательно разглядывала скульптуру внутри его.

День был прекрасный, необычно жаркий, и предложение Дианы Ашли было единодушно принято. И тут началась подготовка: как всегда, перешептывание и смех, как всегда, костюмы изготавливались втайне, и вот, когда все заявили на обед, началось настоящее веселье. Роджерс с

женой были пещерными людьми эпохи неолита (это объяснило исчезновение ковриков от камина). Ричард Хейдон назвался финикийским моряком, а его двоюродный брат был главарем бандитов, доктор Саймондз — шеф-поваром, леди Маннеринг — сестрой милосердия, а ее дочка — пленницей-черкешенкой. Я сам нарядился чересчур тепло — монахом. Диана Ашли вышла последней и несколько разочаровала нас всех. Она просто завернулась в черное бесформенное домино.

«Незнакомка, — кокетливо провозгласила Диана, — вот кто я. А теперь, ради бога, давайте обедать».

После обеда мы вышли на улицу. Стоял прекрасный вечер, теплый, спокойный, тихий. Взошла луна.

Мы прогуливались и болтали, время шло быстро. Наверное, только через час мы обнаружили, что с нами нет Дианы.

«Разумеется, она не пошла спать», — сказал Ричард Хейдон.

«Я видела, как она около четверти часа назад пошла в том направлении», — Виолетта Маннеринг показала в сторону рощи, которая при лунном свете выглядела черной и мрачной.

«Интересно, что она задумала? — сказал Ричард Хейдон. — Какие-нибудь проделки, клянусь. Пойдемте посмотрим».

Заинтригованные тем, что задумала мисс Ашли, мы поспешили за ним. Однако мне очень не хотелось заходить в эту темную, не предвещающую ничего хорошего рощу. Казалось, нечто сильнее меня удерживает, заставляет не идти туда. У меня возникло совершенно определенное убеждение, что это место особенно опасное. Я думаю, что не я один почувствовал то же самое, но как-то неудобно было в этом признаваться. Деревья стояли настолько плотно, что лунный свет почти не проникал сквозь них. Вокруг слышались тихие звуки, шепот, вздохи. Было крайне жутко, и, не сговариваясь, мы держались все вместе.

Мы вышли на открытую поляну посреди рощи и остановились как вкопанные в изумлении: на пороге святилища стояла чья-то фигура, полностью укутанная в прозрачный газ, рогатый полумесяц поблескивал в темной массе ее волос.

«Бог мой!» — сказал Ричард Хейдон, и пот заблестел у него на лбу.

Но Виолетта Маннеринг оказалась наблюдательнее.

«Так это же Диана! — воскликнула она. — Что это с ней случилось? Ой, она на себя не похожа!»

Фигура в дверном проеме подняла руки, ступила вперед и заговорила монотонным голосом: «Я жрица Астарты. Осторожно, ко мне не приближаться — в моих руках смерть».

«Не надо, дорогая, — стала умолять ее леди Маннеринг. — Нам страшно, на самом деле страшно».

Ричард кинулся к ней.

«Бог мой, Диана! — закричал он. — Ты великолепна!»

Действительно, как сказала Виолетта, Диана была совсем другой. В ее глазах появился какой-то жестокий блеск, на губах — незнакомая улыбка, я такой у нее не видел.

«Осторожно! — крикнула она. — Не приближайтесь к богине. Если прикоснетесь ко мне — смерть!»

«Ты великолепна, Диана! — закричал Хейдон. — Но, пожалуйста, прекрати. Мне что-то это совсем не нравится».

Он пошел к ней, и она вскинула руку в его направлении.

«Стой! — крикнула она. — Еще шаг — и я убью тебя магией Астарты».

Ричард Хейдон посмеялся и пошел еще быстрее, как вдруг случилась странная вещь. Он замер на мгновение, затем как будто оступился и упал. Он лежал ничком и не собирался подниматься.

Тут раздался истерический хохот Дианы. Его жуткое звучание нарушило безмолвие поляны.

С проклятиями Эллиот кинулся вперед.

«Это невыносимо, — кричал он, — поднимайся, Дик, поднимайся, дружище!»

Но Ричард Хейдон продолжал лежать. Эллиот Хейдон подбежал к нему, опустился перед ним на колени и осторожно перевернул его. Он склонился над Ричардом и всмотрелся ему в лицо. Потом резко поднялся на ноги и встал, слегка покачиваясь.

«Доктор, — позвал он. — Доктор, ради бога, сюда. Я... я думаю, он мертв».

Саймондз бросился вперед, а Эллиот размеренными шагами вернулся к нам. Он стал как-то странно рассматривать свои руки.

В этот момент раздался дикий вопль Дианы.

«Это я его убила! — закричала она. — Боже мой! Я не хотела, но я убила его!»

И, потеряв сознание, она упала в траву.

«Давайте же скорее выбираться из этого страшного места! — закричала миссис Роджерс. — С нами тут бог знает что может произойти! Какой ужас!»

Эллиот крепко сжал мне плечо.

«Это невозможно, — отчетливо прошептал он. — Я вам говорю, этого

не может быть. Человека нельзя так убить. Это... это противоестественно».

Я попытался его успокоить.

«Это можно как-то объяснить, — сказал я. — Вероятно, у вашего брата было слабое сердце, а об этом не знали. Испуг, потрясение».

«Вы меня не понимаете, — перебил он меня, протянул свои руки, и я увидел на них красные пятна. — Дик умер не от потрясения, его закололи в сердце, а оружия нет».

Я с сомнением пристально посмотрел на него. В этот момент Саймондз, осмотрев тело, поднялся и подошел к нам. Он был бледен и весь дрожал.

«Мы что, с ума все сошли? — произнес он. — Что это за место? Почему тут происходят такие вещи?»

«Значит, это правда?» — спросил я.

Он кивнул:

«Рана такая, как будто ее нанесли длинным тонким кинжалом, но кинжала там нет».

Мы посмотрели друг на друга.

«Этого не может быть, — горячился Эллиот Хейдон. — Он, наверное, упал. Должно быть, валяется где-то на земле. Давайте посмотрим».

Мы безрезультатно обыскали все вокруг. Виолетта Маннеринг вдруг заявила:

«Диана что-то держала в руках. Что-то вроде кинжала. Я видела. Видела, как он сверкнул, когда она им грозила».

«Ричард не приблизился к ней и на три ярда», — возразил Эллиот Хейдон, покачивая головой.

Леди Маннеринг склонилась над распростертой на земле девушкой.

«У нее в руках сейчас ничего нет, — заявила она. — И на земле ничего не видно. Ты не ошибаешься, что видела его, Виолетта? Я не видела».

Доктор Саймондз подошел к мисс Ашли. Доктор Пендер, извинившись, прервал рассказ и огляделся.

— Теперь благодаря огромному количеству детективов, — сказал он, — мы все хорошо знаем, что тело надо оставлять там, где его обнаружили. Каждый уличный мальчишка теперь это знает.

Но мы в то время таких вещей не знали и отнесли тело Ричарда Хейдона в его гранитный дом и положили на кровать. Дворецкого отправили на велосипеде за двенадцать миль вызвать полицию.

Затем Эллиот отвел меня в сторону.

«Послушайте, — сказал он. — Я вернусь в рощу. Необходимо отыскать оружие».

«Если оно вообще было», — засомневался я.

Он крепко схватил мою руку и сильно встряхнул.

«Вбили себе всякие предрассудки в голову. Вы что, думаете, он умер от сверхъестественной силы? Так я пойду и разберусь во всем».

Я был решительно против этого и пытался разубедить его, но безрезультатно. Одна мысль о густой роще наводила на меня ужас. У меня возникло предчувствие, что надвигается еще одно несчастье. Но Эллиот упрямствовал. Он, я думаю, сам боялся, но не хотел признаваться в этом. Он ушел как следует вооруженный и настроенный добратся до сути загадки.

Ночь была отвратительная, никто и не пытался заснуть. Приехала полиция. Они отнеслись ко всему с откровенным недоверием и проявили сильное желание устроить допрос мисс Ашли. Но тут им пришлось иметь дело с доктором Саймондзом, который был категорически против. Мисс Ашли вышла из состояния обморока, или транса, и он дал ей сильное снотворное. До наступления дня ее ни в коем случае нельзя было тревожить.

Только к семи часам утра все хватились Эллиота Хейдона, и тут вдруг Саймондз спросил меня, где он. Я объяснил, что сделал Эллиот, и это еще больше расстроило Саймондза.

«К чему он туда пошел? Это... это напрасный риск».

«Вы же не хотите сказать, что и с ним что-то случилось?»

«Надеюсь, нет. Я думаю, святой отец, нам лучше пойти посмотреть».

Мне понадобилось собрать все свое мужество, чтобы отважиться на это. Мы отправились вдвоем и еще раз зашли в эту проклятую рощу. Мы кричали, но никто не отзывался. Через некоторое время мы вышли на поляну. В раннем утреннем свете она была тусклая, призрачная. Саймондз сжал мою руку, и у меня вырвался сдавленный крик. Минувшей ночью при лунном свете мы видели здесь тело человека, лежащего ничком. Сейчас на том же самом месте лежал Эллиот Хейдон.

«Боже мой! — вырвалось у Саймондза. — И его тоже!»

Эллиот Хейдон был без сознания, но слабо дышал. На этот раз причина трагедии была ясна. Длинное тонкое оружие осталось в ране.

«В плечо попало, не в сердце. Повезло, — прокомментировал доктор. — Бог знает, что и думать. Во всяком случае, он жив и сможет нам рассказать, что произошло».

Но этого-то как раз Эллиот Хейдон и не смог сделать. Его рассказ был крайне туманным. Он безуспешно пытался разыскать кинжал и наконец, прекратив поиски, остановился у святыща. К этому моменту он все

больше и больше убеждался в том, что кто-то следит за ним из-за деревьев. Он противился этому ощущению, но не мог от него избавиться. Он говорил, что подул холодный странный ветер, который, казалось, шел не из-за деревьев, а изнутри святилища. Эллиот заглянул вовнутрь. Увидел маленькую фигуру богини и почувствовал, что происходит нечто странное, возможно, это был оптический обман. Фигура как будто стала расти. Потом его что-то ткнуло — он воспринял это как удар в лоб — и сбило с ног. При падении он почувствовал острую, жгучую боль в левом плече.

Кинжал на этот раз был идентифицирован. Он был найден при раскопках кургана, и купил его Ричард Хейдон. Где он хранился, в доме или в святилище, никто не знал.

Полиция считала — и разубедить ее не удалось, — что мисс Ашли умышленно заколола Ричарда. Но, учитывая единодушные свидетельства, что она не приближалась к нему ближе чем на три ярда, у полиции не было никаких оснований надеяться на поддержку обвинения против нее. Таким образом, дело как было, так и осталось загадкой.

Воцарилось молчание.

— Возразить вроде нечего, — нарушила молчание Джойс Ламприер. — Все это настолько жутко, уму непостижимо. У вас-то самого есть объяснение, доктор Пендер?

— Есть, — кивнул старик. — Есть объяснение, то есть не совсем объяснение. Все же кое-что остается непонятным.

— Я бывала на спиритических сеансах, — сказала Джойс. — Так что вы можете говорить что угодно, но там происходят очень странные вещи. Я полагаю, что все объясняется особым гипнозом. Девушка, возможно, и на самом деле превратилась в жрицу Астарты и так или иначе заколола его. Может быть, она метнула кинжал.

— Или это был дротик, — предположил Реймонд Уэст. — В конце концов, лунный свет обманчив. У нее могло быть в руках копье, которым она заколола его на расстоянии, и, кроме того, не исключен массовый гипноз. Я имею в виду, что вы были готовы к мысли о присутствии сверхъестественной силы и поэтому ничего другого не увидели.

— В мюзик-холле я видел немало удивительных трюков с оружием и с ножами, — заговорил сэр Генри. — Я считаю, что человек прятался в чаще и оттуда мог довольно метко бросить нож или кинжал, при условии, конечно, что он профессионал. Признаю, это кажется довольно надуманным, но представляется единственной реальной версией. Вы помните, у второго было вполне отчетливое впечатление, что в роще кто-то следил за ним? В том, что мисс Маннеринг утверждает, будто мисс Ашли

держала в руках кинжал, а другие не подтверждают этого, нет ничего удивительного. Будь у вас такой же опыт, как у меня, вы бы знали, что показания пятерых человек об одном и том же могут невероятно отличаться друг от друга.

Мистер Петерик кашлянул:

— Но во всех этих версиях мы упускаем из виду один существенный факт, — заметил он. — Куда же девалось оружие? Мисс Ашли вряд ли могла незаметно убрать вонзившийся дротик или копье, ведь она стояла посреди открытого пространства. Если кинжал метнул скрывшийся убийца, то он бы остался в ране. Я думаю, надо отбросить надуманные версии и строго придерживаться фактов.

— И о чем же говорят факты?

— Ну... одно представляется совершенно ясным. Рядом с человеком, когда ему был нанесен удар, никого не было. Таким образом, единственный, кто мог заколоть его, — это был он сам. Налицо самоубийство.

— Но с какой же стати ему было совершать самоубийство? — скептически спросил Реймонд Уэст.

Адвокат откашлялся.

— Ах, об этом опять-таки можно только догадываться, — сказал он. — Догадки в настоящий момент меня не интересуют. Мне кажется, если исключить сверхъестественную силу — во что я ни на миг не поверю, — это единственно возможное объяснение случившемуся. Он сам себя заколот и, когда падал, взмахом руки выдернул кинжал из раны и отбросил его в деревья. Я думаю, это хотя и маловероятно, но возможно.

— Я предпочитаю не говорить, что нет сомнений, — вступила в беседу мисс Марпл. — Все это приводит меня в сильное замешательство. Но невероятные вещи все-таки случаются. В прошлом году на приеме у леди Шарпли, в саду, мужчина, игравший в часовой гольф^[8], споткнулся, зацепившись за цифру, потерял сознание и не приходил в себя в течение пяти минут.

— Но, дорогая тетя, — мягко заметил Реймонд, — его ведь не закололи, верно?

— Конечно нет, дорогой, — ответила мисс Марпл. — К этому я и веду. Нет сомнений, сэра Ричарда могли заколоть одним-единственным способом, но мне бы хотелось узнать, обо что он споткнулся. Возможно, о корни дерева. Он засмотрелся на девушку, а при лунном свете немудрено споткнуться обо что угодно.

— Вы говорите, что существует только один способ, которым могли

убить сэра Ричарда, мисс Марпл? — сказал священник, с любопытством поглядывая на нее.

— Печальная история, я предпочитаю не думать об этом. Он был правша или я ошибаюсь? Я имею в виду, что, для того чтобы нанести себе удар в левое плечо, он должен был быть правой. Я всегда так жалела беднягу Джека Бейнза во время войны! Он прострелил себе ногу после ожесточенного сражения у Арраса. Он мне рассказывал об этом, когда я приходила навещать его в госпиталь. Как он потом стыдился! Не думаю, что этот несчастный Эллиот Хейдон много выиграл от своего злодеяния.

— Эллиот Хейдон? — поразился Реймонд. — Вы думаете, это он?

— Не понимаю, а кто же еще это мог сделать? — слегка приподнимая брови, удивилась мисс Марпл. — Разумеется, в том случае, если, как мудро выразился мистер Петерик, смотреть на факты и не принимать всерьез всяких там языческих богинь, в которых нет ничего хорошего. Эллиот подошел к нему и перевернул. Для того чтобы совершить преступление, ему надо было повернуться к вам спиной, чтобы достать кинжал из-за пояса. Помнится, в молодости я танцевала с мужчиной, одетым главарем бандитов. У него было пять видов ножей и кинжалов, не передать, до чего неудобно было с ним танцевать.

Все взгляды устремились на доктора Пендера.

— Я узнал правду, — сказал он, — пять лет спустя после трагедии. Мне пришло письмо от Эллиота Хейдона. Оказывается, он догадывался, что я его подозревал. Он написал, что это было внезапным искушением. Он тоже любил Диану Ашли, но был всего лишь обыкновенным адвокатом. Устраняя Ричарда со своего пути, наследуя его титул и недвижимость, он надеялся на блестящую перспективу. Кинжал он вынул из-за пояса, когда склонился над братом. Он и задуматься не успел. Просто вонзил его и вложил в ножны. Себе он нанес рану позднее, чтобы отвести подозрения. Он писал мне накануне отъезда в экспедицию на Северный полюс на случай, как он выразился, если не вернется. Не думаю, чтобы он собирался возвращаться, и знаю, что, как заметила мисс Марпл, его преступление ничего ему не дало. «Пять лет, — писал он, — я живу в аду. Я надеюсь, что смогу искупить свою вину хотя бы достойной смертью». Наступила тишина.

— И он погиб достойно, — сказал сэр Генри. — Вы изменили имена в своем рассказе, доктор Пендер, но я, кажется, догадался, кого вы имели в виду.

— Как я и говорил, — продолжил священник, — не думаю, что это исчерпывающее объяснение. Я по-прежнему считаю, что рожа оказывала

зловещее воздействие, которое руководило поведением Эллиота Хейдона.
До сих пор не могу вспоминать о святилище Астарты без содрогания.

Золотые слитки

— Не знаю, подойдет ли история, которую я хочу рассказать, — начал Реймонд Уэст. — У меня нет для нее объяснения, однако обстоятельства дела настолько интересны, что мне хочется изложить ее в порядке постановки проблемы. Возможно, рассуждая логически, мы вместе в ней как-то разберемся.

Эти события происходили два года назад, когда я поехал на Троицу^[9] в Корнуолл с человеком по имени Джон Ньюмэн.

— В Корнуолл? — резко переспросила Джойс Ламприер.

— Да. А что?

— Нет, ничего. У меня история тоже про Корнуолл, о рыбацкой деревушке под названием Рэтхоул. Неужели и вы о том же самом?

— Нет. У меня деревня называется Полперран. Она на западном побережье Корнуолла, там очень дикая скалистая местность. Мы с Джоном были представлены друг другу за несколько недель до поездки, и я нашел его чрезвычайно интересным человеком. Умный, независимый, с воображением. Благодаря своему последнему увлечению он арендовал Пол-Хаус. Прекрасно разбирался во времени Елизаветы, ярко и наглядно описывал мне передвижение испанской Армады^[10]. И с таким энтузиазмом, будто бы он сам был тому свидетелем. Что это, перевоплощение? Непонятно. Совершенно непонятно.

— Не преувеличивай, дорогой Реймонд, — ласково пожурела его мисс Марпл.

— Какие преувеличения? — слегка раздраженно отозвался Реймонд Уэст. — Этот Ньюмэн в самом деле был одержимым, поэтому он и оказался мне интересен. Ну как полезное ископаемое, что ли. Оказывается, некое судно, принадлежащее Армаде, у которого на борту находились несметные богатства — золото из испанских владений, — потерпело крушение неподалеку от побережья Корнуолла, на известных своей коварностью Змеиных скалах. На протяжении ряда лет, говорил мне Ньюмэн, предпринимались попытки поднять корабль и достать ценности. Полагаю, подобные истории не новость, хотя количество мифических кораблей с сокровищами значительно превышает их действительное число. Образовалась одна компания, но обанкротилась, и Ньюмэну удалось купить права на все эти дела — или как это там называется? — за бесценок. Он всем этим очень проникся. По его словам, дело было только за новейшей

научной аппаратурой. Золото там, и у него не было ни тени сомнений в том, что его можно достать.

Когда я слушал его, мне подумалось, насколько же часто вот так получается. Богатый человек, такой, как Ньюмэн, преуспевает без каких-либо особых усилий, и, по всей вероятности, денежное выражение его будущей находки почти не имеет для него значения. Должен сказать, что его азарт заразил меня. Я видел, как гонимый штормом галеон^[11] прибывает к берегу, треплет, разбивает о чернеющие скалы. «Галеон» — это звучит романтично. А слова «испанское золото» завораживают и школьника, и взрослого. К тому же в то время я работал над романом, некоторые эпизоды которого относились к XVI веку, и меня радовала перспектива заполучить драгоценный местный колорит от хозяина Пол-Хауса.

Я отправился в пятницу утром с Паддингтонского вокзала в приподнятом настроении от предвкушения предстоящих радостей. Вагон был пуст, лишь один человек в противоположном конце сидел ко мне лицом. Высокий, с солдатской выправкой. Я не мог избавиться от впечатления, что где-то раньше видел его. В конце концов я вспомнил. Моим попутчиком был инспектор Бадгворт. Я сталкивался с ним, когда делал серию статей об исчезновении Эверсона.

Я напомнил ему о себе, и вскоре мы уже мило беседовали. Когда я сообщил ему, что еду в Полперран, выяснилось удивительное совпадение: он тоже направлялся туда. Я не хотел показаться назойливым и не стал расспрашивать о целях его вояжа, а заговорил о собственной поездке, упомянув об испанском галеоне, потерпевшем крушение. К моему удивлению, инспектору было о нем все известно.

«Это «Хуан Фернандес», — сказал он. — Ваш знакомый не первый гробит деньги на то, чтобы достать оттуда золото. Романтические выдумки».

«А может быть, вообще вся история выдумка? — спросил я. — И никакого корабля здесь нет?»

«О, сомнений нет, корабль затонул, — отвечал инспектор, — как и многие другие. Вы бы удивились, если бы знали, сколько крушений произошло в этой части побережья. Полгода назад именно здесь затонул «Отранто» — это и привело меня сюда».

«Помню, я читал об этом, — заговорил я, — надеюсь, никто не погиб?»

«Никто не погиб, но кое-что погибло. Не все знают, а ведь на борту «Отранто» был слиток золота».

«Да?» — заинтересовался я.

«Естественно, мы привлекли водолазов, но золото ушло, мистер Уэст».

«Ушло? — изумился я. — Как оно могло уйти?»

«В том-то и дело, — сказал инспектор. — Пробоина достигла особой кладовой. Водолазы без труда пробрались туда, но там ничего не было. Вопрос в том, украли золото до крушения или после? Было ли оно вообще на корабле?»

«Любопытный случай».

«Очень любопытный случай, если поразмыслить, что такое слиток. Ведь это не бриллиантовое ожерелье, которое можно сунуть в карман. Если представить, насколько он велик и тяжел, так все покажется абсолютно невозможным. Может, фокус-покус устроили до отправки судна, ну а если нет, то, должно быть, золото сумели изъять за эти полгода. Я еду туда для того, чтобы разобраться».

Ньюмэн встречал меня на вокзале. Он извинился, что приехал за мной на сельском грузовичке из имения, а не на автомобиле. Машину понадобилось подремонтировать, и ее отогнали в Труро.

Я сел рядом с ним, и мы аккуратно вырулили по узким улочкам из деревни. Поехали вверх по крутому склону, потом немного по очень извилистой дороге и наконец достигли ворот с гранитными столбами — Пол-Хаус.

Место было великолепное: крутой обрыв, дивный вид на море. Старому зданию было лет триста или четыреста, к нему было пристроено современное крыло. За ним шли сельскохозяйственные угодья в семь или восемь акров.

«Добро пожаловать в Пол-Хаус, — приветствовал меня Ньюмэн, приглашая в дом, — под знак золотого галеона». И он показал туда, где над дверью в передней висела прекрасная копия испанского галеона с полными парусами.

Мой первый вечер был наиболее замечательным и поучительным. Хозяин показывал мне старые рукописи с «Хуана Фернандеса», карты с отмеченным на них пунктиром местоположением корабля, схемы подводной аппаратуры, и это, можно сказать, уже окончательно и бесповоротно заинтриговало меня.

Я рассказал ему о встрече с инспектором Бадгвортом, чем он очень заинтересовался.

«Странные люди здесь, на побережье, — задумчиво произнес он. — Контрабанда и ожидание кораблекрушения у них в крови. Когда корабль идет на дно у их берега, они расценивают его не иначе как свою законную

добычу. Есть тут один, я вас с ним познакомлю. Интересный экземпляр».

Утро на следующий день стояло ясное. Ньюмэн отвез меня в Полперран и познакомил со своим водолазом. Его звали Хиггинс. Это был угрюмый человек с невыразительным лицом, его участие в разговоре в основном сводилось к междометиям.

После того как они переговорили между собой по сугубо техническим вопросам, мы отправились в «Три якоря». Большая кружка пива до некоторой степени развязала язык этой заслуживающей внимания личности.

«Детектив прибыл из Лондона, — пробурчал он. — Твердят, что на судне, которое затонуло тут в ноябре, была пропасть золота. Да, но ведь оно не первое тут потонуло и не последнее».

«Правильно! Правильно! — вмешался хозяин «Трех якорей». — Ваша правда, Билл Хиггинс».

«Вот так вот, мистер Келвин», — подтвердил Хиггинс.

Я с некоторым любопытством посмотрел на хозяина. Это был заметный человек — смуглый, черноволосый, на удивление широкоплечий. Глаза налиты кровью. И еще одна особенность: он все время избегал вашего взгляда. Я заподозрил, что именно о нем Ньюмэн говорил как об интересном экземпляре.

«Мы не желаем, чтобы чужаки совали нос к нам на побережье», — довольно агрессивно заявил он.

«Вы имеете в виду полицию?» — улыбнулся Ньюмэн.

«Имею в виду полицию и всех прочих, — многозначительно заявил Келвин, — понимаете, мистер?»

«Послушайте, Ньюмэн, а ведь это прозвучало угрозой», — сказал я, когда мы поднимались в гору, домой.

Он засмеялся:

«Глупости, я здесь никому ничего плохого не делал».

Я с сомнением покачал головой. В Келвине было что-то злобное, темное. Чувствовалось, что помыслы могут завести его бог знает куда.

Думаю, что именно с этого момента мною овладело беспокойство. Первую ночь я проспал вполне нормально, но на следующую ночь сон у меня был тревожный и прерывистый. Наступило воскресенье, мрачное, угрюмое. Небо покрылось тучами, слышались раскаты грома. Я никогда не умел скрывать своих переживаний, и Ньюмэн заметил, что у меня испортилось настроение.

«Что с вами, Уэст? Вы сегодня комок нервов».

«Не знаю, — признался я, — у меня дурное предчувствие».

«Погода такая».

«Да, наверно».

Больше я ничего не сказал. Днем мы выехали на моторной лодке Ньюмэна, но разошелся настолько сильный дождь, что мы рады были скорее вернуться домой и переодеться во все сухое.

А вечером мое беспокойство усилилось. За окном бушевал шторм. К десяти буря утихла. Ньюмэн выглянул в окно.

«Проясняется, — отметил он. — Не удивлюсь, если через полчаса будет прекрасная погода. Тогда пойду прогуляться».

«А меня ужасно клонит в сон. — Я зевнул. — Не выспался. Думаю лечь сегодня пораньше».

Так я и сделал. В предыдущую ночь я не выспался, а в эту ночь забылся тяжелым сном. Я все еще находился под гнетом острого предчувствия беды, меня одолевали кошмары. Страшные пучины, громадные пропасти, я блуждаю над ними и знаю: оступись я — и смерть. Я проснулся, когда стрелки часов показывали восемь. Голова невыносимо болела, ужас ночных кошмаров еще преследовал меня. Чувство это было настолько сильным, что, открыв окно, я отпрянул назад от нового страха: первое, что я увидел, был человек, копающий могилу.

Понадобилось минуты две, чтобы я взял себя в руки, только тогда я разобрался, что могильщик — это садовник Ньюмэна и что «могила» эта предназначается для трех кустов роз, которые лежали на земле в ожидании, когда их заботливо посадят в землю.

Садовник взглянул вверх, увидел меня и приподнял шляпу:

«Доброго утра, сэр. Замечательное утро, сэр».

«Кажется, да», — задумчиво отозвался я.

Однако, как и сказал садовник, утро действительно было замечательное. Солнце светило ярко, небо было голубое, безоблачное, и это предвещало чудесную погоду на целый день.

Насвистывая, я спустился к завтраку. У Ньюмэна в доме не было прислуги. Две сестры среднего возраста, жившие на ферме неподалеку, ежедневно приходили удовлетворять его скромные запросы. Вот и сейчас, когда я входил в комнату, одна из них ставила на стол кофейник.

«С добрым утром, Элизабет, — поздоровался я. — Мистер Ньюмэн еще не появлялся?»

«Он, должно быть, ушел рано утром, сэр, — ответила она. — Когда мы пришли, его не было».

Мое беспокойство возобновилось. Оба предыдущих утра Ньюмэн спускался к завтраку довольно поздно, и я представить себе не мог, чтобы

он рано поднялся. Движимый тревожными мыслями, я помчался к нему в спальню. Там никого не было, постель была не тронута. Беглый осмотр комнаты натолкнул меня еще на одну мысль: если Ньюмэн ушел прогуляться, то он, должно быть, ушел в том же, в чем был вечером, — одежды в комнате не было.

Теперь я был уверен, что мое предчувствие беды оправдалось. Ньюмэн, как и говорил, ушел на вечернюю прогулку. И по какой-то причине не вернулся. Почему? Что с ним случилось? Не упал ли с обрыва? Надо немедленно отправляться на поиски.

Через несколько часов я собрал большую группу помощников, и мы вместе начали розыск по всем направлениям вдоль обрыва и на скалах внизу. Но никаких следов Ньюмэна не обнаружили.

В конце концов, отчаявшись, я отыскал инспектора Бадгворта. Он помрачнел.

«Я думаю, это дело нечистое, — проговорил он. — Здесь есть несколько подозрительных субъектов. Вы видели Келвина, хозяина «Трех якорей»?»

Я ответил, что знаю такого.

«А вам известно, что он отбыл срок четыре года назад? Оскорбление действием».

«Меня это не удивляет».

«По-моему, все тут думают, что ваш приятель слишком любит соваться не в свои дела. Надеюсь, что до серьезного дело не дошло».

Розыск продолжился с удвоенным рвением. Только к концу дня наши усилия были вознаграждены. Мы обнаружили Ньюмэна в глубокой канаве в дальней части его собственного имения. Он был крепко-накрепко связан по рукам и ногам, а в рот его был запихан носовой платок.

Он совсем обессилел, но, когда ему растерли запястья и лодыжки и дали сделать хороший глоток виски, смог рассказать, что с ним произошло.

Погода прояснилась, и около одиннадцати часов вечера он вышел прогуляться. Он прошел некоторое расстояние вдоль обрыва и вышел на место, из-за большого количества пещер известное как Убежище Контрабандистов. Там он заметил, как несколько человек что-то выгружают из маленькой лодки, и спустился взглянуть, в чем дело. По-видимому, это был тяжелый груз, его несли в одну из самых дальних пещер.

Ньюмэн заинтересовался. Оставаясь незамеченным, он подошел к ним поближе. Вдруг его кто-то увидел, и поднялась тревога. Тут же два огромных моряка схватили его и избили до потери сознания. Когда Ньюмэн

пришел в себя, то обнаружил, что лежит в машине, которая движется, подпрыгивая на многочисленных ухабах и рытвинах, насколько он мог догадаться, по дороге от побережья в деревню. К его великому удивлению, автомобиль свернул в ворота его собственного дома. Здесь, пошептавшись друг с другом, его наконец вытащили и бросили в глубокую канаву, где его вряд ли могли скоро найти. Потом грузовик укатил. Ему показалось, что они выехали в другие ворота, на четверть мили ближе к деревне. Он не мог описать нападавших, понял только, что это были моряки и по речи — корнуоллцы.

Инспектор Бадгворт восторгнулся. «Будьте уверены, тут-то они и прятали золото! — воскликнул он. — Достали со дна морского и держали где-то в укромной пещере. Все знают, что мы обыскали все пещеры в Убежище Контрабандистов и теперь переходим на другое место. Очевидно, ночью они переносили свое добро в ту пещеру, где мы уже были. Они были уверены, что мы не полезем туда еще раз. К сожалению, в их распоряжении было по крайней мере часов восемнадцать и они могли спокойно распорядиться имуществом. Раз в ту ночь их застал мистер Ньюмэн, то вряд ли мы теперь найдем здесь что-нибудь».

Инспектор поспешил на поиски. Он нашел неопровержимое свидетельство того, что слиток спрятали и, как предполагалось, снова забрали. Никаких данных о его новом местонахождении не было.

Впрочем, одно подозрение было, и инспектор сам навел меня на него следующим утром.

«По этой дороге мало ездят на автомобилях, — сказал он, — поэтому в нескольких местах мы обнаружили очень четкие следы шин. На одной из шин отстает треугольный кусочек и оставляет характерную отметину. Видно, как они заезжали в ворота, и замечен слабый след выезда из других ворот. Так что нет никаких сомнений — это та машина, которая нам нужна. Вот только зачем они выехали из дальних ворот? Мне кажется, это совершенно ясно: грузовик из деревни. Мало у кого в деревне есть собственные грузовики. У двоих, ну, может быть, у троих. У Келвина, хозяина «Трех якорей», есть».

«Келвин кто по профессии?» — спросил Ньюмэн.

«Странно, что вы меня об этом спрашиваете, мистер Ньюмэн. В молодости Келвин работал водолазом».

Мы с Ньюмэном переглянулись. Головоломка, казалось, сама собой мало-помалу разрешалась.

«Вы не опознали Келвина среди тех людей на пляже?» — спросил инспектор.

Ньюмэн покачал головой:

«Боюсь, не смогу ответить на этот вопрос. У меня и времени-то не было, я ведь и понять ничего не успел».

Инспектор любезно разрешил пойти с ним до «Трех якорей». Гараж находился на боковой улице. Главный вход был заперт, но, повернув в переулок, мы обнаружили маленькую дверь, которая не была закрыта. Поверхностного осмотра шин инспектору было достаточно.

«Вот, клянусь Юпитером! — возликовал он. — Вот она, собственной персоной на заднем левом колесе. Итак, мистер Келвин, теперь, я думаю, вы не выкрутитесь».

Реймонд Уэст смолк.

— Ну? — не терпелось Джойс. — Пока мне непонятно, что здесь загадочного, — вот если не нашли золота...

— Естественно, не нашли, — нарушил Реймонд молчание. — И Келвина не обличили: думаю, он оказался им не по зубам. Но как он это все устроил — не представляю. Естественно, на основании улики — отметины на шине — его арестовали. Но произошла неожиданная осечка. Прямо напротив въезда в гараж находился коттедж, который на лето был снят одной дамой-художницей.

— Ох уж эти дамы-художницы! — рассмеялась Джойс.

— Да, действительно, «уж эти дамы-художницы»! Так вот, кстати, она уже несколько недель болела и поэтому к ней приходили две сиделки. Та, которая была в ночную смену, пододвинула кресло к окну. Шторы были подняты, и она заявила, что не могла не увидеть, если бы автомобиль выехал из гаража. Она поклялась, что он не выезжал из гаража в ту ночь.

— Что из этого, — невозмутимо фыркнула Джойс. — Да сиделка заснула. Они всегда спят.

— Э, такое, как известно, случается, — рассудил мистер Петерик, — но мне кажется, что мы подходим к фактам, не поразмыслив над ними как следует. До того как принимать к сведению показания медицинской сестры, мы должны как следует убедиться в ее добросовестности. Что это за алиби, которое возникает с такой подозрительной быстротой? Оно кажется сомнительным.

— Имеются также показания художницы, — продолжал Реймонд. — Она свидетельствовала, что испытывала сильные боли и не спала почти всю ночь. Она бы обязательно услышала грузовик, так как он необычайно шумит, а ночью после бури было очень тихо.

— М-да, — хмыкнул священник. — Это, несомненно, дополнительное свидетельство. А у самого-то Келвина есть алиби?

— Он говорил, что находился дома и лег спать в десять вечера, но подтвердить это никто не мог.

— Сиделка спала, — снова вмешалась Джойс, — и больная вместе с ней тоже. Больные всегда думают, что ночами не смыкают глаз.

Реймонд Уэст вопросительно посмотрел на доктора Пендера.

— Знаете, я сочувствую этому Келвину, — сказал тот. — Мне кажется, это как раз тот случай, когда «дурная слава по дорожке бежит»: Келвин был в заключении. Кроме отметины на шине, которая, без сомнения, слишком примечательна, чтобы быть простым совпадением, за исключением его несчастливого прошлого, против него ничего нет.

— Ну а вы, сэр Генри?

Сэр Генри покачал головой.

— Как всегда, — засмеялся он, — мне кое-что известно по данному делу. Так что, очевидно, пока не следует высказываться.

— Так, идем дальше — тетя Джейн, неужели вам нечего сказать?

— Минутку, дорогой, — пробормотала мисс Марпл, — собьюсь со счета. Две с накидом, три лицевые, одну снимаем, две с накидом — так, все. Что ты говоришь, дорогой?

— Твое мнение?

— Тебе мое мнение не понравится, дорогой. Молодежь не любит этого, я заметила. Лучше ничего не говорить.

— Глупости, тетя Джейн, выкладывайте.

— Изволь, дорогой Реймонд. — Мисс Марпл отложила вязанье и взглянула на племянника. — Я считаю, что следует быть более разборчивым в выборе знакомых. Ты такой доверчивый, дорогой, так легко поддаешься обману. Полагаю, это из-за того, что ты писатель и излишне впечатлителен. Что за история с испанским галеоном! Будь ты постарше да знай жизнь получше, ты бы сразу насторожился. К тому же человека ты знал без году неделю.

Сэр Генри вдруг разразился неудержимым хохотом и шлепнул себя по колену.

— Вот так вот, Реймонд, — поддразнил он. — Мисс Марпл, вы замечательный человек. Ваш знакомый Ньюмэн, мой мальчик, на самом деле носит другое имя. В настоящий момент он не в Корнуолле, а в Девоншире, в Дартмуре, точнее, в Принстаунской тюрьме. Мы взяли его не по делу о краже слитка, а за ограбление кладовой одного лондонского банка. Затем занялись другими его делами и обнаружили большую часть украденного золота, оно было зарыто в саду Пол-Хауса. Неплохо было придумано. По всему побережью Корнуолла рассказывают истории про

крушения галеонов, полных золота. Это объясняло появление водолаза, объяснило бы потом и золото. Но нужен был козел отпущения. Келвин идеально подходил на эту роль. Ньюэн разыграл свою маленькую комедию очень хорошо, и наш друг, Реймонд, как известный писатель, выступил в роли безупречного свидетеля.

— А отмети́на на шине? — возразила Джойс.

— Ох, я сразу поняла, дорогая, хотя ничего и не смыслю в моторах, — начала мисс Марпл. — Люди меняют колеса, вы знаете, я часто такое наблюдала, и, конечно, они могли снять колесо с грузовика Келвина, вытащить его через маленькую дверь в переулок и надеть на грузовик мистера Ньюэна. Выехать на грузовике через одни ворота на пляж, погрузить на него золото и привезти через другие ворота. Потом они, должно быть, вернули колесо назад и снова поставили на грузовик мистера Келвина, а в это время кто-то связывал мистера Ньюэна в канаве. Не слишком-то приятно это было для него, и, вероятно, его искали дольше, чем он ожидал. Я полагаю, что человек, который считался садовником, и занимался этим делом.

— Почему вы говорите «считался садовником», тетя Джейн? — спросил с любопытством Реймонд.

— Как же он мог быть на самом деле садовником! — возмутилась мисс Марпл. — Садовники не работают в Духов понедельник^[12]. Это всем известно. — Она улыбнулась и свернула вязанье. — Именно эта мелочь и навела меня на верный след, — объяснила она и взглянула на Реймонда. — Когда будешь иметь свой дом, дорогой мой, и у тебя будет собственный сад, будешь знать и такие тонкости.

Кровь на панели

— Вот любопытно, — сказала Джойс Ламприер, — не очень-то хочется рассказывать эту историю. Произошла она давно, точнее, пять лет назад. И до сих пор меня преследует. Улыбаюсь безмятежно, а в глубине души все еще таится ужас. И странное дело, в этюде, который я тогда написала, отразилось это состояние. Когда вы видите его в первый раз, перед вами просто набросок крутой корнуоллской улочки. Но если смотреть на него достаточно долго, то появляется в нем что-то зловещее. Никогда не выставляю его на продажу и сама никогда не смотрю на него. Я держу его в мастерской подальше от глаз.

Местечко называлось Рэтхоул. Это такая маленькая странная корнуоллская рыбацья деревушка, очень живописная, даже, может быть, слишком живописная. Уж очень сильна в ней атмосфера патриархального корнуоллского Чайного дома. Там сохранились мастерские, где коротко стриженные девушки в блузах пишут красками на пергаменте девизы. Мило, отдает стариной, но так неказисто.

— Знаю, знаю, — сказал Реймонд Уэст, тяжело вздыхая. — По-моему, сущее бедствие для автомобилей. Туда ведут плохие и узкие дороги, да и в самой-то этой живописной деревушке ездить опасно.

Джойс кивнула:

— Действительно, дорога в Рэтхоул узкая, крутая, прямо как стенка дома. Но продолжаю. Я приехала в Корнуолл на две недели порисовать. В Рэтхоуле есть старая гостиница «Полхарвит Армс». Считается, что это единственный дом, уцелевший после обстрела испанцами в тысяча пятьсот каком-то году.

— Не было обстрела, — сказал Реймонд Уэст, хмуря брови. — Будьте поаккуратнее с историческими событиями, Джойс.

— Неужели? Во всяком случае, они установили пушки где-то на побережье и стреляли, и дома рухнули. Впрочем, дело не в этом. Гостиница — замечательное старинное здание с портиком на четырех колоннах. Я выбрала подходящее место и уже принялась было за работу, как показалась машина. Медленно петляя по холму, она спускалась вниз. И конечно же, она обязательно должна была остановиться у гостиницы, где мне ее больше всего недоставало. Вышли двое — мужчина и женщина. Я их как следует не рассмотрела. На ней были льняное розовато-лиловое платье и такая же шляпа. Мужчина вскоре возвратился и, к моему великому удовольствию,

отогнал машину на набережную. Он прошел мимо меня обратно к гостинице. В это время еще одна противная машина, петляя, спустилась с холма. В ней была женщина в ярчайшем ситцевом платье, я такого никогда не видела, все такими алыми цветами, а на голове огромная соломенная шляпа — кубинская, что ли? — и тоже яркая, алого цвета. Женщина не остановилась перед гостиницей, а проехала по улице немного дальше. Когда она вышла из машины, мужчина удивленно воскликнул:

«Кэрол, скажите на милость! Надо же встретиться в такой дали! Столько лет не виделись! Да, я здесь с Марджори. Это моя жена. Ты должна с ней познакомиться».

Они пошли бок о бок по направлению к гостинице. Я увидела, как другая женщина вышла из дверей и пошла им навстречу.

Я успела мельком взглянуть на женщину по имени Кэрол, когда она проходила мимо. Напудренный добела подбородок и ярко накрашенные губы, я подумала — просто подумала, — так ли уж Марджори будет рада этому знакомству. Я не видела Марджори вблизи, но издали она производила впечатление чопорной и не слишком модной женщины.

Разумеется, это не мое дело, но, знаете, иногда встречаешься со странными вещами, и потом невозможно удержаться, чтобы не порассуждать об этом. Они остановились недалеко от меня, и я невольно слышала кое-что из их разговора. Мужчина — оказалось, его зовут Деннис — предлагал взять лодку и прогуляться вдоль побережья. По его словам, в миле отсюда находилась известная пещера, которую стоило осмотреть. Кэрол тоже хотела осмотреть пещеру, но она предлагала отправиться туда пешком через скалы. Она сказала, что терпеть не может лодок. В конце концов они остановились на том, что Кэрол пойдет берегом по тропинке через скалы, а Деннис и Марджори возьмут лодку и прогуляются вкруговую.

Разговор о купании и у меня вызвал желание освежиться. Утро выдалось на редкость жаркое, работа у меня шла неважно. К тому же я решила, что полуденное солнце будет более эффектно. Так что я собралась и отправилась на небольшой пляж, который облюбовала в противоположном от пещеры направлении. Прекрасно выкупалась, позавтракала консервированным языком и двумя помидорами и к полудню возвратилась, полная сил, чтобы продолжить работу.

Казалось, весь Рэтхоул спит. Я не ошиблась: полуденное солнце сделало предметы более выразительными. «Полхарвит Армс» была центром моего этюда. Косые солнечные лучи освещали площадку перед гостиницей, создавая весьма любопытный эффект. Я поняла, что

купальщики благополучно возвратились, потому что два купальных костюма, один алого, а другой синего цвета, сушились на балконе.

У меня не удался эскиз, на мгновение я наклонилась кое-что подправить. Когда я снова подняла голову, то увидела как из-под земли появившегося человека. Он стоял, прислонясь к одной из колонн гостиницы. Он был одет по-морскому, и я решила — рыбак. У него была большая темная борода, и если бы мне потребовался натурщик для свирепого испанского шкипера, то лучшего не представить. Я принялась работать в лихорадочной спешке, пока он не двинулся с места, хотя, судя по его виду, он готов был подпирать колонну вплоть до скончания века.

Когда он все же отошел от колонны, я, к счастью, уже запечатлела то, что хотела. Он подошел ко мне и заговорил. О, что он мне наговорил! «Рэтхоул, — сказал он, — был весьма замечательным местом». Мне это уже было известно, но, скажи я ему об этом, меня бы это не спасло. Он поведал историю обстрела — я хочу сказать, разрушения — деревни, сообщил о том, что хозяин «Полхарвит Армс» был убит последним — заколот шпагой офицера-испанца на пороге собственного дома, — и о том, как кровь его брызнула на плиты панели и никто в течение столетий не смог смыть этих кровавых пятен.

Рассказ очень соответствовал тяжелой, навевающей дремоту атмосфере дня. Голос у него был вкрадчивый, и тем не менее в рассказе содержался какой-то пугающий подтекст. Манеры заискивающие, хотя в то же время угадывалось, что он был жесток. Он заставил меня отчетливо представить все ужасы инквизиции и жестокостей, совершенных испанцами.

Он рассказывал, а я продолжала писать, как вдруг поняла, что, увлеченная его рассказом, я изобразила то, чего не было. На белой плите тротуара перед входом в гостиницу в ярких лучах солнца у меня отчетливо выделялись пятна крови. Казалось невероятным, что голова могла сыграть такую шутку с руками, но когда я взглянула еще раз на площадку перед гостиницей, то поразились еще больше. Моя рука просто написала то, что увидели глаза, — капли крови на белой плите тротуара.

С минуту мой взгляд был прикован к этому месту. Потом я закрыла глаза и сказала себе: «Не будь же такой глупой, не может там быть никакой крови». Но когда я снова открыла глаза, пятна крови никуда не исчезли.

Мне стало не по себе, и я прервала поток красноречия рыбака.

«Послушайте, — сказала я, — у меня не очень хорошее зрение. Это что там на панели, пятна крови?»

Он посмотрел на меня снисходительно-добродушно.

«В наши дни, леди, уже нет никаких пятен. То, о чем я вам рассказал, было почти пятьсот лет назад».

«Конечно, конечно, — сказала я, — но сейчас на панели...» И замолчала. Я поняла, я осознала, что он не увидит того, что вижу я. Я поднялась и трясущимися руками стала собирать свои вещи.

Пока я занималась этим, в дверях гостиницы появился молодой мужчина, приехавший утром на машине. Он растерянно смотрел по сторонам. На балкон вышла его жена и сняла купальные костюмы. Он направился было к машине, но вдруг повернул назад и, перейдя улицу, обратился к рыбаку:

«Скажи, дружище, ты не видел, вернулась ли леди, что приехала на второй машине?»

«Дама в платье с цветами? Нет, сэр, не видел. А вот утром она пошла через скалы к пещере».

«Знаю, знаю. Мы вместе там купались. А потом она пошла пешком назад, и с тех пор я ее не видел. Не может же она так долго возвращаться. Скалы здесь не опасны?»

«Это, сэр, зависит от того, где идти. Лучше всего взять человека, знающего эти места». Он явно имел в виду себя и принялся было развивать эту тему, но молодой человек бесцеремонно оборвал его и помчался к гостинице.

«Марджори! — крикнул он жене на балконе. — Кэрол еще не вернулась. Странно, правда?»

Я не слышала ответа Марджори, а ее муж продолжал:

«Но мы не можем больше ждать. Нам надо поскорее попасть в Пенритар. Ты готова? Я сейчас подгоню машину».

Он подогнал машину, и они уехали. А мне не давала покоя мысль, действительно ли я видела кровь или это была игра моего воображения. И как только они уехали, я подошла к гостинице и тщательно осмотрела тротуар. Конечно, никаких пятен крови не было. Никаких, все это было плодом моей возбужденной фантазии. Хотя почему-то мне все это показалось еще более странным. И тут я услышала голос рыбака.

«Леди, вы действительно видели здесь кровь?» — спросил он, с любопытством глядя на меня. Я кивнула.

«Очень странно, очень странно. У нас здесь существует поверье, леди: если кто-нибудь увидит здесь кровь...» — Он остановился.

«И что тогда?» — спросила я.

«Говорят, — продолжал он своим вкрадчивым голосом с корнуоллскими интонациями, но свободно и хорошо владея речью без

местного акцента и корнуоллских оборотов, — говорят, что если кто-нибудь увидит здесь кровь, то в течение суток произойдет убийство. Кто-то умрет».

Какой ужас! Я почувствовала, как по спине у меня побежали мурашки. Он продолжал объяснение:

«В церкви, леди, есть интересная доска о смерти...»

«Спасибо. Довольно», — решительно сказала я, резко повернулась и пошла по улице к коттеджу, где снимала комнату. Не успела я дойти, как увидела, что вдали по тропинке через скалы идет женщина — Кэрол. Она торопилась. На фоне серых камней она казалась каким-то ядовито-красным цветком. Ее шляпа была цвета крови...

Я одернула себя: что это такое, всюду мне мерещится кровь.

Затем я услышала шум ее машины. Интересно, подумала я, она тоже направляется в Пенритар? Но она поехала налево, в противоположном направлении. Я видела, как машина взбиралась по холму и исчезла. Почему-то я с облегчением вздохнула. И Рэтхоул, казалось, снова погрузился в крепкий сон.

— Если это все, — сказал Реймонд Уэст, когда Джойс остановилась, — то я сразу скажу свое мнение: это объясняется несварением желудка, пятна перед глазами — после приема пищи.

— Нет, не все, — сказала Джойс. — Послушайте продолжение. Через два дня я прочитала в газете заметку под заголовком «Трагедия на берегу моря». В ней говорилось, что миссис Дейкр, жена капитана Денниса Дейкра, утонула во время купания неподалеку от бухты Лэндер. Они с мужем проживали там в гостинице. Они собрались идти купаться. Но тут поднялся холодный ветер. Капитан Дейкр заявил, что для купания слишком свежо, и отправился с несколькими постояльцами играть в гольф неподалеку. Однако миссис Дейкр сказала, что ей не холодно, и пошла в бухточку одна. Так как она долго не возвращалась, муж забеспокоился и отправился с приятелями на пляж. Они нашли ее одежду у камня, но не обнаружили никаких следов несчастной леди.

Спустя почти неделю было обнаружено ее тело — его выбросило на берег на некотором расстоянии от места происшествия. На голове была глубокая рана, полученная ею до наступления смерти: по официальной версии, она нырнула и стукнулась головой о камень. Насколько я могу судить, смерть ее наступила как раз через сутки после того, как я увидела кровь на панели.

— Я протестую, — сказал сэр Генри. — Это не загадочный случай, а сплошная мистика. Мисс Ламприер, очевидно, медиум.

Мистер Петерик, как всегда, сначала кашлянул.

— Одна вещь меня как-то настораживает, — сказал он, — это рана на голове. Я полагаю, не следует исключать возможности неблагоприятного поступка. Но я вижу, у нас нет данных, на которые можно было бы опереться. Галлюцинация, или видение, мисс Ламприер, несомненно, явление интересное, но мне не совсем ясно, на чем, по ее мнению, мы будем строить рассуждения.

— Несварение желудка и совпадения, — сказал Реймонд. — Так или иначе, а ведь даже неизвестно, с теми ли людьми это связано. К тому же это проклятие, или как его там, наверное, относится только к местным жителям.

— У меня ощущение, что морской волк имеет отношение к этой истории, — сказал сэр Генри. — Но я согласен с мистером Петериком, что мисс Ламприер дала нам очень мало деталей.

Джойс повернулась к доктору Пендеру, который, кивнув ей, с улыбкой сказал:

— Рассказ очень интересный, но я присоединяюсь к сэру Генри и мистеру Петерику, — данных, чтобы сделать какие-то выводы, слишком мало.

Тогда Джойс с надеждой посмотрела на мисс Марпл, и та в ответ улыбнулась ей.

— Я тоже, дорогая Джойс, считаю, что вы не совсем правы, — сказала она. — Конечно, я — это другое дело. Я имею в виду то, что мы, женщины, больше внимания обращаем на одежду. И поэтому я считаю, что не совсем честно предлагать решение этой проблемы мужчинам. А все дело, я думаю, в быстром переодевании. Ах, какая мерзкая женщина! И еще более мерзок мужчина.

Джойс с удивлением посмотрела на мисс Марпл.

— Тетушка Джейн, простите, мисс Марпл, — поправилась она, — мне кажется, я даже уверена, что вы все знаете.

— Конечно, милая, — сказала мисс Марпл. — Мне, сидя здесь, в спокойной обстановке, гораздо легче, чем было тогда тебе, разобраться во всем. А будучи художником, ты еще и очень впечатлительна, ведь верно? Сидя в этой комнате с вязаньем в руках, имеешь дело только с фактами. Кровь на тротуар попала с купального костюма, висевшего на балконе. А поскольку он был красного цвета, то преступники и не заметили, что он был в крови. Бедняжка, ведь она была так молода!

— Простите, мисс Марпл, — прервал ее сэр Генри. — Знаете ли, я в недоумении. Мисс Ламприер, по всей видимости, понятен предмет

разговора, но мы, мужчины, пока что в абсолютном неведении.

— Теперь я расскажу вам конец истории, — сказала Джойс. — Это было год спустя. Я была в небольшом курортном городке на восточном побережье и писала этюды. И вдруг чувствую, что такое уже происходило на моих глазах раньше. Мужчина и женщина на тротуаре передо мной встречают женщину в ситцевом ярко-красном, или даже пунцовом, платье: «Кэрол, скажите на милость! Надо же встретиться через столько лет! Ты не знакома с моей женой? Джоан, это моя старинная приятельница мисс Хардинг».

Мужчину я сразу же узнала. Это был тот самый Деннис, которого я видела в Рэтхоуле. Жена была другая, то есть вместо Марджори — Джоан, но женщина такого же типа: молодая, тоже скромно одетая, ничем не примечательная. Мне показалось, что я схожу с ума. Они заговорили о купании. Я скажу вам, что я сделала. Я отправилась прямехонько в полицейский участок. Я опасалась, что меня примут за сумасшедшую, но мне было не до того. К счастью, все обошлось благополучно. Там уже был человек из Скотленд-Ярда, он приехал как раз по этому делу. Ох, до чего же неприятно рассказывать об этом — оказывается, Деннис Дейкр уже был на подозрении у полиции. Деннис Дейкр было одним из его вымышленных имен — он пользовался разными именами в зависимости от обстоятельств. Знакомился с тихими, скромными девушками, у которых почти не было родственников или друзей, женился на них, страховал их жизнь на большие суммы, а потом — ах, какой ужас! Женщина по имени Кэрол была его настоящей женой. Они всегда действовали по одному и тому же плану. Благодаря этому полиция и вышла на него — страховые компании заподозрили неладное. Он обычно приезжал в какое-нибудь тихое местечко со своей новой женой, потом появлялась вторая женщина, и они вместе отправлялись купаться. Потом жену убивали, Кэрол надевала ее платье и возвращалась в нем в лодке. Потом они уезжали куда-нибудь из этого места, не забыв поспрашивать, не возвращалась ли Кэрол. Как только они выезжали из деревни, Кэрол снова быстро переодевалась в свое приметное, огненно-красное цветастое платье, наносила свой яркий грим, возвращалась пешком обратно и уезжала на автомобиле. Они знали направление течения и соответственно выбирали место мнимой гибели намеченной жертвы. Потом Кэрол отправлялась на пустынный пляж, оставляла одежду убитой у какого-нибудь камня, уходила в своем цветастом ситцевом платье и спокойно дожидалась, пока муж присоединится к ней.

Я думаю, когда они убивали Марджори, кровь попала на купальный

костюм Кэрол, а поскольку он был красный, они ее, как говорит мисс Марпл, не заметили. Ну а когда купальник развесили на балконе, кровь и накапала. Ух! — Она содрогнулась. — До сих пор у меня это перед глазами.

— Совершенно верно, — сказал сэр Генри. — Теперь я припоминаю. Настоящее имя преступника было Деннис. Я просто забыл, что одной из его вымышленных фамилий была Дейкр. Это была очень ловкая пара. Мне всегда казалось невероятным, что никто не замечает подмены человека. Но думаю, что мисс Марпл права — одежда запоминается легче, чем лица. И преступники пользовались этим настолько тонко, что, хотя мы и подозревали Денниса, уличить его было нелегко.

— Тетушка Джейн, как это так вам удастся? — спросил Реймонд, глядя на мисс Марпл.

— Я все больше и больше убеждаюсь, что на свете всюду происходит одно и то же, — сказала мисс Марпл. — Была, знаете ли, такая миссис Грин, так она похоронила пятерых детей, и все они были застрахованы. Так что, естественно, возникают подозрения. — Она покачала головой. — В деревенской жизни так много зла. Надеюсь, вам, мои дорогие молодые люди, не придется узнать, как много зла в этом мире.

Мотив и возможность

Мистер Петерик откашлялся гораздо многозначительнее, чем обычно.

— Опасаюсь, что после потрясающих рассказов, которые мы услышали, моя незамысловатая история покажется вам совсем пустяковой, — извиняющимся тоном произнес он. — В ней нет кровопролития, но мне она кажется интересной и очень остроумной. К счастью, я знаю, в чем ее загадка.

— Уж не юридическая ли казуистика? — спросила Джойс Ламприер. — Я имею в виду статьи закона, дело «Барнэби против Скиннера» в 1881 году и тому подобное.

Мистер Петерик, сияя улыбкой, понимающе посмотрел на нее поверх пенсне:

— Нет, нет, моя дорогая юная леди. Вам не следует опасаться на этот счет. История, которую я собираюсь рассказать, проста и незатейлива, в ней может разобраться любой.

— Так никаких юридических ухищрений? — погрозила ему спицей мисс Марпл.

— Конечно, конечно, — заверил мистер Петерик.

— Ну ладно, я в этом не уверена, но готова послушать.

— История касается моего бывшего клиента. Я буду называть его мистер Клоуд — Саймон Клоуд. Это был весьма состоятельный человек, и жил он в большом доме неподалеку отсюда. Его единственный сын погиб на войне. Остался ребенок — маленькая девочка. Ее мать умерла при родах, и после смерти отца девчушка стала жить у деда, который сразу к ней сильно привязался. Маленькая Крис могла делать со своим дедушкой все, что угодно. Я никогда не встречал человека, более занятого ребенком, чем он. Не могу передать вам его горе и отчаяние, когда девочка в возрасте одиннадцати лет заболела воспалением легких и умерла.

Бедный Саймон Клоуд был безутешен. К тому же вскоре еще один из его братьев скончался. Дети брата оказались в весьма стесненных обстоятельствах. Саймон Клоуд великодушно предоставил им свой дом. И вот у него поселились две девушки — Грейс и Мэри — и юноша — Джордж. Старик был добр к детям брата, но никогда не проявлял к ним такой любви и привязанности, как к своей маленькой внучке. Для Джорджа в банке неподалеку нашлась работа. Грейс вышла замуж за молодого способного ученого-химика по имени Филипп Гаррод. Мэри была

незаметной, замкнутой девушкой, она осталась жить в доме и заботилась о своем дяде. Я полагаю, она любила его в свойственной ей сдержанной манере. Судя по всему, все шло мирно. Замечу, что после смерти маленькой Кристобель Саймон Клоуд пришел ко мне и поручил составить новое завещание. По этому завещанию его состояние, очень значительное, делилось между племянником и племянницами: каждому по трети.

Шло время. Однажды, случайно повстречавшись с Джорджем Клоудом, я поинтересовался о дяде, которого некоторое время не видел. К моему удивлению, Джордж помрачнел.

«Очень бы хотелось, чтобы вы как-то повлияли на дядю Саймона, — удрученно сказал он. Выражение его честного, не блещущего красотой лица свидетельствовало о тревоге и замешательстве. — С этими спиритическими сеансами все хуже и хуже».

«Что за спиритические сеансы?» — удивился я.

Тогда Джордж рассказал мне, что мистер Клоуд заинтересовался этим занятием, начал входить во вкус и тут случайно познакомился с медиумом, американкой, некоей Эвридикой Спрагг. Джордж охарактеризовал ее как мошенницу, возымевшую над Саймоном Клоудом огромную власть. Она практически постоянно находилась в доме и проводила массу сеансов, во время которых перед безумствующим от любви к внучке дедом предстал дух маленькой Крис.

Скажу вам прямо, я не отношусь к числу тех, кто не приемлет спиритизм. Как вам уже говорил, я доверяюсь фактам и думаю, что если подходить к этому беспристрастно и взвесить факты в пользу спиритизма, то выяснится много такого, что нельзя отнести на счет мошенничества и чему нельзя просто не придавать значения. Поэтому я верю и не верю.

Однако, с другой стороны, спиритизм легко становится объектом надувательства и жульничества. Из того, что мне рассказал Джордж Клоуд об этой Эвридике Спрагг, я понял, что Саймон Клоуд попал в плохие руки и что миссис Спрагг, вероятнее всего, мошенница высшей марки. Старик, будучи в практических делах человеком проницательным, мог быть запросто обведен вокруг пальца там, где дело касалось его любви к покойной внучке.

Чем дольше я обдумывал ситуацию, тем мне все больше становилось не по себе. Я любил молодых Клоудов, Мэри и Джорджа, и понимал, что эта миссис Спрагг и ее влияние на их дядю в будущем могут привести к неприятности.

Я нашел предлог и зашел к Саймону Клоуду. Я понял, что миссис Спрагг обосновалась в доме как почетный и близкий гость. Достаточно

было взглянуть на нее, чтобы мои опасения подтвердились. Это была крепкая женщина среднего возраста, вызывающе одетая. Она оперировала лицемерными фразами о «наших возлюбленных, которые отошли в мир иной» и другими вещами подобного рода.

Ее муж, мистер Абсалом Спрагг, худой, высокий мужчина с меланхоличным выражением лица и каким-то скрытым взглядом, также обитал в доме. Я пригласил к себе Саймона Клоуда и тактично поинтересовался о его новых знакомых. Он был полон энтузиазма. Эвридика Спрагг — замечательная женщина! Она ниспослана ему богом в ответ на его мольбы! Деньги ее ничуть не волнуют, ей доставляет радость помочь страждущему сердцу, у нее просто материнские чувства к маленькой Крис, и он готов относиться к ней как к дочери. Затем он стал описывать мне некоторые подробности: как он слышал голосок Крис, как ей хорошо, как она счастлива быть вместе с мамой и папой. Все эти сентиментальности, насколько я помню Кристобель, были ей совершенно не свойственны. По словам Саймона, девочка упорно утверждала, что «мама и папа любят дорогую миссис Спрагг».

«Ну, — прервался он, — вы, конечно, смеетесь надо мной, Петерик».

«Нет, не смеюсь. Отнюдь. Есть люди, занимающиеся этим предметом, свидетельства которых я бы не колеблясь принял и оказал бы доверие и уважение любому рекомендованному ими медиуму. Я полагаю, у этой миссис Спрагг хорошие рекомендации?»

Саймон разразился потоком восторгов по поводу миссис Спрагг. Она ниспослана богом. Он повстречал ее на водах, где провел летом два месяца. Случайная встреча, и такой удивительный результат!

Я ушел очень недовольным. Мои худшие опасения подтвердились. К тому же я не видел выхода из этой ситуации. Все же, как следует поразмыслив, я написал Филиппу Гарроду, который, как я только что упоминал, женился на старшей Клоуд — Грейс. Я крайне сдержанно обрисовал ему ситуацию. Я указал на опасность того, что подобная женщина может оказать решающее воздействие на старика. И я предложил поискать возможность ввести мистера Клоуда в контакт с какими-то достойными уважения медиумами. Я считал, что устроить это не составит Филиппу Гарроду труда.

Гаррод действовал быстро. Он понял то, чего не понял я, — здоровье Саймона Клоуда было в очень опасном состоянии. И, как человек практичный, он не имел желания допустить, чтобы его жену, ее сестру и ее брата лишили наследства, которое по праву принадлежало им. Он появился на следующей неделе и привел с собой в качестве гостя известного

профессора Лонгмана. Лонгман был первоклассным ученым, и его причастность к спиритизму вызывала почтительное отношение к последнему. Блестящий ученый, он и человеком был чрезвычайно прямым и честным.

Результат визита был крайне неудачен. Оказалось, что Лонгман во время своего пребывания в доме не сказал ничего определенного. Было проведено два сеанса, при каких условиях — я не знаю. Находясь в доме, Лонгман уклонялся от разговоров, но после ухода он написал Филиппу Гарроду письмо. В нем он признавал, что не сумел уличить миссис Спрагг в мошенничестве, тем не менее, по его личному впечатлению, явления были ненастоящими. Он писал, что если мистер Гаррод сочтет уместным, то может показать это письмо своему дяде, а также предложил свести мистера Клоуда с абсолютно честным медиумом.

Филипп Гаррод отнес письмо дяде, но результат оказался не таким, как он ожидал. Старик пришел в неопиcуемый гнев. Все это интриги, позорящие миссис Спрагг! Это клевета и оскорбление святой! Она уже говорила ему о том, как ей ужасно завидуют. Он заметил, что даже Лонгман был вынужден признать, что не обнаружил мошенничества. Эвридика Спрагг пришла к нему в трудный час его жизни, поддержала его, и он будет защищать ее, даже если бы это привело к ссоре со всеми членами семьи. Она значит для него больше, чем кто бы то ни был в мире.

Филипп Гаррод был выпровожен из дома безо всяких церемоний. Приступ сильного гнева подорвал здоровье Клоуда. Его состояние заметно ухудшилось. Он практически слег, и уже не было сомнений в том, что он так и останется прикованным к постели, пока смерть не облегчит его страдания.

Через два дня после ухода Филиппа я получил срочный вызов от Саймона Клоуда и спешно отправился к нему. Клоуд лежал в постели и даже на мой неискушенный взгляд выглядел очень больным. Дыхание у него было прерывистым.

«Мне осталось жить совсем немного, — произнес он. — Не спорьте со мной, Петерик. Я чувствую это. Но перед тем как умру, я собираюсь выполнить свой долг перед единственным человеческим существом, которое сделало для меня больше, чем кто-либо в мире. Я хочу написать новое завещание».

«Как только вы мне поручите это, я сразу же составлю документ и вышлю вам», — ответил я.

«Так не пойдет, дорогой мой, — прохрипел он. — Ведь я могу и до утра не дожить. Я написал вот здесь, чего хочу. — Клоуд пошарил у себя

под подушкой. — А вы скажите мне, все ли тут верно».

Он достал лист бумаги с какими-то небрежными каракулями. Все было вполне просто и ясно. Он оставлял по пять тысяч фунтов племянницам и племяннику, а все остальное состояние полностью вверял Эвридике Спрагг «с благодарностью и восхищением».

Мне это было не по нраву, но что же поделаешь. О сумасшествии не могло быть и речи: голова у старика работала не хуже, чем у других.

Клоуд позвонил служанкам. Тут же явились горничная Эмма Гонт — женщина средних лет, которая много лет проработала в доме и теперь самоотверженно ухаживала за Клоудом, — и кухарка Люси Дейвид — светловолосая миловидная женщина лет тридцати. Саймон Клоуд в упор взглянул на них из-под кустистых бровей.

«Я хочу, чтобы вы засвидетельствовали мое завещание. Эмма, передай мне авторучку. Не с этой стороны, — раздраженно заворчал он. — Ты что, не знаешь, что она в правом ящике?»

«Нет, она как раз здесь, сэр», — сказала Эмма и протянула ручку.

«Значит, в прошлый раз ты ее не туда положила, — пробурчал старик. — Терпеть не могу, когда вещи не кладут на место».

Продолжая ворчать, он взял у нее ручку и переписал подправленный мной черновик на новый лист бумаги. Потом расписался. Эмма Гонт и кухарка Люси Дейвид тоже поставили свои подписи. Я сложил завещание и положил его в продолговатый голубой конверт. Как вам известно, оно обязательно должно было быть написано на обыкновенном листе бумаги.

Только служанки собрались выходить из комнаты, как Клоуд с перекошенным от удушья лицом откинулся на подушки. Встревоженный, я наклонился к нему, а Эмма Гонт тут же вернулась. Однако старику полегчало, и он слабо улыбнулся:

«Все в порядке, Петерик, не беспокойтесь. Во всяком случае, теперь я умру с легким сердцем, ведь я сделал, что хотел».

Эмма вопрошающе взглянула на меня, можно ли ей идти. Я кивнул, и она пошла, но вдруг остановилась и подняла голубой конверт, который я от волнения выронил. Она подала его мне в руки, я сунул конверт в карман пальто, и она ушла.

«Вам все это не по нутру, Петерик, — заговорил Саймон Клоуд. — Но вы, как и все, небеспристрастны».

«Дело не в пристрастности, — возразил я. — Вполне возможно, что миссис Спрагг именно тот человек, за которого себя выдает. Я бы не стал возражать, если бы вы оставили ей какую-то небольшую долю в знак благодарности, но, говоря откровенно, Клоуд, лишать наследства свою

плоть и кровь в пользу чужого человека — неправильно».

С этими словами я повернулся и ушел. Я сделал все, что мог, высказав свое отрицательное отношение.

Мэри Клоуд встретила меня в холле.

«Выпейте чаю на дорожку. Проходите сюда». И она повела меня в гостиную.

В камине горел огонь, комната выглядела уютно и приветливо. Мэри помогла мне снять пальто. Вошел ее брат — Джордж. Он взял пальто, положил на стул в дальнем конце комнаты и вернулся к камину, где был накрыт стол для чая. Во время чаепития возник какой-то вопрос насчет имени. В свое время Саймон Клоуд сказал, что не хочет им заниматься и предоставляет все решать Джорджу. Джорджа очень беспокоило такое доверие его персоне. По моему предложению, мы после чая прошли в кабинет, и я познакомился с соответствующими бумагами. Мэри Клоуд при сем присутствовала.

Через четверть часа я собрался уходить и пошел в гостиную за пальто. В комнате была миссис Спрагг. Она стояла на коленях возле стула с пальто. Казалось, она делает что-то совершенно ненужное с кретоновым ковром. Увидев нас, она, сильно покрасневшись, поднялась.

«Этот ковер не укладывается как следует, — пожаловалась она. — Подумать только! Хотелось получше подогнать».

Я взял пальто, оделся. И только тут заметил, что конверт с завещанием выпал из кармана и валяется на полу. Я снова положил его в карман, попрощался и ушел.

Дальше опишу свои действия подробно. Вернувшись к себе в офис, я снял пальто и достал завещание из кармана. Я стоял у стола, держал документ в руке, когда вошел служащий. Кто-то желал говорить со мной по телефону, а мой аппарат на столе не работал. Вместе со служащим я вышел в приемную и пробыл там минут пять, разговаривая по телефону.

Когда я закончил, ко мне опять обратился служащий:

«Мистер Спрагг хочет видеть вас, сэр. Я провел его к вам в офис».

Я отправился к себе. Мистер Спрагг сидел у стола. Он поднялся и с несколько излишним рвением поприветствовал меня. Затем он приступил к длинной сбивчивой речи. По-видимому, это была попытка оправдать себя и свою жену. Он опасается, что люди говорят, и т. д., и т. д. Все знают, что его жена с детства отличалась чутким сердцем и добрыми помыслами, и т. п., и т. п. Боюсь, я с ним не слишком церемонился. Я думаю, в конце концов он понял, что визит его неуместен, и, как-то неожиданно завершив беседу, он ушел. Тогда-то я вспомнил, что оставил завещание на столе. Я взял его,

заклеил конверт и убрал в сейф.

И вот я перехожу к сути истории. Два месяца спустя мистер Саймон Клоуд умер. Не буду вдаваться в подробности. Просто констатирую факты. Когда я вскрыл конверт с завещанием, там оказался чистый лист бумаги.

Он сделал паузу, окинул взглядом внимательные лица и с явным удовольствием улыбнулся:

— Вы, конечно, понимаете, о чем речь? Два месяца запечатанный конверт лежал в моем сейфе. К нему никто не имел доступа. С тех пор как завещание подписали и до того момента, когда я спрятал его в сейф, прошло слишком мало времени. Итак, кто же все-таки успел, у кого была возможность и в чьих интересах было это сделать?

Напомню основные моменты: завещание подписано мистером Клоудом и положено мною в конверт — пока все хорошо. Затем оно было положено мною в карман пальто. Пальто с меня сняла Мэри и отдала Джорджу. Пальто было передано ему на моих глазах. Пока я находился в кабинете, у миссис Эвридики Спрагг было достаточно времени, чтобы вытащить конверт из кармана и познакомиться с его содержанием. По-видимому, то, что конверт оказался на полу, а не в кармане, свидетельствует о том, что она именно так и поступила. И тут мы оказываемся перед любопытным фактом: у нее была возможность заменить завещание чистой бумагой, но не было мотива. Завещание было в ее пользу. Заменяя его пустым листком бумаги, она лишала себя наследства, которое так жаждала получить. То же относится и к мистеру Спраггу. У него также была возможность. На две или три минуты он оставался один на один с этим документом у меня в офисе. Но опять-таки он ничего от этого не выигрывал. Итак, перед нами интересная задача: два человека, которые имели возможность вложить чистый лист бумаги, не имели мотива для этого, и двое, у которых был мотив, не имели возможности. Между прочим, не будем исключать из подозреваемых Эмму Гонт. Она души не чаяла в молодых хозяевах и не переносила Спраггов. Я не сомневаюсь, что она попыталась бы совершить подлог, если бы задумала. Но на самом деле она отдала конверт, подняв его с пола. Несомненно, у нее не было возможности открыть конверт. Она не могла ловким движением рук подменить его другим конвертом, потому что конверт, о котором идет речь, был принесен в дом мною и вряд ли у кого-нибудь нашелся бы такой второй.

Он огляделся, одарив собравшихся улыбкой:

— Вот моя маленькая загадка. Надеюсь, я изложил все ясно. Было бы интересно услышать ваше мнение.

Ко всеобщему удивлению, мисс Марпл не смогла удержаться от смеха.

По-видимому, ее тут что-то очень позабавило.

— Что с вами, тетя Джейн? Может быть, и нам можно посмеяться? — спросил Реймонд.

— Я вспомнила маленького Томми Саймондса, этого озорного мальчишку, но, надо сказать, иногда страшно уморительного. У детей с такими невинными мордашками вечно что-нибудь происходит. На той неделе в воскресной школе он вдруг спрашивает учительницу: «Как правильно сказать: желток в яйцах белый или желтки в яйце белые?» И мисс Дерстон принялась объяснять, что принято говорить: желтки в яйцах белые или желток в яйце белый. А этот озорник и говорит: «А я бы сказал, что желток в яйце желтый!» Ну как не озорник! И старо как мир, я это еще с детства знаю.

— Смешно, конечно, дорогая тетя Джейн, — смягчился Реймонд, — но ведь это не имеет отношения к интересной истории, которую рассказал мистер Петерик.

— Как же не имеет! — возразила мисс Марпл. — Тут же подвох. И история мистера Петерика тоже с подвохом. Вполне в духе адвоката! Ах, старина! — И она, посмотрев на него, с укоризной покачала головой.

— Удивительно, вы в самом деле все поняли? — оживившись, спросил адвокат.

Мисс Марпл написала несколько слов на клочке бумаги, сложила и передала ему.

Мистер Петерик развернул записку, прочел и взглянул на пожилую даму с восхищением.

— Друг мой, — сказал он, — существует ли для вас что-нибудь неразрешимое?

— Мне с детства такое известно, — ответила мисс Марпл. — Я сама подобные штуки устраивала.

— Что-то никак не сообразить, — сказал сэр Генри. — Чувствую, что тут у мистера Петерика какой-то хитроумный юридический фокус.

— Ну что вы, — возразил мистер Петерик. — Что вы. Все совершенно просто. Не стоит так прислушиваться к мисс Марпл. У нее свой взгляд на вещи.

— Нам надо добраться до истины, — принялся рассуждать Реймонд Уэст. — Конечно, все выглядит довольно просто. По сути дела, пять человек притрагивались к конверту. Ясное дело, Спрагги могли сунуть свой нос, но в то же время очевидно, что они этого не делали. Остаются трое. Тут представляется прекрасная возможность проделать то, что делают фокусники у вас на глазах. Мне кажется, что бумагу мог изъять и

подменить Джордж Клоуд в тот момент, когда он нес пальто в дальний конец комнаты.

— А я считаю, что это девица, — заявила Джойс. — Я думаю, что горничная побежала и рассказала ей все, а та достала другой голубой конверт и просто подменила их.

Сэр Генри покачал головой.

— Я с вами обоими не согласен, — медленно начал он. — Такие вещи только для фокусников, и делаются они на сцене или в романах, но в реальной жизни, в особенности под пристальным взглядом такого человека, как мой друг мистер Петерик, мне кажется, осуществить их невозможно. Но у меня есть одна версия — версия, но отнюдь не больше. Мы знаем, что незадолго до этого в доме побывал профессор Лонгман и притом не сказал почти ничего определенного. Логично предположить, что Спрагги были озабочены последствиями его визита. Если Саймон Клоуд не посвящал их в свои дела, что вполне вероятно, они могли думать, что Клоуд послал за мистером Петериком совсем из других соображений. Возможно, они считали, что мистер Клоуд еще раньше успел составить завещание в пользу Эвридики Спрагг и теперь в результате открытий профессора Лонгмана или же напоминаний Филиппа Гаррода о правах плоти и крови он послал за мистером Петериком, чтобы срочно устранить ее от наследования. В этом случае предположим, что миссис Спрагг решила осуществить подмену. Она и делает это, но в самый неподходящий момент входит мистер Петерик. У нее даже нет времени прочитать документ, и она поспешно уничтожает его, бросив в огонь.

Джойс решительно покачала головой:

— Она бы никогда в жизни не сожгла его, не прочитав.

— Объяснение не очень убедительное, — признал сэр Генри.

— Не могу утверждать, что у меня сложилось какое-то определенное мнение, — сказал доктор Пендер. — Думаю, что подмену могли осуществить либо миссис Спрагг, либо ее муж. Мотивом, возможно, послужило то, о чем сказал сэр Генри. Если бы миссис Спрагг прочла завещание после ухода мистера Петерика, то оказалась бы в затруднительном положении: ведь признаться в своем поступке она не могла. Правда, она бы могла положить завещание в бумаги мистера Клоуда в надежде на то, что его обнаружат после смерти наследователя. Но его почему-то не нашли. Вполне вероятно, что Эмма Гонт наткнулась на завещание и из преданности хозяевам умышленно уничтожила его.

— Я считаю, что объяснение доктора Пендера самое правдоподобное, — возвестила Джойс. — Не так ли, мистер Петерик?

Адвокат покачал головой:

— Продолжу с того, на чем остановился. Я был огорашен, как и все вы, я был в полном недоумении. Не думаю, что я когда-нибудь добрался бы до истины, скорее всего — нет, но меня просветили. Это тоже было тонко сделано.

Приблизительно месяц спустя я пошел пообедать с Филиппом Гарродом. Мы разговорились, и уже после обеда он упомянул о любопытном случае, который привлек его внимание.

«Мне хотелось бы рассказать вам о нем, Петерик, конфиденциально, конечно».

«Разумеется», — ответил я.

«Один мой приятель, у которого имелись виды на наследство от родственника, был сильно опечален тем, что, как выяснилось, родственник этот вознамерился завещать имущество совершенно недостойной особе. Боюсь, мой приятель был не очень щепетилен в выборе средств. В доме была девушка, преданная интересам тех, кого я называю законной стороной. Он дал ей ручку, заправленную соответствующим образом. Девушка должна была положить ее в ящик письменного стола в комнате хозяина, но не в тот ящик, где обычно лежала ручка. И когда хозяину понадобилось бы засвидетельствовать подпись на каком-либо документе и он бы попросил ручку, то она должна была подать ему ручку-двойник. Вот и все, что нужно было сделать. Никакой другой информации он ей не давал. Девушка была преданным человеком и в точности выполнила его указания».

Он прервал рассказ и произнес:

«Надеюсь, я вас не утомляю, Петерик?»

«Напротив, — отозвался я. — Вы меня очень заинтересовали».

Мы встретились взглядами.

«Вы моего приятеля, конечно, не знаете?»

«Конечно нет», — ответил я.

«Тогда все в порядке», — успокоился Филипп Гаррод.

Петерик выдержал паузу и потом сказал с улыбкой:

— Вам ясно, в чем дело? Ручка была заправлена так называемыми исчезающими чернилами — водным раствором крахмала с добавлением нескольких капель йода. Получается насыщенная черно-синяя жидкость, но написанное исчезает через четыре-пять дней.

Мисс Марпл усмехнулась.

— Исчезающие чернила, — подтвердила она. — Известное дело. Сколько развлекалась ими, когда была девочкой. — И она с улыбкой

посмотрела на всех, а мистеру Петерику погрозила пальцем. — Все же это подвох, мистер Петерик, — сказала она. — Впрочем, как раз в духе адвокатов.

Отпечатки пальцев святого Петра

— Теперь ваш черед, тетя Джейн, — сказал Реймонд Уэст.

— Да, тетя Джейн, мы ждем от вас чего-нибудь такого особенного.

— Ну вот, смеетесь надо мной, дорогие мои, — посетовала мисс Марпл. — Вы думаете, раз я прожила всю жизнь в глуши, то вряд ли расскажу что-нибудь интересное.

— Боже избави, чтобы я считал жизнь в деревне безмятежной и небогатой событиями, — запальчиво возразил Реймонд. — После того, что мы от вас услышали, кажется, во всем мире царит спокойствие по сравнению с Сент-Мэри-Мид.

— Человеческая натура, дорогой, в сущности, везде одинакова, — заметила мисс Марпл. — Только в деревне есть возможность внимательнее наблюдать за ней.

— Вы неподражаемы, тетя Джейн! — воскликнула Джойс. — Надеюсь, вы не против, что я вас так называю? Не знаю даже почему.

— Так уж и не знаешь, милая? — покачала головой мисс Марпл. Она с лукавой улыбкой взглянула на девушку, заставив ее покраснеть.

Реймонд Уэст засуетился и смущенно прокашлялся. Мисс Марпл посмотрела на обоих, снова улыбнулась и опять сосредоточилась на своем вязании:

— Конечно, жизнь моя, можно сказать, небогата событиями. Но я приобрела некоторый опыт в разрешении возникающих иногда различных загадок. Некоторые из них были поистине хитроумны. Рассказывать о них не имеет смысла, потому что они связаны со столь незначительными событиями, что вам было бы просто неинтересно. Вот, например, кто сделал дырку в кошелке миссис Джоунз? Или почему миссис Симс только один раз надела свою новую шубу? Но для того, кто исследует человеческую природу, это очень любопытные факты. Постойте, припоминаю кое-что для вас интересное: случай с мужем моей племянницы, бедняжки Мейбл...

Произошло это лет десять-пятнадцать назад. Событие это, к счастью, уже в прошлом, с ним покончено, все забыли о нем. У людей короткая память — счастливое обстоятельство, всегда думаю я.

Мисс Марпл прервалась и забормотала себе под нос:

— Надо просчитать этот ряд. Раз, два, три, четыре, пять, потом три накида. Правильно. Итак, на чем я остановилась? Ах да, бедняжка Мейбл...

Мейбл — моя племянница. Замечательная была девушка. В самом деле очень хорошая девушка, только чуть, что называется, того. Любила разыгрывать маленькие трагедии и в расстроенных чувствах могла наговорить больше, чем бы хотелось. Она вышла замуж за некоего мистера Денмана, когда ей было двадцать два года. Боюсь, этот брак не был особенно счастливым. Я все надеялась, что их знакомство кончится ничем, поскольку мистер Денман отличался очень тяжелым характером. Он был не из тех людей, кто бы терпимо относился к слабостям Мейбл. К тому же мне стало известно, что в его роду были душевнобольные. Но девицы тогда были такими же упрямыми, как и сейчас, и такими, наверное, будут всегда. И Мейбл вышла за него замуж.

Я редко виделась с ней после свадьбы. Раза два она была у меня в гостях. Супруги приглашали меня к себе много раз, но, по правде говоря, я не люблю ночевать в чужом доме, и у меня всегда находились какие-нибудь отговорки. Десять лет они прожили вместе, и вдруг мистер Денман внезапно умер. Детей они не имели, и все его деньги остались Мейбл. Я, конечно, написала ей и готова была навестить ее, но она в ответ прислала мне вполне благоразумное письмо, и я сделала вывод, что вдова отнюдь не убита горем. Я подумала: ничего удивительного, ведь мне было известно, что последнее время они не ладили. Не прошло и трех месяцев, как я получила от Мейбл прямо-таки истерическое письмо. Она умоляла меня приехать, писала, что обстоятельства складываются все хуже и хуже и что она так долго не выдержит.

И вот, — продолжала мисс Марпл, — я определила любимую Клару в пансион, отправила столовое серебро и кружку короля Карла в банк и двинулась в путь. Мейбл я нашла в отчаянном состоянии. Дом «Долина мирт» был довольно большой и прилично обставлен. Имелась кухарка, горничная, а кроме того, еще и медицинская сестра, ухаживающая за старшим Денманом, отцом мужа Мейбл, у которого, как говорится, были «не все дома». Обычно он вел себя тихо, прилично, но временами вытворял невообразимое. Я ведь говорила, что в семье были психически больные.

Я была потрясена, увидев, как изменилась Мейбл. Она стала какой-то издерганной, сплошной комок нервов; я даже не решилась прямо спросить у нее, что случилось. Пришлось действовать исподволь. Я стала расспрашивать ее о знакомых, о которых она всегда писала мне в письмах. Спросила о Галахерах. К моему удивлению, Мейбл сказала, что вряд ли теперь будет с ними встречаться. Я назвала еще некоторых других ее знакомых — ответ тот же. Тогда я стала увещевать ее, что нечего, мол, капризничать, запирается ото всех и погружаться в мрачные мысли, что

особенно глупо порывать с друзьями. Вот тут ее и прорвало, и правда вышла наружу.

«Это не я, это всё они! Тут ни один человек теперь не желает со мной разговаривать! Когда я иду по Хай-стрит, все сворачивают в сторону, чтобы не встретиться со мной. Я словно прокаженная. Это ужасно, я не могу больше этого вынести! Придется продать дом и уехать за границу. Но с какой стати мне уезжать из такого дома? Я ведь ничего плохого никому не сделала».

Я была так расстроена, что не передать. Я в то время вязала шарф старой миссис Хей и от волнения потеряла две петли, потом долго не могла их отыскать.

«Мейбл, дитя мое, ты меня поражаешь. В чем же причина всего этого?» — спросила я.

Мейбл и в детстве была страшно упрямой. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить ее все-таки ответить на мой вопрос. Она принялась твердить о злых языках, о людях, у которых в жизни нет ничего, кроме сплетен, и которые забивают другим головы всякой чепухой.

«Это мне понятно, — сказала я. — Но, очевидно, с тобой связана какая-то история. Что за история, ты должна знать не хуже других. И ты мне ее расскажешь».

«Это так страшно», — простонала Мейбл.

«Конечно, страшно, — согласилась я. — Но что бы ты ни рассказала мне, это не удивит и не испугает меня. Теперь, может быть, признаешься, что о тебе говорят?»

Вот тут-то все и выяснилось.

По-видимому, смерть Джеффри Денмана, поскольку она произошла внезапно, вызвала различные толки. А если сказать короче, напрямик, как я потребовала от нее, люди говорили, что она отравила мужа.

Я полагаю, вам известно, что нет ничего более страшного, чем такие разговоры, и с ними всего трудней бороться. Когда люди говорят всякое у вас за спиной, вы не можете ни отрицать ничего, ни опровергнуть, а слухи нарастают и нарастают, и невозможно их пресечь. Я знала наверняка: Мейбл не способна на преступление. Но, рассуждала я, опостылевший дом, разбитая жизнь — не слишком ли это дорогая плата за какую-то, быть может, и совершенную ею глупость?

«Нет дыма без огня, — настаивала я. — Ты должна мне сказать, с чего все началось. Должно же было быть что-то?»

Мейбл была очень растеряна и только бормотала, что ничего, ничего не было, за исключением, впрочем, того, что Джеффри умер совершенно

неожиданно. Вроде был абсолютно здоров еще за ужином, а ночью ему вдруг стало плохо. Вызвали доктора. Тот уже ничего не мог сделать. Муж скончался через несколько минут после прибытия врача. Решили, что смерть наступила в результате отравления грибами.

«Так, — не отступала я, — полагаю, что внезапная смерть могла дать повод для сплетен. Но, без сомнения, были, наверное, еще какие-нибудь дополнительные факты. Ты ссорилась с Джеффри или было у вас что-нибудь в этом роде?»

Она призналась, что у них была ссора накануне, утром за завтраком.

«И слуги, наверное, слышали?» — спросила я.

«Их не было в комнате».

«Но, милая моя, — заметила я, — вероятно, они были недалеко от дверей».

Я же прекрасно знала, как хорошо слышен пронзительный истерический голос Мейбл. Да и Джеффри Денман тоже, когда сердился, повышал тон.

«Из-за чего вы поссорились?» — допытывалась я.

«А, обычное дело. Все одно и то же изо дня в день. Из-за какой-то мелочи началось. А когда Джеффри стал невыносим и начал говорить разные гадости, я высказала все, что о нем думала».

«Значит, ругались как следует?»

«Это не моя вина...» — отвечала племянница.

«Дитя мое, — продолжала я, — чья это была вина, значения не имеет. Не об этом речь. В таких местечках, как ваше, личные дела каждого в той или иной степени становятся достоянием окружающих. Вы с мужем все время ссорились. Однажды утром вы повздорили особенно сильно, и ночью — эта внезапная загадочная смерть... Это все или было еще что-нибудь?»

«Я не знаю, что вы имеете в виду под «еще что-нибудь», — пробурчала Мейбл.

«Только то, что сказала, милочка. Если ты наделала каких-то глупостей, ради бога, не скрывай. Я постараюсь сделать все, что смогу, чтобы помочь тебе».

«Мне никто и ничто не может помочь, — обреченно произнесла Мейбл. — Только смерть».

«Доверься немного больше Провидению, милая, — сказала я. — Теперь я знаю совершенно точно, что ты еще кое-что от меня скрываешь».

Мне было хорошо известно, что даже в детстве она всегда что-нибудь недоговаривала. Потребовалось время, но в конце концов я узнала все.

Оказывается, она ходила утром в аптеку и купила мышьяк. Ей пришлось, конечно, расписаться за него. Естественно, аптекарь не молчал об этом.

«Кто ваш врач?» — спросила я.

«Доктор Ролинсон».

Мейбл показала мне его на следующий день. У меня слишком богатый жизненный опыт, чтобы верить в непогрешимость врачей. Часть из них — люди сведущие, а часть — нет. Почти всегда даже лучшие из них не знают, чем вы больны. Сама я избегаю врачей и их лекарств.

Я сочла, что надо действовать. Надела шляпку и пошла к доктору Ролинсону. Он оказался именно таким, каким я его себе представляла, — милым стариком, доброжелательным, рассеянным, до жалости близоруким, туговатым на ухо и в то же время в высшей степени обидчивым. Он почувствовал себя на коне, когда я упомянула о смерти Джеффри Денмана, и долго говорил о различных видах грибов, съедобных и ядовитых. Он сказал, что расспрашивал кухарку и та призналась, что один или два гриба показались ей тогда «немного подозрительными», но раз уж они из лавки, решила она, то должны быть хорошими. Но чем больше она о них потом думала, тем больше грибы представлялись ей необычными.

«Сначала это были грибы как грибы, а потом стали оранжевыми в красную крапинку. Чего только эта публика не припомнит, если постарается», — подумала я.

Денман, когда к нему явился врач, совсем не мог говорить. Он не мог глотать и скончался через несколько минут. Доктор, по-видимому, не сомневался в своем заключении. Но было ли это упрямство или истинное убеждение, сказать трудно.

Я немедленно отправилась домой и спросила Мейбл напрямик, для чего она купила мышьяк.

«У тебя же должна была быть какая-то цель», — сказала я.

Мейбл разрыдалась:

«Я хотела покончить с собой. Я была так несчастна».

«Мышьяк у тебя сохранился?» — допытывалась я.

«Нет, я его выбросила».

Я сидела и вновь и вновь все мысленно прокручивала.

«Что произошло, когда ему стало плохо? Он позвал тебя?»

«Нет. — Мейбл покачала головой. — Он стал сильно звонить. Наконец Дороти, горничная, которая живет в доме, услышала и разбудила кухарку. Обе они явились к Джеффри. Дороти увидела его и испугалась. Речь бессвязная, бредит. Она оставила с ним кухарку и прибежала ко мне. Конечно, я сразу поняла, что с мужем что-то необычное. К несчастью,

Брустер, которая ухаживает за старым Денманом, в ту ночь отсутствовала, так что некому было посоветовать, что делать. Я послала Дороти за врачом, а сама с кухаркой осталась при нем, но через несколько минут я уже не выдержала: это было так страшно. Я убежала к себе в комнату и заперла дверь».

«Какая ты эгоистка, какая жестокая, — не сдержалась я. — Наверняка твое поведение сыграло в дальнейшем свою роль, можешь в этом не сомневаться. Кухарка, конечно, повсюду об этом растрезвонила. Ну и ну, плохи дела».

Потом я поговорила с прислугой. Кухарка принялась было рассказывать о грибах, но я ее остановила. Мне надоели эти грибы. Я обстоятельно расспросила обеих о состоянии их хозяина в ту ночь. Обе в один голос утверждали, что у него, по-видимому, были сильнейшие боли, что он не мог глотать, пытался говорить что-то сдавленным голосом, но нес какую-то чушь, ничего осмысленного.

«Что же это была за чушь?» — поинтересовалась я.

«О какой-то рыбе, верно?» — обратилась кухарка к Дороти.

Та подтвердила:

«Да, все говорил: выпила рыба, выпила рыба, словом, глупости всякие. Я сразу поняла, что он, бедный, не в своем уме».

Действительно, в его словах, кажется, не было никакого смысла. Я закончила расспрашивать их. Оставалась еще Брустер, и я отправилась к ней. Это оказалась изможденная женщина лет под пятьдесят.

«Жаль, меня не было в ту ночь, — сокрушалась она. — Видно, ему никто не пытался помочь, пока не пришел врач».

«Я допускаю, что Джефффри бредил, — с сомнением сказала я. — Но это же не симптом отравления птомаином, не так ли?»

«Как сказать», — заметила Брустер.

Я поинтересовалась, как чувствует себя ее пациент.

Она покачала головой:

«Довольно скверно».

«Слабость?»

«Нет, физически он достаточно крепок. Только вот зрение очень падает. Он может пережить всех нас, но болезнь мозга прогрессирует. Я уже говорила с мистером и миссис Денман, что старика следует направить в институт, но миссис Денман и слышать об этом не хочет».

Замечу, что Мейбл всегда была добрая душа.

Итак, факт оставался фактом. Я обдумала случившееся и решила, что должно быть сделано еще одно дело. Учитывая распространяющиеся

сплетни, надо обратиться за разрешением на эксгумацию тела, чтобы произвести надлежащее post-mortem^[13], то есть вскрытие трупа, и тогда злые языки утихомятятся.

Мейбл, конечно, подняла шумиху, главным образом из сентиментальных соображений — трогать умершего с места его упокоения и прочее, и прочее. Но я настояла.

Тут я не буду вдаваться в детали. Мы добились соответствующего разрешения. Вскрытие, или как там еще это называется, было проведено, но результат не был таким определенным, как бы нам хотелось. Никаких признаков мышьяка. Это было в нашу пользу. Дословно в акте стояло: «Не обнаружено никаких доказательств причины смерти».

Как вы понимаете, такое заключение не вывело нас из затруднения. Люди продолжали судачить о редких ядах, присутствие которых невозможно обнаружить, и о прочем вздоре из той же оперы. Я повидалась с патологоанатомом, который производил вскрытие, и задала ему несколько вопросов. И хотя он всеми силами пытался уйти от ответов, мне все же удалось выяснить его мнение: крайне маловероятно, что причиной смерти оказались ядовитые грибы. Тут у меня возникла мысль, и я спросила его, а какой яд мог бы привести к подобному исходу. Он пустился в длинные объяснения, которые, признаюсь, я пропустила мимо ушей. Но подытожил он так: «Смерть могла быть следствием действия какого-либо сильного растительного алкалоида».

А я подумала: если душевная болезнь в скрытой форме была в крови Джефффри Денмана, разве он не мог совершить самоубийство? Он занимался когда-то медициной и имел хорошее представление о ядах и их действии.

Я не считала, что мой вывод верен, но это было единственное, что мне тогда пришло в голову, а я уже начинала выходить из себя.

И должна признаться — полагаю, молодым людям это покажется смешным, — когда я по-настоящему в тяжелой ситуации, я твержу себе под нос маленькое заклинание, где бы ни находилась, на улице ли, на рынке. И это всегда приводит к успеху. Возможно, по вашему мнению, я говорю о какой-то чепухе, совершенно не связанной с предметом. Но это не так. Текст заклинания висел у меня над кроватью, еще когда я была маленькой: «Ищите и обряцете». В то утро, о котором я рассказываю, я шла по Хай-стрит и не переставая твердила эти святыя слова. Я даже на какой-то момент закрыла глаза. А когда открыла, что, вы думаете, я прежде всего увидела?

Пять лиц с различной степенью интереса обратились к мисс Марпл.

Можно было, однако, с уверенностью утверждать, что никто не нашел правильного ответа на вопрос.

— Я увидела, — с особой выразительностью произнесла мисс Марпл, — витрину рыбной лавки, и в ней только одно — грудку свежей пикши^[14].

— Бог ты мой! — воскликнул Реймонд Уэст. — В ответ на святые слова — свежая пикша.

— Да, Реймонд, — строго проговорила мисс Марпл. — И не богохульствуй по этому поводу. Рука господя вездесуща. Первое, что мне бросилось в глаза, — черные пятнышки — отпечатки пальцев святого Петра. Знаете, существует такая легенда о пальцах святого Петра^[15]. И это все поставило на свои места. Мне не доставало слова, истинного слова святого Петра. Я соединила вместе две вещи — слово и рыбу.

Сэр Генри как-то торопливо высморкался. Джойс закусил губу.

— Что же мне это дало? Ведь и кухарка, и горничная упоминали о пьющей рыбе, о которой говорил умирающий. И я была теперь убеждена, абсолютно убеждена, что решение загадки кроется в этих словах. Я вернулась домой, полная решимости добраться до сути.

Мисс Марпл сделала паузу.

— Вам никогда не приходило в голову, — продолжала старая дама, — сколь многое можно обнаружить в так называемом контексте? В Дартмуре есть местечко под названием Грей-Уэзерс. Если вы заговорите с местным крестьянином и произнесете эти слова, он, скорее всего, решит, что вы говорите о местных каменных кругах, хотя вы, может быть, имеете в виду погоду. В то же время, если вы имеете в виду каменные круги, человек приезжий, услышав не полностью ваш разговор, может подумать, что вы имеете в виду погоду^[16]. Так вот, пересказывая разговор, мы не повторяем в точности услышанные слова, а чаще всего заменяем их другими, которые, с нашей точки зрения, означают то же самое.

Я решила встретиться с кухаркой и с Дороти, с каждой в отдельности. Я спросила кухарку, ручается ли она, что ее хозяин действительно говорил: «выпила рыба». Та нисколько в этом не сомневалась.

«Он говорил именно эти слова, — добивалась я, — или называл какую-то определенную рыбу?»

«Да, — подтвердила кухарка, — называл какую-то рыбу, а вот какую, сейчас и не вспомнить. Выпила... ну как же это? Словом, рыба, которую у нас принято есть. Окунь или щука?.. Нет, с какой-то другой буквы».

Дороти тоже припомнила, что хозяин говорил о какой-то определенной

рыбе.

«Какая-то съедобная рыба была, — сказала она. — А вот почему «пила»?»

«Так он сказал «пила» или «выпила»?»

«Мне кажется, он сказал «пила». Нет, впрочем, не могу быть вполне уверена, так трудно припомнить слова в точности, правда же, мисс, особенно если они бессмысленны. Но вот все-таки припоминаю, что «пила», именно «пила». А название рыбы начиналось с буквы «к», но не камбала, нет, и не кета...»

— Дальше произошло такое, чем я даже горжусь, — сказала мисс Марпл. — Я ведь совершенно не разбираюсь в лекарствах. Неприятные, опасные снадобья. У меня есть старый, еще от бабушки, рецепт приготовления чая из пижмы, и это лучше всех ваших лекарств. Но я знала, что в доме имеется несколько книг по медицине, и в одной из них был указатель лекарств. Понимаете ли, моя мысль состояла в том, что Джефффри принял какой-то яд и пытался произнести его название.

Я просмотрела список на букву «в», потом на букву «к». Ничего, что бы имело сколько-нибудь похожее звучание. Принялась за «п» и почти сразу же нашла... Что бы вы думали? — Она оглядела всех, предвкушая момент триумфа. — Пилокарпин! Неужели вы бы поняли человека, почти неспособного что-либо произнести и силящегося сказать это слово? Как бы оно прозвучало для кухарки, которая никогда его не слышала? Не восприняла бы она его как сочетание слов «пила» и «карп», как вы считаете?

— Ей-богу, здорово! — выдохнул сэр Генри.

— Никогда бы до таких тонкостей не добрался, — признался доктор Пендер.

— Чрезвычайно интересно, — заметил мистер Петерик. — В самом деле.

— Я быстро раскрыла страницу, указанную в содержании, — продолжала мисс Марпл. — Прочитала все о пилокарпине, о его воздействии на глаза и на другие органы, что, казалось бы, не имело никакого отношения к данному случаю... Наконец дошла до фразы, представившейся мне очень важной: «используется как противоядие при отравлении атропином».

Не могу вам передать, как меня тут осенило. Я никогда не считала, что Джефффри Денман способен на самоубийство. И моя новая идея не была очередной версией. Я знала наверняка, что это единственно возможное решение загадки. Все обстоятельства оказались в логической связи.

— Я даже не собираюсь строить догадок, — сказал Реймонд. — Рассказывайте дальше, тетя Джейн, что вам стало так поразительно ясно?

— Я, конечно, ничего не понимаю в медицине, — повторила мисс Марпл, — но я, по счастью, знала о действии сульфат-атропина. Врач прописывал его мне, когда у меня падало зрение. Я немедленно направилась наверх в комнату к старому мистеру Денману и не стала церемониться.

«Мистер Денман, — прямо приступила я, — мне все известно. Зачем вы отравили сына?»

Он с минуту всматривался в меня. По-своему это был довольно интересный пожилой мужчина. И вдруг он разразился смехом. Злобным смехом. Нечто подобное мне довелось слышать лишь однажды, когда несчастная миссис Джоунз помутилась рассудком.

«Да, — подтвердил он. — Я разделался с Джеффри. Я был слишком добр к Джеффри. Вот он и пытался меня выставить, не так ли? Запереть в сумасшедший дом! Я слышал, как они это обсуждали. Мейбл хорошая. Мейбл за меня, но я знал, что ей не устоять перед Джеффри. В конце концов он бы сделал так, как считал нужным, как всегда делал. Но я расправился с ним, расправился со своим добрым, преданным сыном. Ха-ха! Я пробрался вниз ночью. Это было очень легко. Брустер не было. Мой милый сыночек спал; у кровати стоял стакан с водой: он всегда просыпался среди ночи и пил. Я вылил воду — ха-ха! — и опрокинул пузырек с каплями в стакан. Он, думаю, проснется и хватанет их, еще не разобрав, что это. Их было со столовую ложку — вполне достаточно. Он и выпил! А утром приходят сюда и преподносят мне это. Чутко так. Боялись, что я расстроюсь. Ха! Ха! Ха! Ха!»

Вот так, — заключила мисс Марпл. — Тут истории конец. Разумеется, несчастного старика поместили в сумасшедший дом. Он и в самом деле не ведал, что творит. Правда вышла наружу. Всем было неловко перед Мейбл из-за неоправданных подозрений, не знали, как с ней помириться. Но если бы Джеффри не понял, что за вещество он проглотил, и не попытался бы созвать всех, чтобы безотлагательно заполучить противоядие, смерть его так и осталась бы загадкой. По-моему, существуют вполне определенные признаки отравления атропином — расширенные зрачки и так далее; но, конечно, как я говорила, доктор Ролинсон был очень близорук. Бедный старик. В той самой медицинской книжке, которую я продолжаю читать, есть некоторые места чрезвычайно интересные; даются признаки отравления птомаином и атропином, и они несходны. Но, уверяю вас, теперь всегда, когда вижу свежую пикшу, непременно вспоминаю о

пальцах святого Петра.

Наступила очень длинная пауза.

— Дорогой друг, — прервал молчание мистер Петерик. — Мой дорогой друг, вы действительно поразительный человек.

— Я буду рекомендовать вас, мисс Марпл, Скотленд-Ярду в качестве консультанта, — заверил сэр Генри.

— Но как бы там ни было, тетя, одного обстоятельства вы не знаете, — сказал Реймонд.

— Знаю, дорогой, — невозмутимо возразила мисс Марпл. — Это произошло как раз перед обедом, ведь верно? Когда вы с Джойс пошли полюбоваться закатом. Это излюбленное место. Около изгороди из жасмина. Именно там молочник спросил у Энни разрешения на оглашение их имен в церкви^[17].

— Черт возьми! — с досадой воскликнул Реймонд. — Тетя Джейн, вы так убьете всю романтику. Я и Джойс не молочник и не Энни.

— Вот тут-то ты ошибаешься, мой милый, — улыбнулась мисс Марпл. — Все на самом деле удивительно похоже. Но, может быть, к счастью, не понимают этого.

Синяя герань

— Когда я был в этих местах в прошлом году... — начал было сэр Генри Клиттеринг и умолк.

Хозяйка, миссис Бантри, посмотрела на него с любопытством. Экс-комиссар Скотленд-Ярда гостил у своих старых друзей — полковника Бантри и его жены, которые жили неподалеку от Сент-Мэри-Мид. Миссис Бантри только что спросила у сэра Генри, кого пригласить шестым сегодня вечером на обед.

— Итак? — произнесла миссис Бантри, ожидая продолжения. — Где вы были в прошлом году?..

— Скажите, знаете ли вы некую мисс Марпл? — спросил сэр Генри.

Миссис Бантри удивилась. Этого она никак не ожидала.

— Знаю ли я мисс Марпл? Кто же ее не знает! Типичная старая дева. Правда, довольно симпатичная, но... безнадежно старомодная. Вы хотите сказать, что ее следует пригласить на обед?

— Вы удивлены?

— Надо признаться, да. Никогда бы не подумала, что вы... Но, может быть, этому есть объяснение?

— Объяснение очень простое. Когда я был здесь в прошлом году, мы взяли за обыкновение обсуждать разные загадочные случаи. Нас было пятеро или шестеро. Писатель Реймонд Уэст затеял все это. Каждый рассказывал какую-нибудь историю-загадку, отгадку на которую знал он один. Решили посостязаться в дедуктивных умозаключениях, посмотреть, кто ближе всех окажется к истине.

— И что же?

— Мы и не предполагали, что мисс Марпл пожелает принять участие в этой забаве. Но произошло неожиданное. Почтенная дама перещеголяла нас всех!

— Да что вы!

— Чистая правда. Без всяких усилий, уверяю вас.

— Не может быть. Мисс Марпл ведь почти не выезжала из Сент-Мэри-Мид.

— Зато, по ее словам, у нее были неограниченные возможности наблюдать человеческую природу как бы под микроскопом.

— Да, возможно, в этом что-то есть, — согласилась миссис Бантри. — Но я считаю, что у нас тут нет настоящих злодеев. Я думаю, не испытать ли

ее после обеда на истории с привидением Артура. Я была бы очень благодарна ей, если бы она разгадала ее.

— Я не знал, что Артур верит в потусторонние силы!

— Ой! Он не верит. Именно поэтому он и озабочен. А произошло это с одним из его друзей — Джорджем Притчардом, самой прозаической личностью. Либо эта необыкновенная история — правда, либо...

— Либо что?

Миссис Бантри не ответила. Спустя минуту она сказала ни с того ни с сего:

— Вы знаете, я люблю Джорджа. Его все любят. Невозможно поверить, что он... но бывает же, что люди совершают из ряда вон выходящие вещи.

Сэр Генри кивнул. Он лучше, чем миссис Бантри, знал «из ряда вон выходящие вещи».

И вот вечером миссис Бантри окинула взглядом собравшихся за столом. Хозяйка остановила свой взгляд на пожилой даме, сидящей по правую руку от ее мужа. На мисс Марпл были черные кружевные митенки, на плечи изящно наброшено fichu^[18] из старинных кружев, кружевная накладка венчала ее белоснежные волосы. Она оживленно беседовала с пожилым доктором Ллойдом о работном доме^[19] и о не внушающей доверия местной медицинской сестре, особе весьма небрежной.

Миссис Бантри засомневалась: уж не пошутил ли сэр Генри? Но в этом, кажется, не было никакого смысла. Неужели то, что он рассказал о мисс Марпл, правда?

Затем ее взгляд остановился на муже, который завел разговор о лошадях с Джейн Хелльер — популярной актрисой. Джейн, в жизни более красивая (если только это возможно), чем на сцене, шептала время от времени: «В самом деле? Надо же! Как замечательно!» Она ничегошеньки не знала о лошадях и еще меньше интересовалась ими.

— Артур, — обратилась к мужу миссис Бантри. — Ты доведешь бедняжку Джейн до изнеможения. Оставь лошадей в покое, лучше расскажи ей историю о привидении. Ну знаешь... о Джордже Притчарде.

— Э-э, Долли... Я думаю...

— Сэр Генри тоже хочет послушать. Я ему кое-что шепнула сегодня утром.

— О, пожалуйста! — сказала Джейн. — Я люблю истории о привидениях.

— Ну... — замешкался полковник Бантри. — Я, собственно, никогда

особенно не верил в сверхъестественное, но тут... Никто из вас, вероятно, не знает Джорджа Притчарда. Это замечательный человек. Его жена — она, бедняжка, умерла уже — устроила ему в свое время нелегкую жизнь. Она была из тех полуинвалидов — хотя, я полагаю, она действительно была больным человеком, — которые используют свое положение на всю катушку. Капризная, требовательная, безрассудная, она жаловалась на свою участь с утра до вечера и считала, что Джордж должен постоянно быть в ее полном распоряжении. Что он ни делал — все было плохо... Я совершенно убежден, что всякий на его месте давно бы шарахнул ее обухом по голове. Разве не так, Долли?

— Отвратительная она была особа, — подтвердила миссис Бантри. — Если бы Джордж Притчард разmozжил ей голову, любая женщина, будучи судьей, полностью бы его оправдала.

— Я в точности не знаю, как это все началось: Джордж в детали не вдавался. Как я понял, миссис Притчард всегда питала слабость ко всякого рода ясновидцам, прорицателям и гадалкам. Джордж ей не препятствовал. Раз это было для нее утешением, то и слава богу. Но сам он не проявлял восторга по этому поводу, что являлось еще одной причиной для обид.

Медицинские сестры в доме не задерживались. Миссис Притчард увольняла их очень быстро. Правда, одна молодая сестра чрезвычайно серьезно относилась к разным пророческим фокусам, и некоторое время миссис Притчард ее очень любила. Потом неожиданно стала и ею недовольна. Она потребовала другую сестру, которая служила у нее раньше, пожилую женщину, опытную в обращении с неуравновешенными пациентами. Сестра Коплинг, по мнению Джорджа, была из тех женщин, с которыми можно поладить. Она справлялась со вспышками раздражения и нервных бурь совершенно невозмутимо.

Второй завтрак — ленч — всегда подавался миссис Притчард наверх, и обычно во время него Джордж и сестра Коплинг договаривались о второй половине дня. Строго говоря, сестра была свободна от двух до четырех, но «в виде одолжения» она иногда уходила и после чая, если Джордж хотел быть свободным днем. А в этот раз она сказала, что едет повидать родственницу в Голдерс-Грин и может немного задержаться. Джордж расстроился, потому что он договорился сыграть партию в гольф.

Сестра Коплинг успокоила его:

«Сегодня здесь без нас обойдутся, мистер Притчард. У миссис Притчард будет гораздо более интересная компания, чем наша».

«Кто же это?..»

«Зарида, медиум, предсказательница будущего...»

«Опять новая?»

«О да. Я полагаю, моя предшественница, сестра Карстерс, порекомендовала. Миссис Притчард еще ее не видела. Она просила меня написать ей и назначить свидание на сегодня».

«Ну, во всяком случае, я поиграю в гольф», — сказал Джордж и ушел с самыми добрыми чувствами по отношению к прорицательнице Зариде.

Вернувшись домой, он нашел миссис Притчард в состоянии крайнего возбуждения. Она, как обычно, лежала на кушетке и часто подносила к носу флакон с нюхательной солью.

«Джордж! — воскликнула она. — Что я говорила тебе о нашем доме?! Едва я переступила порог, я сразу почувствовала, что здесь что-то не так! Разве я тебе этого не говорила?»

«Что-то не припоминаю».

«Ты никогда не помнишь того, что связано со мной. Все вы, мужчины, крайне бессердечны, но ты, ты еще более, чем все».

«Успокойся, Мэри, дорогая, ты несправедлива».

«Так вот, то, что я тебе говорила давно, эта женщина почувствовала сразу! Она... она даже так и отпрянула... если ты понимаешь, что я имею в виду... Она вошла в дверь и сказала: «Здесь есть зло. Зло и опасность. Я чувствую это».

«Ну, ты не зря потратила деньги сегодня», — некстати улыбнулся Джордж.

Жена закрыла глаза и сильно потянула носом из флакона.

«Как ты меня ненавидишь! Ты будешь торжествовать, когда я умру».

Джордж запротестовал, а через минуту она продолжила:

«Можешь смеяться, но я расскажу тебе все. Этот дом, безусловно, опасен для меня, так сказала эта женщина».

Доброе расположение Джорджа к Зариде моментально пропало. Он знал, что жена, несомненно, способна настоять на переезде в другой дом.

«Что еще сказала женщина?» — спросил он.

«Она не могла много говорить, она была так расстроена. Но кое-что все-таки сказала. У меня в стакане стояли фиалки. Она показала на них и закричала: «Уберите их прочь! Никаких синих цветов! Чтобы у вас никогда не было синих цветов! Помните, синие цветы для вас — смерть!» Ты же знаешь, — добавила миссис Притчард, — что я не люблю синий цвет. У меня какое-то предубеждение против него».

Джордж был достаточно благоразумен и не стал настаивать, что никогда не слышал этого от нее. Он спросил, что представляла собой эта таинственная Зарида. Миссис Притчард с удовольствием принялась за

описание:

«Густые черные волосы, собранные двумя узлами над ушами, полузакрытые глаза, черные круги вокруг них, рот и подбородок скрыты черной вуалью. Речь протяжная, с заметным иностранным акцентом, по моему, испанским».

«Собственно, все как и полагается в таких случаях», — бодро сказал Джордж.

Миссис Притчард немедленно закрыла глаза.

«Я чувствую себя совершенно больной, — сказала она. — Вызови сиделку. Твоя бессердечность расстраивает меня, это тебе великолепно известно».

Спустя два дня сестра Коплинг пришла к Джорджу с печальным лицом.

«Не пройдете ли вы к миссис Притчард? Она получила письмо, которое ее очень расстроило».

Он поднялся к жене.

«Прочти», — сказала она и протянула ему письмо. Джордж прочел. Оно было написано большими черными буквами на сильно надушенной бумаге.

«Я познала будущее. Предупреждаю вас, пока не поздно. Остерегайтесь полной луны. Синяя примула — предупреждение, синяя роза — опасность, синяя герань — смерть...»

Джордж было рассмеялся, но осекся, поймав взгляд сестры и ее быстрый протестующий жест. Он довольно неуклюже сказал:

«Эта женщина хочет тебя запугать, Мэри. Во всяком случае, ни синих примул, ни синих гераней не бывает».

Но миссис Притчард стала плакать и причитать, дни, мол, ее сочтены. Сиделка вышла с Джорджем на лестницу.

«Все это глупость несусветная!» — вырвалось у него.

«Я тоже так думаю».

Что-то в тоне сестры поразило его, и он пристально посмотрел на нее.

«В самом деле? Вы же не верите...»

«Нет, нет, мистер Притчард. Я не верю в предсказания. Это глупости. Но вот какой смысл в этом? Прорицатели обычно этим зарабатывают. А тут женщина запугивает миссис Притчард без всякой выгоды для себя. Я не могу понять, в чем дело. Есть еще один момент...»

«Да?»

«Миссис Притчард говорит, что в Зариде ей что-то знакомо».

«Да ну?»

«Словом, мне это не нравится, мистер Притчард, вот и все».

«Не думал, что вы столь суеверны».

«Я не суеверна, но чувствую, когда что-то не так».

Минуло четыре дня, и произошел первый инцидент. Чтобы объяснить его, надо описать комнату миссис Притчард.

— Лучше дай это сделаю я, — прервала его миссис Бантри. — Комната ее была оклеена этими новомодными обоями, на которых изображены разнообразные цветы; получается как бы стена цветов. Эффект такой, будто находишься в саду. Хотя, конечно, все неверно. Я имею в виду то, что они не могут все цвести в одно время...

— Не будь придирчивой, Долли, — упрекнул ее муж. — Мы все знаем, что ты одержима цветоводством.

— Но ведь это абсурд, — не смогла сдержать возмущения миссис Бантри. — Собрать вместе колокольчики, нарциссы, люпины, розы и астры.

— Да, не по науке, — согласился сэр Генри. — Но продолжим рассказ.

— Так вот, среди этого моря цветов были желтые и розовые примулы... Ну ладно, Артур, ты ведь рассказываешь...

Полковник Бантри продолжил историю:

— Однажды утром миссис Притчард позвонила изо всех сил. Прислуга примчалась бегом. Думали, что у нее тяжелый приступ. Но ничуть не бывало. Она была крайне взволнована и указывала на обои. Так вот, среди примул была одна синяя.

— О! — воскликнула мисс Хелльер. — Мурашки по спине побежали!

— Возник вопрос: не был ли тут все время этот цветок?

«Разве не было здесь синей примулы?» — спросили Джордж и сестра Коплинг.

Но миссис Притчард ответила, что до сегодняшнего утра не замечала синей примулы. К тому же накануне вечером была полная луна. Это ее очень расстроило.

— Я встретила Джорджа Притчарда в тот самый день, и он рассказал мне все, — сказала миссис Бантри. — Я пошла провести миссис Притчард и, как могла, постаралась все превратить в шутку. Но безуспешно. Я ушла с тяжелым сердцем, помню, еще встретила Джин Инстоу и поделилась с ней новостью. Джин — странная девушка.

«Неужели она в самом деле так расстроилась?» — удивилась Джин.

Я сказала ей, что миссис Притчард может умереть от страха — она ведь на самом деле была до умопомрачения суеверна.

Помню, что Джин сильно напугала меня.

«Может быть, все к лучшему, — сказала она, — не так ли?»

И произнесла это так холодно, таким обыденным тоном, что я была просто шокирована. Конечно, теперь вести себя грубо и вызывающе не внове, но я никогда к этому не привыкну.

Джин улыбнулась и добавила: «Вам не нравится то, что я говорю, но это правда. Какая польза от жизни миссис Притчард? Совершенно никакой, а для Джорджа Притчарда — ад. Напугать ее до смерти — лучше и не придумаешь».

Я говорю: «Джордж всегда с ней очень терпелив».

А она: «Да, он заслуживает награды, бедняжка, он очень привлекательный, этот Джордж Притчард. Последняя сиделка тоже так считала — хорошенькая такая... Как же ее звали? Карстерс, кажется. Ведь это было причиной ее скандала с хозяйкой».

Мне не понравилось, как Джин об этом говорила. Тут, конечно, призадумалась... — Миссис Бантри сделала многозначительную паузу.

— Да, дорогая, — спокойно произнесла мисс Марпл. — Всегда возникают вопросы. Мисс Инстоу хорошенькая? Наверно, в гольф играет?

— Да. Она прекрасно играет не только в гольф. И она такая очаровательная, милая: белокурая, чудесная кожа и прекрасные, небесной синевы глаза. Конечно, мы все чувствовали, что она и Джордж Притчард... Я имею в виду, если бы обстоятельства сложились по-другому... Они так хорошо подходили друг к другу.

— И они были друзьями? — спросила мисс Марпл.

— О да, и хорошими.

— Ты не находишь ли, Долли, что мне надо закончить рассказ? — обиженно сказал полковник Бантри.

— Да-да, Артур, возвращайся к своим привидениям, — согласилась миссис Бантри.

— Остальное я услышал от самого Джорджа, — продолжал полковник. — Стало ясно, что миссис Притчард станет ждать конца следующего месяца. Она отметила на календаре день полнолуния и, когда он наступил, заставила сестру, а потом Джорджа тщательно рассмотреть обои. На них были розовые и красные розы и никаких синих. Потом, когда Джордж ушел из комнаты, она заперла дверь...

— А утром появилась синяя роза, — радостно сказала мисс Хелльер.

— Совершенно верно, — подтвердил полковник Бантри. — Или, во всяком случае, почти верно. Одна роза, как раз у нее над головой, стала синей. Это потрясло Джорджа, хотя он и настаивал на том, что это чья-то глупая шутка. Он не хотел придавать значения закрытой двери и тому факту, что миссис Притчард обнаружила перемену раньше всех, даже

раньше сестры Коплинг.

Он впервые склонен был поверить в сверхъестественное, но не собиравшись признать это. Покинуть дом он жене не позволил, хотя обычно уступал ей, но не в этот раз.

«Мэри, не надо строить из себя дурочку, — говорил он. — Вся эта чертовщина — чепуха, вздор».

Прошел месяц. Миссис Притчард успокоилась и даже капризничала меньше. Я думаю, она была настолько суеверна, что смирилась с неизбежностью судьбы. Несчастливая повторяла снова и снова: «Синяя примула — предупреждение, синяя роза — опасность, синяя герань — смерть». Она лежала и разглядывала на обоях соцветия розово-красной герани, самой близкой к ее постели. Обстановка была довольно нервной. Даже сестре передалось ее настроение. Она пришла к Джорджу за два дня до полной луны и стала уговаривать увезти миссис Притчард. Джордж пришел в ярость.

«Если даже все цветы на этой стенке превратятся в синих дьяволов, они никого не смогут убить!» — орал он.

«Могут. Шок или потрясение могут привести к гибели».

«Чушь!» — возражал Джордж.

Джордж всегда был несколько упрям. Я полагаю, он считал, что жена сама занимается этими фокусами, одержимая какой-то нездоровой идеей.

И вот наступил фатальный вечер. Миссис Притчард заперлась, как обычно. Она была неестественно спокойной. Сестра хотела дать ей возбуждающего, сделать укол стрихнина, но миссис Притчард отказалась. Мне кажется, что ее в определенном смысле развлекала эта таинственность. Джордж говорил, что так оно и было.

На следующее утро колокольчик не прозвенел. Миссис Притчард всегда просыпалась около восьми. В восемь тридцать было тихо. Тогда сестра постучала к ней в дверь. Не получив ответа, она пошла за Джорджем и убедила его открыть дверь. Они сделали это с помощью стамески.

Одного взгляда на неподвижную фигуру на кровати было достаточно... Джордж позвонил врачу. Тот явился. Но было уже слишком поздно. Смерть наступила, как определил доктор, восемь часов назад. Нюхательная соль лежала у нее под рукой на кровати, а на стене, рядом с ней, одна из розово-красных гераней была теперь ярко-синей.

— Ужас! — Мисс Хелльер содрогнулась.

Сэр Генри нахмурился:

— И никаких дополнительных деталей?

Полковник Бантри покачал головой. Но миссис Бантри поспешно уточнила:

— Газ.

— Что — газ? — спросил сэр Генри.

— Когда пришел врач, он обнаружил неплотно закрытый кран в камине. Однако запах был настолько слабый, что это не могло иметь значения.

— Разве мистер Притчард и сиделка не заметили этого, когда вошли в первый раз?

— Сестра говорила, что легкий запах был. Джордж ничего не заметил, но он почувствовал себя как-то странно и отнес это за счет шока. Вероятно, так оно и было. Что же касается газа, то запах был еле уловим и отравления произойти не могло.

— Это конец истории?

— Нет. Возникло много разговоров. Слуги, видите ли, слышали, как миссис Притчард говорила мужу, что он ее ненавидит и будет радоваться, если она умрет. Слышали и другие кое-какие разговоры. На отказ переехать в другой дом она однажды сказала: «Очень хорошо, надеюсь, когда я умру, все поймут, что ты меня убил». И, как назло, за день до этого он готовил какой-то химикат от сорняков на садовых дорожках. А один из слуг видел, как он потом нес жене стакан кипяченого молока.

Сплетни множились, распространялись. Доктор выдал свидетельство. Не могу точно повторить, что там значилось: шок, сердечный приступ, удар — вероятно, какие-то медицинские формулировки, которые мало что объясняют. Словом, несчастная не пробыла и месяца в могиле, как поступила просьба об эксгумации. И она была удовлетворена.

— Результат аутопсии, я помню, был нулевой, — сказал сэр Генри. — В кои-то веки дым без огня.

— А в общем дело очень странное, — сказала миссис Бантри. — Предсказательницу Зариду, например, никто больше не видел. Кинулись по адресу — там о ней и не слышали.

— Она появилась однажды из голубого тумана, — сказал полковник, — и бесследно исчезла. Хм-м, из голубого тумана — это довольно хорошо.

— И что интересно, — продолжила миссис Бантри. — Эта молоденькая сестра Карстертс, которая, как считали, ее рекомендовала, никогда не слыхала о Зариде.

Все переглянулись.

— Загадочная история, — сказал доктор Ллойд. — Можно строить

предположения, но думать, что... — Он покачал головой.

— Мистер Притчард женился на мисс Инстоу? — спросила мисс Марпл вкрадчивым голосом.

— Но почему вы об этом спрашиваете? — поинтересовался сэр Генри.

— Мне это кажется достаточно важным, — ответила мисс Марпл. — Они поженились?

Полковник Бантри покачал головой:

— Мы... ну, мы ждали чего-то в этом роде, но прошло уже полтора года... Я полагаю, они и видятся-то не очень часто...

— Это важно, — ответила мисс Марпл. — Очень важно.

— Тогда вы думаете то же самое, что и я, — сказала миссис Бантри. — Вы думаете...

— Послушай, Долли, — вмешался ее муж, — непростительно то, что ты собираешься сказать. Нельзя обвинять людей, не имея никаких доказательств.

— Не будь педантом, Артур. Мужчины всегда боятся сказать лишнее. Вообще-то, между нами говоря, может быть, это только моя дикая фантазия, но мне кажется — Джин Инстоу нарядилась предсказательницей. Она, конечно, могла сделать это только ради шутки. Я нисколько не сомневаюсь, что у нее не было никакого злого умысла, а миссис Притчард оказалась настолько глупа, что умерла от страха. Вот что мисс Марпл имела в виду, верно?

— Нет, милая, совсем не то, — сказала мисс Марпл. — Видите ли, если бы я собралась кого-то убить — о чем, конечно, я бы ни в коем случае не помышляла, потому что это очень дурно, и, кроме того, я не люблю убивать даже ос, хотя я знаю, это необходимо, и я надеюсь, садовник делает это по возможности гуманно... Подождите, на чем это я остановилась?..

— Если бы вы захотели кого-то убить... — подсказал сэр Генри.

— Ах да, если бы я захотела, я бы ни в коем случае не положила на какой-то испуг. Я знаю, говорят, люди умирают от страха, но это мне кажется довольно ненадежным делом: и самые нервные люди гораздо более стойкие, чем их считают. Я предпочла бы что-нибудь более верное и тщательно все обдумала бы.

— Мисс Марпл, — сказал сэр Генри, — вы меня пугаете. Надеюсь, вы никогда не захотите устранить меня. Ваши замыслы были бы достаточно основательны.

Мисс Марпл с упреком посмотрела на него:

— Я, полагаю, ясно дала понять, что никогда и не помышляла бы о таком злодеянии. Я просто попыталась поставить себя на место... э-э...

определенной личности.

— Вы имеете в виду Джорджа Притчарда? — спросил полковник Бантри. — Никогда не подумаю на Джорджа, несмотря на то что даже медицинская сестра к этому склоняется. Я виделся с ней примерно месяц спустя, когда производили эксгумацию. Она не знает, собственно, как это было сделано, она вообще ничего не говорила, но было совершенно ясно, что, по ее мнению, Джордж в той или иной степени в ответе за смерть жены. Она была в этом убеждена.

— М-да, — сказал доктор Ллойд, — возможно, сестра Коплинг была не столь далека от истины. Обращаю ваше внимание на то, что медицинские сестры часто знают многое. Только они не могут утверждать, у них нет доказательств. А знают.

Сэр Генри подался вперед:

— Ну а теперь попросим мисс Марпл... Я уверен, что вы нам сейчас все объясните.

Мисс Марпл вздрогнула и покраснела.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я как раз задумалась о нашей медицинской сестре. Крайне сложная проблема.

— Более сложная, чем с синей геранью?

— Тут все дело в примулах, — пояснила мисс Марпл. — Миссис Бантри сказала, что они были желтыми и розовыми. Так вот, если розовая примула превратилась в синюю, тогда все прекрасно сходится, а вот если это была желтая...

— Розовая, — подтвердила миссис Бантри, удивленно взглянув на мисс Марпл.

— Тогда все ясно, — сказала мисс Марпл, печально покачивая головой. — И снадобье для ос, и все. И, конечно, газ.

— Вам это напомнило, наверно, о бесчисленных деревенских трагедиях? — спросил сэр Генри.

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Это напомнило мне о неприятностях, которые мы испытываем с медицинскими сестрами. В конце концов, сестры такие же люди, но им приходится все время сдерживать себя, носить эти неудобные воротники, подчинять свою жизнь чужой семье, и разве удивительно, что порой происходят подобные срывы?

— Вы имеете в виду сестру Карстерс? — спросил сэр Генри.

— Да нет. Не сестру Карстерс, а сестру Коплинг. Видите ли, она служила в доме раньше. Ее очень привлекал мистер Притчард, который, как тут заметили, симпатичный мужчина. Возможно, она думала, бедняжка... ну не стоит вдаваться в это. Я думаю, она не знала о мисс Инстоу, и,

конечно, когда узнала, это восстановило сестру Коплинг против него. Она попыталась навредить ему. Но вот письмо и выдало ее, верно?

— Какое письмо?

— Ну, то, что она написала предсказательнице по просьбе миссис Притчард, и предсказательница пришла как бы в ответ на письмо, а потом обнаружилось, что по этому адресу никогда не было такой. Сразу понятно, что тут замешана сестра Коплинг. Она только сказала, что написала, — значит, вполне возможно, что сама и была предсказательницей.

— Насчет письма я не догадался, — сказал сэр Генри. — Это, конечно, самое важное.

— Довольно смелый шаг, — продолжила мисс Марпл. — Ведь миссис Притчард могла бы узнать ее, несмотря на переодевание. Хотя, если бы узнала, сестра могла все превратить в шутку.

— Что вы имели в виду, — спросил сэр Генри, — когда сказали, что если бы вы были определенной личностью, то не положились бы на испуг?

— Нет полной уверенности в этом случае, — ответила мисс Марпл. — Нет, я думаю, что предупреждение и синие цветы, если пользоваться военным термином, были просто камуфляжем.

— В самом деле?

— Простите, — произнесла мисс Марпл извиняющимся тоном, — я опять об осах. Бедненькие, их уничтожают тысячами, и обычно в такие прекрасные летние дни. Помню, когда увидела, как садовник перемешивает цианистый калий в бутылке с водой, подумала, как калий похож на нюхательную соль! А если его положить в бутылочку для нюхательной соли и поставить на положенное место!.. Бедная леди имела привычку пользоваться нюхательной солью. Вы ведь говорили, что флакончик нашли у нее под рукой. А потом, когда мистер Притчард ходил звонить, вызывать доктора, сестра заменила флакон и немножко включила газ, чтобы перебить запах миндаля на случай, если кто-нибудь что-нибудь заподозрит. А я слышала, если пройдет некоторое время, то от цианистого калия не остается никаких следов. Но, конечно, может быть, я не права и во флаконе было что-нибудь совсем другое; но это в самом деле уже не имеет значения, не так ли?

Мисс Марпл замолчала.

Джейн Хелльер подалась вперед и спросила:

— А синяя герань и другие цветы?

— У сестер всегда есть лакмусовая бумажка, так ведь? — сказала мисс Марпл. — Скажем, для известной проверки. Не очень приятное занятие. Не будем останавливаться на нем. Я тоже немного ухаживала за больными. —

Легкий румянец покрыл ее щеки. — Синий цвет от кислоты становится красным, а красный от щелочей — синим. Нетрудно было немножко натереть лакмусовой бумажкой красный цветок около кровати, потом, когда бедная леди воспользовалась нюхательной солью, сильные пары нашатырного спирта сделали его синим. Мне кажется, просто гениально. Конечно, герань не была синей, когда они в первый раз зашли в комнату. Все обратили внимание на это только потом, когда сестра поменяла флакончики и, я думаю, поднесла нашатырный спирт на минутку к обоям.

— Вы словно были при этом, мисс Марпл! — воскликнул сэр Генри.

— Кто меня беспокоит, — сказала мисс Марпл, — так это бедный мистер Притчард и милая девушка мисс Инстоу. Вероятно, оба подозревают друг друга. А жизнь такая короткая. — Она покачала головой.

— Не беспокойтесь, — заверил сэр Генри. — Само собой разумеется, у меня есть кое-что про запас. Сестру Коплинг недавно арестовали по обвинению в убийстве престарелого пациента, который оставил ей наследство. Преступление было совершено посредством цианистого калия, которым она подменила нюхательную соль. Сестра попыталась применить тот же способ. У мисс Инстоу и мистера Притчарда нет теперь причины для взаимных подозрений.

— Разве это не замечательно! — воскликнула мисс Марпл. — Я имею в виду, конечно, не новое убийство. Это очень печально и показывает, как много зла в мире, если его вовремя не пресекать. Как важно все делать вовремя. И это напоминает мне о том, что я должна закончить наш разговор с доктором Ллойдом о деревенской сестре.

Компаньонка

— А вы, доктор Ллойд? — обратилась к нему мисс Хелльер. — Не расскажете ли вы нам какую-нибудь жуткую историю?

Она улыбнулась ему. Эта улыбка завораживала по вечерам публику в театре. В свое время Джейн Хелльер была первой красавицей Англии, и ее ревнивые коллеги не упускали случая заметить: «Конечно, Джейн не актриса. У нее нет таланта, если вы понимаете, что это такое. Причина ее успеха — глаза».

И вот эти глаза устремлены на седого стареющего холостяка, последние пять лет занимавшегося врачебной практикой в Сент-Мэри-Мид.

Машинально одернув жилет, который становился ему тесноват, доктор принялся лихорадочно ворошить память, чтобы, упаси боже, не разочаровать это прекрасное создание, с такой надеждой обратившееся к нему.

— Сегодня я намерена с головой окунуться в преступления, — задумчиво произнесла Джейн.

— Прекрасно, — поддержал ее хозяин дома полковник Бантри. — Великолепно!.. — Он раскатисто рассмеялся — почему-то именно так смеются военные. — А как ты, Долли? — обратился он к жене.

Миссис Бантри, внезапно оторванная от размышлений о крайностях общественной жизни (она как раз разрабатывала способы ограничения их размаха), с готовностью согласилась.

— Разумеется, великолепно! — с жаром, но несколько невпопад ответила она.

— Неужели, дорогая? — подала голос мисс Марпл, и в глазах у нее мелькнули смешинки.

— Видите ли, мисс Хелльер, в Сент-Мэри-Мид жуткие истории случаются крайне редко, а преступлений вообще не бывает, — наконец отозвался доктор Ллойд.

— Вы меня удивляете, — вмешался отставной комиссар Скотленд-Ярда сэр Генри Клиттеринг и повернулся к мисс Марпл. — Как я могу заключить из слов уважаемой мисс Марпл, Сент-Мэри-Мид просто кишит преступлениями и пороками.

— Что вы, сэр Генри, — запротестовала мисс Марпл, и легкий румянец проступил на ее щеках. — Ничего подобного я не говорила. Я

просто позволила себе заметить, что человеческая природа везде, в сущности, одинакова, будь то город или деревня. Просто в деревне больше возможности наблюдать ее.

— Хорошо, доктор, но вы ведь не век здесь живете, — не отставала от него Джейн Хелльер. — Вы объездили весь свет и наверняка бывали в местах, где совершается немало преступлений.

— Конечно, конечно, — подтвердил доктор Ллойд, — разумеется... — И тут его осенило. — Да, да... Вспомнил! — Он с облегчением откинулся на спинку кресла. — Случилось это довольно давно. Так давно, что многое уже стерлось в памяти. Впрочем, события весьма странные. Весьма... Что же касается развязки, то она вообще необычна.

Мисс Хелльер немного пододвинула к нему свое кресло, слегка подкрасила губы и с нетерпением ждала. Остальные тоже приготовились слушать доктора.

— Не знаю, знакомы ли вам Канарские острова? — начал он.

— Прекрасное, должно быть, место, — откликнулась Джейн Хелльер. — Это ведь где-то на юге, не в Средиземном ли море?

— Я останавливался там на пути в Южную Африку, — заметил полковник. — Пик Тенериф^[20] — удивительное место, какие там закаты!..

— Случай, о котором пойдет речь, произошел не на острове Тенериф, а на Гран-Канари. С тех пор минуло немало лет. Тогда в связи с ухудшением здоровья мне пришлось оставить практику в Лондоне и уехать за границу. Я обосновался в столице Гран-Канари — Лас-Пальмасе, обзавелся пациентами и был весьма доволен своим положением. Мягкий климат, обилие солнца, превосходное купание — я большой любитель плавания — все это подкрепляло правильность моего выбора. В Лас-Пальмас заходят суда со всего света, и я имел обыкновение каждое утро прогуливаться по пристани, проявляя при этом большее любопытство, чем представительницы прекрасного пола при посещении шляпных магазинов.

Как я уже отметил, в Лас-Пальмас заходили суда со всего света. Иногда стоянка ограничивалась несколькими часами, иногда суда оставались на день или два. В «Метрополе», главном отеле города, можно было встретить путешественников всех рас и национальностей. Даже те, кто направлялся на Тенериф, соседний остров, обязательно проводили здесь несколько дней.

События, о которых я веду рассказ, начались в отеле «Метрополь» в один из январских вечеров, в четверг. В ресторане были танцы. Мы с другом, устроившись за небольшим столиком, смотрели на танцующих. Среди них были люди различных национальностей, много англичан, но

большинство — испанцы. Когда оркестр заиграл танго, на площадке остались только шесть пар испанцев. Прекрасные танцоры, мы любовались ими. Особенно выделялась одна женщина: высокая, стройная, пластичная. Ее грациозные движения напоминали движения прирученной дикой кошки, ягуара. И во всем ее облике было что-то хищное, пугающее. Своим впечатлением я немедленно поделился с другом. Тот согласился со мной.

«Подобные женщины всегда связаны с какими-то историями, — сказал он. — Жизнь не оставляет их без внимания».

«Красота вообще вещь опасная», — добавил я.

«Дело не только в красоте, — заметил он. — Тут есть и еще что-то. Присмотрись к ней получше. С ней или из-за нее обязательно должно что-то случиться. Я же говорю, жизнь не оставляет таких без внимания. Они всегда оказываются в центре странных событий. Стоит только взглянуть на такую, и это сразу становится ясно».

Он замолчал, потом с улыбкой добавил:

«Но взгляни вон на тех двух женщин, и ты не ошибешься, если скажешь, что с ними уж не произойдет никаких приключений. Они созданы для тихой, спокойной жизни».

Я посмотрел на них. Это были путешественницы с парохода «Холланд Ллойд», прибывшего вечером в порт; его пассажиры уже начали собираться в ресторане.

Одного взгляда на женщин было достаточно, чтобы понять, что имел в виду мой друг. Таких любительниц путешествий можно довольно часто встретить за границей. По виду им было лет по сорок. Обе — небольшого роста. Одна — светловолосая, полная, другая — худощавая, волосы темные. На лицах никаких следов косметики. Одеты неброско, в твидовые костюмы хорошего покроя. Словом, не было в них ничего особенного, примечательного. Держались обе уверенно, как держатся хорошо воспитанные англичанки. Это были типичные представительницы своего класса. Они наверняка пользовались советами Бедкера^[21] и не обращали внимания на достопримечательности, которые в него не попали. Всюду, куда бы ни приезжали, они, конечно, посещали английские библиотеки и англиканскую церковь. По всей вероятности, одна из них или даже обе пописывали этюды. И, как считал мой друг, с ними, хотя они и объездили полсвета, по-видимому, не случалось никаких приключений. Признаюсь, моим вниманием владела танцующая испанка. Ее полуприкрытые глаза так и сверкали.

— Бедняжка, — со вздохом сказала Джейн Хелльер. — Но я думаю, глупо, когда люди не используют своих возможностей. Вот Валентина с

Бонд-стрит — это же великолепие. Вы видели ее в спектакле «Ступенька вниз»? В первом действии она играет школьницу. Одри Денман очень подходил к ней. А ведь Одри — пятьдесят, а ей и того больше. Я случайно узнала, что ей даже около шестидесяти...

— Продолжайте, пожалуйста, доктор, — сказала миссис Бантри. — Я обожаю истории о таинственных испанках.

— Простите, — возразил доктор Ллойд, — но рассказ мой вовсе не об испанке.

— Да что вы?!

— Да, да. Мы с другом ошиблись. С красавицей испанкой не было связано никаких волнующих событий. Она вышла замуж за конторского служащего пароходной компании, и к моменту моего отъезда с острова у нее уже была куча ребятишек. Она порядком располнела.

— Точно так же, как служанка Израиля Питерса, — прокомментировала мисс Марпл. — Она выступала на сцене, и у нее были такие великолепные ноги, что ей всегда поручали в пантомиме роли героев-мальчиков. Все говорили, что она плохо кончит, но она вышла замуж за коммивояжера и прекрасно устроила свою жизнь.

— Деревенская параллель, — вполголоса заметил сэр Генри.

— Нет, нет, — продолжал доктор, — моя история о двух англичанках.

— Ох, неужели с ними что-то случилось? — спросила мисс Хелльер.

— Случилось, и очень скоро, на следующий день.

— Да ну? — изумилась миссис Бантри.

— Ради любопытства я заглянул в гостиничный журнал и без труда нашел их имена: мисс Мэри Бартони и мисс Эйми Даррант из «Литтл-Пэддокс», Гохтон-Уир, Олень. Я и представить себе не мог, что очень скоро встречу с этими именами, но уже при других, трагических обстоятельствах.

На следующий день я со своими друзьями собрался на пикник. Нужно было пересечь остров на машине, чтобы добраться до местечка под названием, если мне не изменяет память, Лас-Нивес. Там была уютная бухта, где можно было отлично купаться. Все началось как было задумано, только с выездом немного задержались. Пришлось остановиться в пути перекусить и лишь потом отправиться дальше в Лас-Нивес искупаться перед чаем.

Когда мы приехали, нас поразило необычное многолюдье на берегу. Казалось, все население небольшой деревушки высыпало на пляж. Увидев нас, люди бросились к машине, принялись что-то возбужденно объяснять нам. Поскольку мы испанским владели плохо, то не сразу поняли их.

Оказалось, что две сумасшедшие англичанки захотели искупаться, одна заплыла слишком далеко и стала тонуть. Вторая поспешила к ней и пыталась ей помочь, но у нее не хватило сил. Мужчина на лодке быстро подгреб к ним и вытащил обеих из воды.

Я понял, побежал по берегу, пробился сквозь толпу. Поначалу я не узнал этих дам. Полная женщина в черном трикотажном костюме и плотно натянутой шапочке стояла на коленях возле другой. Страшно взволнованная, она неловкими движениями пыталась сделать ей искусственное дыхание. Когда я сказал, что я врач, у нее вырвался вздох облегчения. Я велел ей немедленно отправиться в ближайший дом, вытереться и надеть сухую одежду. Одна из моих спутниц вызвалась проводить ее. Я же тем временем принял все меры, чтобы вернуть утонувшую к жизни, но все мои попытки были тщетны.

Я пошел в дом, чтобы сообщить печальную новость. Открыв дверь, я сразу же узнал одну из вчерашних посетительниц ресторана. Она приняла известие довольно спокойно. Вероятно, ее потрясение было таким сильным, что она не вполне осознала происшедшее.

«Бедная Эми, — сказала она. — Как она ждала этой возможности купаться как следует. И она ведь прекрасно плавала. Не могу понять, как такое случилось. Вы не знаете, доктор, отчего это могло произойти?»

«Скорее всего, судорога, — предположил я. — Не расскажете ли, как это все было?»

«Мы плавали, наверное, минут двадцать, когда я почувствовала, что начинаю уставать. Но Эми сказала, что она еще немного поплавает. Я направилась к берегу. И вдруг слышу: Эми зовет на помощь. Я назад к ней. Она еще держалась на воде, но едва я приблизилась, крепко обхватила меня, и мы обе стали тонуть. Я бы тоже утонула, если бы не мужчина в лодке».

«Спасать утопающего нелегко и опасно», — заметил я.

«Это просто ужас! — продолжала мисс Бартон. — Мы только вчера приехали, мечтали понежиться на солнце и немного отдохнуть, и вот такая трагедия».

Я попросил ее поподробнее рассказать о погибшей, обещая сделать все, что в моих силах, чтобы облегчить неизбежную встречу с испанскими властями.

Погибшую звали Эйми Даррант. Она была компаньонкой мисс Бартон уже около пяти месяцев. Дамы прекрасно ладили. Мисс Бартон мало что могла сообщить о детстве и родственниках Эйми, так как та об этом не распространялась. Мне стало известно, что она рано осталась сиротой,

воспитывалась своим дядей, а в двадцать один год стала сама зарабатывать на жизнь. Вот и все, — закончил доктор, помолчал немного и снова повторил: — Вот и все.

— Я не поняла, — сказала мисс Хелльер. — Что значит «все»? Выходит, это просто трагический случай, а совсем не то, что можно бы назвать жуткой историей.

— Я полагаю, последует продолжение? — осведомился сэр Генри.

— Да, — ответил доктор Ллойд. — Продолжение последует. Видите ли, странное это оказалось происшествие. Я, конечно, стал расспрашивать о случившемся рыбаков и других жителей деревушки, которые были свидетелями трагедии. И одна женщина сообщила мне любопытную вещь. В ту пору я не придавал ей, правда, особого значения, но позже вспомнил о ней. Женщина уверяла, что мисс Даррант вовсе не тонула, когда звала на помощь. Другая женщина подплыла к ней, схватила за голову и погрузила под воду. Как я уже сказал, я тогда не обратил на это особого внимания. Подобное мне казалось просто невероятным, и я решил, что с берега это могло выглядеть иначе. Мисс Бартон просто могла таким образом пытаться освободиться от объятий приятельницы, потерявшей сознание, чтобы не утонуть вместе с ней. А женщине с берега показалось, что она нарочно топит компаньонку.

Еще раз повторю, что сначала не придавал значения словам жительницы поселка, но позже мне пришлось задуматься над этим.

Трудно было узнать что-либо об Эйми Даррант. Вместе с мисс Бартон мы осмотрели вещи покойной. Нашли один адрес, по которому написали письмо. Выяснилось, что это адрес хозяйки, у которой она снимала комнату и где были оставлены ее вещи. Хозяйка, к сожалению, ничего не могла сообщить о ней, она и видела ее всего один раз, когда та приходила снять комнату. Мисс Даррант тогда сказала, что ей всегда хотелось иметь место, куда бы она в любой момент могла вернуться. Среди ее имущества было несколько предметов старинной мебели, несколько подшивок академических репродукций и сундук, набитый тряпьем, купленным на распродажах. И никаких носильных вещей. Хозяйка тоже вспомнила, что мисс Даррант говорила ей, что ее родители умерли в Индии и воспитывал ее дядя, священник, но был ли это брат отца или матери, она не сказала, так что имен родственников выяснить не удалось.

Как видите, тут не было никакой таинственности, просто не все было ясно. На свете немало таких одиноких женщин, гордых и скрытных.

Среди ее вещей в Лас-Пальмас мы обнаружили две довольно старые выцветшие фотографии. Они были обрезаны и вставлены в рамки, поэтому

имени фотографа не сохранилось. Кроме того, мы нашли старинный дагерротип, на котором была изображена, вероятно, ее мать, а скорее всего — бабушка.

У мисс Бартон сохранились два рекомендательных письма. От кого было одно — она забыла, а от кого второе — с трудом вспомнила. Оно оказалось от дамы, которая уехала в Австралию. Мы ей написали. Естественно, ответа пришлось ждать очень долго, а когда он пришел, то помочь нам ничем не мог. В нем сообщалось, что мисс Даррант была у нее компаньонкой, что она очень расторопная и очаровательная женщина, а о ее родственниках и ее личной жизни ей ничего не известно.

Вот и все. Могу добавить, что два момента насторожили меня: сама Эйми Даррант, о которой никто ничего не знал, и странное утверждение женщины на берегу. Можно еще, пожалуй, добавить третий момент: в моей памяти запечатлелось лицо мисс Бартон, когда та шла в дом рыбака, а я, склонившись над телом мисс Даррант, пытался вернуть ее к жизни. Мисс Бартон в какой-то момент оглянулась, и на лице ее было такое выражение, словно она очень опасалась чего-то: какая-то мука, смятение отразились на нем.

Тогда я не придавал этому значения и приписал все переживаниям, связанным с трагедией. Но позже я понял, что не было у компаньенок особо дружеских отношений. Не было и личной привязанности, так что и горевать-то особенно было не о чем. Смерть Эйми Даррант огорчила мисс Бартон, но не более.

Тогда почему эта мучительная озабоченность на лице? Я задавался этим вопросом снова и снова. Я не мог ошибиться. Не мог. Против моей воли у меня начал созревать ответ. Предположим, что испанка на берегу говорила правду, предположим, что Мэри Бартон намеренно хладнокровно утопила Эйми Даррант, делая вид, будто спасает ее. Мужчина в лодке приходит на помощь. Они где-то на безлюдном пляже. Но вдруг появляюсь я, человек, которого она меньше всего ожидала. Врач! Врач из Англии! Ей известно, что людей, пробывших под водой не меньше, чем Эйми Даррант, удавалось вернуть к жизни с помощью искусственного дыхания. По моему настоянию ей пришлось уйти, оставив меня наедине с ее жертвой. Вот почему, когда она обернулась, на ее лице отразилась такая страшная тревога. Вдруг Эйми Даррант окажется жива и расскажет, что произошло?

— Господи! — вырвалось у Джейн Хелльер. — Теперь мне страшно.

— Да, если случившееся рассматривать с такой стороны, то оно приобретает зловещий характер, а личность Эйми Даррант становится еще более загадочной, — продолжал рассуждать доктор Ллойд. — Кто она

такая, Эйми Даррант? Почему эта ничего не представляющая собой компаньонка стала жертвой хозяйки? Что кроется за роковым купанием? Она пробыла компаньонкой Мэри Бартон всего несколько месяцев. Мэри Бартон взяла ее с собой за границу, и уже на следующий день по прибытии произошла трагедия. А ведь они производили впечатление таких милых, благовоспитанных англичанок! Да, сказал я себе, все это слишком фантастично, и решил отбросить свои предположения.

— Вы так ничего и не предприняли? — спросила мисс Хелльер.

— Дорогая моя, ну что я мог сделать? Свидетелей у меня не было. Большинство очевидцев подтверждало все, что рассказывала мисс Бартон. Мое подозрение строилось всего лишь на мимолетном выражении ее лица, которое могло мне просто привидеться. Единственное, что я мог сделать и сделал, — это позаботиться о том, чтобы найти родственников Эйми Даррант. Но, как вы уже знаете, результатов не добился. Не помогла и личная встреча с хозяйкой ее комнаты во время моего очередного приезда в Англию.

— Но вы все-таки чувствовали, что здесь что-то неладно? — спросила мисс Марпл.

Доктор кивнул.

— Сначала мне было стыдно за мои мысли, — сказал он. — Кого я пытаюсь заподозрить в совершении преступления — вполне порядочную, не лишенную привлекательности женщину? Я постарался, пока она оставалась на острове, общаться с ней как можно тактичнее.

Я помог ей уладить формальности с местными властями и сделал все, что сделал бы на моем месте любой англичанин для своего соотечественника за рубежом. И все-таки, несмотря на все мои старания, она, несомненно, чувствовала, что я отношусь к ней с подозрением, недолюбливаю ее.

— Сколько же еще времени она оставалась на острове? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Я думаю, недели две. Дней через десять после похорон мисс Даррант она отправилась обратно в Англию. Потрясение было настолько сильным, что она не смогла остаться на зиму, как раньше намечала. Так она, по крайней мере, говорила.

— Она действительно была очень расстроена? — спросила мисс Марпл.

Доктор задумался.

— Пожалуй, по внешнему виду этого сказать было нельзя, — осторожно ответил он.

— А вы не заметили, не расплнела ли она немного? — допытывалась мисс Марпл.

— Это интересный вопрос... Дайте подумать... Припоминаю... Возможно, вы правы. Да, можно сказать, она немножко пополнела.

— Какой ужас! — вздрогнув, сказала Джейн Хелльер. — Это все равно что расплнеть от крови своей жертвы.

— Однако, с другой стороны, я, может быть, и не вполне справедлив по отношению к ней, — продолжал доктор Ллойд. — Перед отъездом она все же сделала попытку поделиться со мной тем, что могло бы в корне изменить ситуацию. Вероятно, совесть просыпается довольно медленно, и требуется определенное время, чтобы осознать содеянное.

Вечером, накануне отъезда с Канарских островов, она попросила меня зайти к ней. Она от всей души поблагодарила меня за помощь. Я, разумеется, сказал, что на моем месте так поступил бы каждый порядочный человек.

Немного помолчав, мисс Бартон спросила:

«Как вы считаете, можно ли оправдать того, кто сам, собственными руками вершит правосудие?»

Я ответил, что вопрос это сложный, но вообще-то я считаю, что нельзя. Закон есть закон, и мы должны чтить его.

«Даже если закон бессилён?»

«Я не совсем вас понимаю».

«Это трудно объяснить. Но вот если человек из благих намерений вынужден совершить такое, что расценивается как противозаконное действие, даже преступление...»

Я заметил, что, вероятно, многие преступники оправдывают свои действия таким образом.

Она вся сжалась.

«Это ужасно, ужасно», — пробормотала она.

Успокоившись, она попросила у меня снотворного, поскольку с тех пор не могла нормально спать.

«Все от этого страшного потрясения», — добавила она.

«Только от этого? И ничто другое вас не беспокоит? Больше вы ни о чем не задумываетесь?»

«О чем я еще могу задумываться?» — зло переспросила она, с подозрением взглянув на меня.

«Иногда причиной бессонницы бывает беспокойство», — невозмутимо пояснил я.

Она молчала. И вдруг спросила:

«Вы имеете в виду беспокойство о предстоящем или беспокойство о прошедшем, которого уже не изменишь?»

«И то и другое».

«Разве вернешь теперь? Нет смысла печалиться о прошлом. О-о, это бесполезно! Лучше не думать. Не думать».

Я выписал ей легкое снотворное и попрощался. По дороге домой я все время размышлял над ее словами: «Разве вернешь...» Кого? Или что?

Я считаю, что этот наш последний разговор в некоторой степени подготовил меня к заключительной встрече. Разумеется, я не предвидел такой развязки, но, когда она произошла, для меня она не оказалась такой уж неожиданностью.

Тогда Мэри Бартон произвела на меня впечатление не раскаивающейся грешницы, а женщины с убеждениями, которая действует в соответствии с ними и будет тверда, пока верит в них. И все же мне показалось, что тот разговор посеял в душе Мэри Бартон сомнения в своей правоте и что ее слова свидетельствовали о слабых признаках мучительного процесса переоценки ценностей и угрызений совести.

Прошло немного времени, и я узнал из газет следующее. В Корнуолле в конце марта в небольшом местечке, еще довольно безлюдном в это время года, в гостинице проживала некая дама по имени мисс Бартон. Бросалось в глаза ее странное поведение. Каждую ночь она бродила по комнате, разговаривая сама с собой, не давая спать соседям. Однажды она явилась к викарию и призналась, что совершила преступление. Затем она неожиданно встала и сказала, что зайдет в другой раз. Викарий посчитал, что она немного не в себе, и не принял всерьез ее слов.

На следующее утро мисс Бартон исчезла. В ее номере нашли адресованную коронеру записку следующего содержания:

«Вчера я попыталась рассказать все викарию, признаться ему во всем, но мне не позволили. Она мне не разрешила. Это можно исправить только одним способом — уйти из жизни. Жизнь за жизнь; я должна окончить свою жизнь так же, как это случилось с ней. Я тоже должна исчезнуть в морской пучине.

Я считала, что обстоятельства оправдают меня, но теперь понимаю, что ошиблась. Если я хочу получить прощение Эми, я должна последовать за ней. В моей смерти прошу никого не винить.

Мэри Бартон».

Ее одежду нашли на берегу в дальней пещере. Решили, что она

разделась и заплывла далеко в море, где было очень опасное, стремительное течение.

Тела не нашли. Спустя некоторое время Мэри Бартон была признана умершей. Женщина она была богатая, и, поскольку умерла без завещания, все ее состояние перешло ближайшим родственникам — семье двоюродной сестры, проживающей в Австралии. В газетах ее смерть прямо связывали с трагедией на Канарских островах. Считалось, что на ее психику сильно подействовала гибель мисс Даррант. Заключение о причине смерти Мэри Бартон было типичным для таких случаев: самоубийство на почве временного расстройства рассудка.

Такова трагедия Эйми Даррант и Мэри Бартон. И здесь занавес опускается.

Воцарилась тишина, которую нарушил возглас Джейн Хелльер:

— Нельзя же останавливаться на самом интересном месте! Продолжайте, доктор.

— Видите ли, мисс Хелльер, это не рассказ с продолжением, это сама жизнь. И сама жизнь выбирает, где ей остановиться.

— Но я хочу знать продолжение, — запротестовала Джейн.

— Тут уж нам самим придется пошевелить мозгами, мисс Хелльер, — вступил в разговор сэр Генри. — Нам надо решить загадку доктора Ллойда: почему Мэри Бартон убила свою компаньонку?

— О да, у нее могла быть масса причин, — живо откликнулась Джейн Хелльер. — Да мало ли что... Например, она могла просто разозлить ее или, скажем, из ревности. Правда, доктор Ллойд не упомянул ни одного мужчины. Но сами понимаете... пароход... Всем известно, что такое морские путешествия...

Мисс Хелльер прервала свои рассуждения, и всем присутствующим стало ясно, что содержание этой прелестной головки оставляет желать лучшего.

— У меня тоже есть несколько предположений, — сказала миссис Бантри. — Но, полагаю, следует сосредоточиться на одном. Я думаю, что отец мисс Бартон создал свое состояние, разорив отца Эйми Даррант, и Эйми решила отомстить за отца. Ой, все перепутала. Какая банальность! Здесь ведь богатая хозяйка убивает свою бедненькую компаньонку, так ведь? Нет! У мисс Бартон был младший брат, и он застрелился из-за несчастной любви к Эйми Даррант. Мисс Бартон стала ждать своего часа. И вот Эйми появилась в свете. Мисс Би^[22] взяла ее в компаньонки, увезла на Канары и там рассчиталась с ней. Ну как?

— Замечательно! — воскликнул сэр Генри. — Но есть небольшое

затруднение: мы не знаем, был ли у мисс Бартон младший брат.

— Мы устанавливаем это с помощью дедуктивного метода, — ответила миссис Бантри. — В противном случае исчезает мотив. Так что должен быть младший брат. Вам понятно, Ватсон?

— Это прекрасно, Долли, — вмешался ее муж. — Но это всего лишь догадка.

— Разумеется, — согласилась миссис Бантри. — Мы можем сейчас только догадываться. У нас нет никаких доказательств. А вот попробуй ты, дорогой, высказать свои предположения!

— Честное слово, не знаю, что и сказать, но, думаю, догадка мисс Хелльер о каком-то мужчине не беспочвенна. Возможно, Долли, это был священник. Обе вышивали ему ризы или что-то подобное, а он предпочел носить ту, что ему поднесла Даррант. Вот, что-нибудь в этом роде. Заметьте, ведь она пошла в конце концов к священнику. Такие женщины обычно теряют голову перед симпатичными служителями церкви. Только и слышишь, как всюду толкуют об этом.

— Мне кажется, следует попытаться дать более тонкое объяснение, — сказал сэр Генри. — Должен предупредить, что это только догадка. Я считаю, что мисс Бартон всегда была психически неуравновешенной. Такие люди встречаются чаще, чем вы себе представляете. Ее мания развивалась все сильнее и сильнее, и наконец она уверовала в то, что ее миссия заключается в том, чтобы избавлять мир от определенных людей, ну, например, от так называемых женщин легкого поведения.

Нам ничего не известно о прошлом мисс Даррант. Очень возможно, что она когда-то и была одной из таких женщин. Мисс Бартон как-то узнала об этом и решила ее уничтожить. Позже она начала сомневаться в справедливости своего поступка, ее стали мучить угрызения совести. Ее самоубийство свидетельствовало о психической неуравновешенности. Вы согласны со мной, мисс Марпл?

— Боюсь, что нет, сэр Генри, — ответила мисс Марпл с извиняющейся улыбкой. — Я считаю, что последний поступок мисс Бартон говорит о незаурядном уме и изобретательности.

Джейн Хелльер прервала ее, слегка вскрикнув:

— Какая же я недогадливая! Позвольте мне! Конечно, так оно и есть. Шантаж! Эта компаньонка шантажировала ее. Только не могу понять, почему это мисс Марпл решила, что она мудро поступила, лишив себя жизни. Мне это совершенно непонятно.

— Дело в том, — заметил сэр Генри, — что мисс Марпл опирается на сходный случай в Сент-Мэри-Мид.

— Не смейтесь надо мной, сэр Генри, — укоризненно произнесла мисс Марпл. — Должна признаться, что этот случай напомнил мне о миссис Траут. Она, вы знаете, получала пенсию за трех пожилых женщин из разных приходов, которые на самом деле уже умерли.

— Это действительно замысловатое и изобретательное преступление, — отметил сэр Генри. — Но оно никак не проливает свет на нашу загадку.

— Разумеется, нет, — сказала мисс Марпл. — Вернее, для вас не проливает. Но есть очень бедные семьи, и пенсия по старости — большое подспорье для детей. Я понимаю, что тому, кто с этим не сталкивался, трудно это понять. Но я-то имела в виду действия одной пожилой женщины, которые очень напоминают действия другой.

— Как это так? — удивился сэр Генри.

— Ах, я всегда так плохо объясняю. Я ведь что хочу сказать... Когда доктор Ллойд увидел этих двух женщин, он не знал, кто из них кто. Я думаю, что и в отеле тоже никто этого не знал. Конечно, через день-другой это стало бы известно. Но на следующий день одна из них утонула, и, если бы та из них, которая осталась в живых, назвала себя мисс Бартон, я думаю, никому бы в голову не пришло, что это не так.

— Так вы считаете... — медленно произнес сэр Генри.

— Это единственное правильное предположение. Уважаемая миссис Бантри только что верно заметила: зачем богатой хозяйке убивать компаньонку? Логичнее предположить обратное. Так, по крайней мере, случается в жизни.

— Неужели это так? — все еще недоумевал сэр Генри. — Я потрясен.

— Разумеется, — продолжала мисс Марпл, — ей пришлось надеть одежду мисс Бартон, а она, вероятно, была ей немного тесновата, и могло показаться, что она слегка располнела. Вот почему я спросила об этом. Мужчины обычно считают, что полнеет женщина, а не одежда становится ей тесноватой, но это не всегда правильное объяснение.

— Какой смысл был Эйми Даррант убивать мисс Бартон? Она ведь не могла бы вечно скрывать этот обман.

— Она скрывала этот обман всего лишь несколько месяцев, — заметила мисс Марпл. — И все это время она путешествовала, стараясь держаться подальше от тех, кто мог ее узнать. Вот что я имела в виду, когда говорила, что в определенном возрасте некоторые женщины очень похожи друг на друга. Я думаю, что никто не заметил ее несходства с фотографией в паспорте. Вы же знаете, что такое паспорт. И вот в марте она приезжает в небольшой поселок в Корнуолле и ведет себя там так, что, когда читают ее

последнее письмо и находят на берегу ее одежду, ни у кого не возникает простого вопроса.

— Какого же? — спросил сэр Генри.

— Об отсутствии тела, — пояснила мисс Марпл. — Это должно было вызвать подозрение, если бы не многочисленные уловки, намеки на ужасное преступление и раскаяние. Тела не нашли. Это очень важный факт.

— Так вы считаете... считаете, что не было раскаяния? — спросила миссис Бантри. — Вы думаете, что она не утопилась?

— Нет, — сказала мисс Марпл. — Опять же она, как и миссис Траут, оказалась мастером запутывать следы. Но ту я раскусила. Поэтому мне не составило труда разгадать и раскаявшуюся мисс Бартон. Думаете, она утопилась? Уехала в Австралию, если я еще способна угадывать.

— Способны, мисс Марпл, безусловно, способны, — кивнул головой доктор Ллойд. — Эта история снова мне преподнесла сюрприз, в тот день в Мельбурне я был буквально ошарашен.

— Вы имеете в виду ту, упомянутую вами заключительную встречу?

— Да, — снова кивнул доктор Ллойд. — Мисс Бартон или, если вам угодно, Эйми Даррант, очень не повезло. Некоторое время я работал судовым врачом. И однажды, когда я сошел на берег в Мельбурне, первым человеком, которого я встретил, была дама, которую я считал утонувшей в Корнуолле. Насколько я понял, она увидела, что дело ее проиграно, и сделала смелый шаг — рассказала мне все. Странная это была женщина, абсолютно лишена каких-либо моральных принципов. Она была старшей из девяти детей в очень бедной семье. Она обратилась за помощью к богатой кузине в Англии, но получила отказ, поскольку мисс Бартон была в ссоре с их отцом. Деньги были крайне необходимы, потому что трое младших детей нуждались в дорогостоящем лечении. Скорее всего, именно в это время у Эйми Даррант и созрел план хладнокровного убийства. Она уезжает в Англию, где работает в семьях, ухаживая за детьми. Затем под именем Эйми Даррант становится компаньонкой мисс Бартон. Она снимает комнату и обставляет ее какой-то мебелью, чтобы убедительно сыграть свою новую роль. Затем поджидает удобного случая. Решение утопить мисс Бартон пришло неожиданно... После трагедии на Канарах и мнимого самоубийства она возвращается в Австралию и вскоре вместе со своими братьями и сестрами, как ближайшими родственниками мисс Бартон, наследует ее состояние.

— Весьма дерзкое и довольно хорошо обдуманное преступление, — заметил сэр Генри. — Если бы на Канарах утонула мисс Бартон, то подозрение наверняка бы пало на мисс Даррант и стали бы известны ее

родственные связи с семьей Бартон. Но замена личности и двойное, если можно так выразиться, преступление помогли ей. Да, я бы даже сказал — тонко осуществленное преступление.

— Что же с ней было дальше? — спросила миссис Бантри. — Что вы предприняли, доктор?

— С точки зрения закона я не располагал достаточными доказательствами. У меня и сейчас, можно сказать, их нет. Я пошел к ним в дом и познакомился со всем семейством. Это была очень милая семья, преданная старшей сестре и не подозревающая, какое страшное преступление она совершила. Зачем портить им жизнь, если я не мог ничего доказать? Кроме того, мне, как медику, было ясно, что, несмотря на ее цветущую внешность, дни этой дамы сочтены. Я доверился природе. Мисс Бартон умерла через шесть месяцев после этой нашей встречи. Была ли она счастлива, не раскаивалась ли — не знаю.

— Конечно, не раскаивалась, — заверила миссис Бантри.

— Я тоже так думаю, — поддержала ее мисс Марпл. — Миссис Траут не раскаивалась.

— Захватывающая история, — сказала мисс Хелльер, покачивая головой. — Только я не поняла, кто кого утопил и какое к этому имеет отношение миссис Траут?

— А никакого, милая, — сказала мисс Марпл. — Миссис Траут тоже была не очень-то приятная особа. Но она жила в деревне.

— А-а, в деревне! — сказала мисс Хелльер. — Так ведь в деревне ничего не случается? Вот если бы я жила в деревне, — она вздохнула, — я бы и совсем ничего не соображала.

Четверо под подозрением

Разговор зашел о неустановленных и оставшихся безнаказанными преступлениях. Все высказывались по очереди: полковник Бантри, его приятная жена, Джейн Хелльер, доктор Ллойд и даже почтенная мисс Марпл. Только один человек не участвовал в разговоре, хотя, по мнению большинства, ему единственному было наиболее уместно сделать это. Сэр Генри Клиттеринг, отставной комиссар Скотленд-Ярда, сидел молча, подкручивая усы — или, вернее, поглаживая их, — и слегка улыбался: казалось, собственные мысли забавляли его.

— Сэр Генри, — наконец не вытерпела миссис Бантри, — раз вы молчите, задам вам вопрос. Много ли преступлений остаются безнаказанными?

— Миссис Бантри, вы имеете в виду газетные заголовки «Скотленд-Ярд вновь объявляет розыск» и перечни, которые следуют за этим?

— Я полагаю, что это очень малый процент от общего числа преступлений? — заметил доктор Ллойд.

— Да, это так. О сотнях раскрытых преступлений и понесших наказание преступниках редко сообщают, о них не трезвонят. Но ведь речь совсем не об этом, не так ли? Говоря о неустановленных и о нераскрытых преступлениях, подразумевают разные вещи. К категории первых относятся преступления, о которых Скотленд-Ярд ничего не знал и о совершении которых вообще никому не было известно.

— Но я полагаю, их не так много? — сказала миссис Бантри.

— Не так много?

— Сэр Генри! Не станете же вы утверждать, что их много?

— А по-моему, — задумчиво произнесла мисс Марпл, — их должно быть немало. — Обаятельная дама почтенного возраста и старой закалки высказала свое соображение совершенно невозмутимо.

— Уважаемая мисс Марпл... — начал было полковник Бантри.

— Разумеется, — прервала его мисс Марпл, — есть множество глупых людей. И их находят, что бы они ни совершили. Но существует немало неглупых людей, и содрогаешься при мысли, что бы они могли натворить, если бы не имели прочных нравственных устоев.

— Да, — согласился сэр Генри, — неглупых людей много. Как часто преступление выплывает наружу благодаря какому-нибудь пустяку. И каждый раз задаешь себе вопрос: а если бы не этот пустяк, узнал бы кто-

нибудь о преступлении?

— Это весьма серьезно, Клиттеринг, — сказал полковник Бантри. —
Весьма серьезно.

— Да?

— Что значит — да? Несомненно, серьезно.

— Вы говорите, преступления остаются безнаказанными, но ведь это не так. Может быть, они не караются законом, но причина и следствие связаны помимо закона. Говорить, что нет преступления без наказания, — это банальность, и все же, по моему мнению, нет истины вернее.

— Может быть, может быть, — согласился полковник Бантри, — но это не снижает важности... установления... — Он замолчал в полной растерянности.

Сэр Генри улыбнулся.

— Несомненно, девяносто девять человек из ста думают, как вы, — сказал он. — Но, знаете, на самом деле важна не вина, а невиновность. Вот что никак не хотят понять.

— Я не понимаю, — сказала Джейн Хелльер.

— Я понимаю, — сказала мисс Марпл. — Когда миссис Трент обнаружила пропажу полукроны из своей сумочки, то решила, что, скорее всего, это могла сделать приходящая служанка, миссис Артур. Конечно, супруги Трент на нее и подумали, но, будучи людьми чуткими и зная, что у той большая семья, а муж пьяница, они, естественно, не пошли на крайние меры. Тем не менее они стали относиться к ней по-иному — перестали оставлять дом под ее ответственность, когда уезжали, и она это почувствовала. У других людей по отношению к ней тоже возникло предубеждение. И тут вдруг выяснилось, что виновница — гувернантка. Миссис Трент увидела ее через дверь, в зеркале. Чистейшая случайность, хотя я предпочитаю называть это Провидением. И я думаю, это именно то, что имел в виду сэр Генри. Людей в большинстве случаев интересует только, кто взял деньги, а вором, как правило, оказывается человек, на которого никогда не подумаешь, — прямо как в детективах! Ведь вы это имели в виду, не так ли, сэр Генри?

— Да, мисс Марпл, вы уловили мою мысль совершенно точно. В данном случае служанке повезло. Ее невиновность была доказана. А ведь некоторые всю жизнь могут прожить под гнетом подозрения, которое на самом деле несправедливо.

— Вы имеете в виду какой-то конкретный случай, сэр Генри? — поинтересовалась миссис Бантри.

— Собственно говоря, да, миссис Бантри. Весьма необычный случай.

Случай, когда мы знали, что совершено убийство, но не имели никакой возможности это доказать.

— Яд, я полагаю, — вздохнула Джейн. — Какой-нибудь неизвестный.

Доктор Ллойд беспокойно зашевелился, а сэр Генри покачал головой:

— Нет, уважаемая. Нет, не загадочный яд стрел южноамериканских индейцев. Если бы это было так! Нам пришлось иметь дело кое с чем гораздо более прозаическим, настолько прозаическим, что не было никакой надежды выяснить, кто преступник. Почтенный джентльмен упал с лестницы и сломал себе шею. Обычный печальный случай, такие вещи происходят каждый день.

— Ну а на самом деле что случилось?

— Кто знает? — Сэр Генри пожал плечами. — Толкнули сзади? Натянули поперек лестницы нитку или бечевку, а потом незаметно убрали? Этого мы никогда не узнаем.

— Но вы ведь не считаете, что это несчастный случай? Тогда что же? — спросил доктор.

— Очень длинная история. Да, мы, конечно, несколько не сомневались. Но, как я сказал, не было никаких шансов установить, кто же преступник. Доказательства были слишком шаткие. Но есть и другая сторона дела, о которой следует упомянуть. Видите ли, этот трюк могли проделать четверо. Один виновен, а остальные трое не виновны. И если истина не установлена, то на всех четверых падает тень ужасного подозрения.

— Я думаю, уж лучше рассказать эту вашу длинную историю, — сказала миссис Бантри.

— В конце концов, нет необходимости излагать ее со всеми подробностями, — согласился сэр Генри. — Во всяком случае, можно опустить начало. Здесь дело касается немецкой тайной организации «Шварц ханд» — это что-то вроде Каморры^[23]. Шантаж и террор. Она возникла сразу после мировой войны^[24] и на удивление широко распространилась. Множество людей становились ее жертвами. Все старания властей справиться с ней были безуспешны, так как секреты ее ревностно охранялись, а найти человека, который бы согласился на предательство, было невозможно.

В Англии о ней толком ничего не знали, но в Германии эта организация всю разгулялась. «Шварц ханд» полностью прекратила свое существование благодаря усилиям некоего доктора Розена, одно время заметной фигуры секретной службы. Он затесался туда, внедрился в

руководящее ядро и, можно сказать, послужил орудием ее уничтожения.

Через некоторое время его раскрыли в «Шварц ханд», и мы сочли разумным, чтобы он покинул Германию, по крайней мере на время. Мы получили о нем сведения от полиции Берлина. Розен приехал в Англию, и я имел с ним личную беседу. Держался он очень спокойно, как человек, смирившийся со своей судьбой. Он не питал иллюзий в отношении своего будущего.

«Они выйдут на меня, сэр Генри, — говорил он мне. — Ни тени сомнения. — Розен был крупным мужчиной с красиво посаженной головой и низким голосом. Слегка гортанное произношение выдавало его национальность. — Исход предрешен. Но какое это имеет значение? Я к этому готов. Я понимал, на что иду, когда включился в операцию. Задача выполнена. Организация больше не существует, но много входивших в нее людей на свободе. Единственно, чем они могут отомстить, — уничтожить меня. Вопрос только во времени, и я бы очень хотел, чтобы времени прошло как можно больше. Понимаете, я готовлю один очень интересный материал — плод усилий моей жизни — и мне необходимо завершить работу».

Он говорил просто, с таким достоинством, которым я не мог не восхищаться. Я заверил его, что будут приняты все меры предосторожности, но он отмахнулся от моих слов.

«Рано или поздно они до меня доберутся, — повторил он. — Когда этот день наступит, не укоряйте себя. Я не сомневаюсь, что вы сделаете все возможное».

Затем он перешел к изложению плана. План этот был достаточно прост. Он хотел подыскать небольшой коттедж в сельской местности, где бы мог спокойно жить и продолжать работу. В конце концов он выбрал деревню в Сомерсете^[25] — Кингз-Натон, в семи милях от железнодорожной станции и почти не тронутую цивилизацией. Купил очень симпатичный домик, кое-что перестроил, усовершенствовал и поселился там в свое полное удовольствие. Домочадцами его были: племянница Грета, секретарь, прислуга — старая немка, которая верой и правдой трудилась у него без малого сорок лет, — и приходящий садовник из Кингз-Натона — мастер на все руки.

— Четверо под подозрением, — сказал доктор Ллойд.

— Верно. Четверо под подозрением. Лучше не скажешь. В течение пяти месяцев жизнь в Кингз-Натоне шла спокойно. И вот произошло несчастье. Доктор Розен упал с лестницы — и умер. В это время Гертруда находилась у себя на кухне, дверь была закрыта, и, как она говорит, она

ничего не слыхала. Фрейлейн Грета работала в саду, сажала какие-то там луковицы, опять-таки по ее словам. Садовник Доббс сказал, что был в сарае, где выращиваются цветы в горшках, и, как обычно, в одиннадцать завтракал. Секретарь пошел прогуляться, но опять-таки с его собственных слов. Алиби не было ни у одного — их показания никто не мог подтвердить. Одно определенно — совершил это не человек со стороны: постороннего в таком маленьком местечке, как Кингз-Натон, наверняка бы сразу заметили. Обе двери — парадная и задняя — были заперты. У всех домашних были собственные ключи. Итак, вы видите, что все сводится к этой четверке. И при этом каждого из них трудно подозревать. Грета — дочь его родного брата. Гертруда — сорок лет служила верой и правдой. Доббс вообще не бывал за пределами Кингз-Натона. А Чарлз Темплтон — секретарь...

— Да, — прервал его полковник Бантри, — нельзя ли о нем поподробнее? Он представляется мне подозрительной личностью. Что вам о нем известно?

— То, что мне о нем известно, полностью оправдывает его, — отрезал сэр Генри. — Видите ли, Чарлз Темплтон — мой человек.

— Ого! — только и вырвалось у ошеломленного полковника.

— Да. Я хотел иметь кого-нибудь там и в то же самое время не хотел давать повода для разговоров в деревне. Розену нужен был секретарь. Вот я и определил к нему Темплтона. Джентльмен, по-немецки говорит свободно и притом весьма способный малый.

— Но тогда кого же из них вы подозреваете? — Миссис Бантри была озадачена. — Все они такие... ну как это возможно?

— Да, но можно взглянуть на вещи еще и с другой стороны. Фрейлейн Грета — его племянница и весьма привлекательная девица. Но война нам не раз доказывала, что брат может пойти против сестры, отец — против сына и так далее. Самые привлекательные и добронравные молодые девицы совершали самые немыслимые поступки. То же самое относится и к Гертруде: кто знает, какие силы могли бы тут сработать? Может быть, ссора с хозяином или накопившееся за долгие годы преданной службы чувство обиды. Пожилые женщины ее склада иногда бывают на удивление ожесточенными. А Доббс? Или его это совершенно не касается, раз он не связан с семьей? Деньги все сделают. К Доббсу могли найти определенный подход и купить его.

Было очевидно, что какое-то поручение или какой-то приказ поступил извне. Иначе в чем же причина пяти месяцев промедления?.. Дело в том, что агенты общества еще не были убеждены, что Розен предатель, и

откладывали месть до появления неоспоримых доказательств измены. Наконец, когда никаких сомнений не осталось, шпиону в доме было послано сообщение — уничтожить.

— Какой ужас! — содрогнулась Джейн Хелльер.

— Я пытался выяснить, как передали приказ. Узнав это, я получил единственную зацепку к решению задачи. Пока мне было известно, что кто-то из четверых получил приказ. А затем — никаких промедлений: приказ отдан — приказ выполнен. Этим отличалась «Шварц ханд».

Я занялся исследованием этого вопроса, занялся настолько тщательно, что, вероятно, удивлю вас своей доходящей до абсурда дотошностью. Кто приходил в дом утром? Я не исключал никого. Вот список.

Он вынул из кармана конверт и достал из него бумагу.

— Мясник принес кусок баранины. Проверил и установил: подтверждается.

Посыльный от бакалейщика принес упаковку кукурузной муки, два фунта сахара, фунт масла и фунт кофе. Тоже проверил и установил: все верно.

Почтальон принес два проспекта для фрейлейн Розен, письмо Гертруде, три письма доктору Розену, одно из них с иностранной маркой, и два письма мистеру Темплтону, одно тоже с иностранной маркой.

Сэр Генри сделал паузу и вытащил из конверта ворох документов.

— Не изволите ли полюбопытствовать? Все это было передано мне заинтересованными лицами, а также извлечено из мусорной корзины. Нет надобности говорить, что письма подвергались экспертизе на невидимые чернила и et cetera^[26]. Ничего подобного не установлено.

Каталоги были от владельца питомника и от известной лондонской пушной фирмы. Два счета на имя доктора Розена: за семена для сада и от лондонской книгоиздательской фирмы. Письмо на его имя было следующего содержания:

«Мой дорогой Розен!

Только что от Хелмута Спата. На днях виделись с Эдгаром Джексоном. Он и Амос Перри недавно вернулись из Тсинтау^[27], но Честность не позволяет мне сказать, что я завидую их поездке. Дайте знать о себе в ближайшее время. Как говорилось ранее, остерегайтесь одного человека. Вы знаете, кого я имею в виду, хотя вы и не согласны.

Ваша *Георгина*».

Почта мистера Темплтона состояла из счета от портного и письма от друга из Германии, — продолжал рассказ сэр Генри. — Последнее он, к несчастью, порвал во время прогулки. И, наконец, имеется письмо, полученное Гертрудой:

«Дорогая миссис Шварц!

Мы надеемся, что придети на наше собрание вечером в пятницу викарий говорит, что вам все обрадуются. Ресепт ветчины очень хорош, благодарствуйте. Надеемся пребывайте в добром здравей повидаемся в пятницу и проч.

Преданно ваша *Эмма Грин*».

— Я думаю, это письмо ни при чем, — улыбнулся доктор Ллойд.

Улыбнулась и миссис Бантри.

— Я тоже так посчитал, — сказал сэр Генри, — но все же на всякий случай навел справки о миссис Грин и о церковном собрании. Нелишне, знаете ли.

— Так всегда говорит наша дорогая мисс Марпл, — улыбнувшись, сказал доктор Ллойд. — Вы совсем замечтались, мисс Марпл. О чем это вы призадумались?

— Да так. — Мисс Марпл встрепенулась. — Просто удивляюсь, почему слово «честность» в письме к доктору Розену написано с заглавной буквы.

Миссис Бантри взяла письмо.

— Ой, действительно, — подтвердила она.

— Да, милая, — сказала мисс Марпл. — Я думала, вы заметили!

— Это письмо — явное предупреждение, — сказал полковник Бантри. — Это мне сразу бросилось в глаза. Я не так мало замечаю, как вы думаете. Да, явное предупреждение, но о ком?

— Кстати, вам, наверно, небезынтересно будет узнать, что, по словам Темплтона, доктор Розен вскрыл письмо за завтраком и швырнул ему, сказав, что понятия не имеет об этом человеке.

— Но это не мужчина, — возразила Джейн Хелльер. — Здесь стоит: «Георгина».

— Трудно разобраться, — сказал доктор Ллойд. — Может быть, и Георгий, но больше похоже на Георгину. Одно для меня совершенно ясно: почерк мужской.

— И вы знаете, что интересно, — снова заговорил полковник Бантри, — ведь он швырнул конверт на стол и сделал вид, что ничего не

знает об этом человеке. Возможно, он хотел увидеть, какую реакцию это вызовет. Но у кого? У девушки? У мужчины?

— Или даже у кухарки? — предположила миссис Бантри. — Она могла находиться в комнате, когда приносила завтрак. Но что мне непонятно... совершенно особое...

Она вновь склонилась над письмом. Мисс Марпл под села к ней и коснулась пальцем листа бумаги, указывая на что-то. Они зашептались.

— Но зачем секретарю понадобилось рвать письмо? — спросила вдруг Джейн Хелльер. — Вы только представьте себе! Весьма странно. И почему письмо из Германии? Хотя, конечно, если он вне подозрений, как вы говорите...

— Но сэр Генри не говорит этого, — быстро вмешалась мисс Марпл, оторвавшись от разговора с миссис Бантри. — Он сказал: четверо под подозрением. Таким образом, он не исключает и мистера Темплтона. Я правильно говорю, ведь так, сэр Генри?

— Да, мисс Марпл. Я убедился на своем горьком опыте. Никогда не следует утверждать, что кто-то вне подозрений. Я только изложил вам свои доводы, почему трое из этих людей, как бы невероятно это ни казалось, могли оказаться виновными. Вместе с тем аналогичная процедура не была проведена в отношении четвертого — Чарлза Темплтона. Но в конечном счете я пришел к этому, я был вынужден признать следующее: везде — и в армии, и во флоте, и в полиции, — как бы нам этого ни хотелось, имеется определенное количество отщепенцев. И я беспристрастно изучил факты против Темплтона.

Я задал себе вопрос, похожий на только что заданный мисс Хелльер. Почему он, единственный из всех домочадцев, не предъявил полученное письмо, к тому же с немецкой маркой? С какой стати у него письма из Германии?

В последнем вопросе не было ничего особенного, я взял и задал его. Ответ оказался очень простым. Сестра матери была замужем за немцем. Письмо было от кузины-немки. Так что мне стало известно то, чего я до этого не знал: что у Чарлза Темплтона были родственники в Германии. И это определенно ставило его в список подозреваемых, даже в первую очередь подозреваемых. Он мой человек и всегда был мне симпатичен, я доверял ему, но из элементарной справедливости и порядочности я должен был признать, что он возглавляет список.

Но вот тут уж не знаю! Я не знаю... И, по всей вероятности, никогда не узнаю. Вопрос не в том, чтобы наказать убийцу. Вопрос, как мне кажется, во сто крат важнее. Испортить, может быть, всю карьеру честному

человеку из-за... подозрения... подозрения, которое я не склонен недооценивать.

Мисс Марпл кашлянула и негромко сказала:

— Сэр Генри, тогда, если я вас верно понимаю, именно молодой мистер Темплтон единственный, кто не дает вам покоя?

— Да, в известном смысле. В теории ко всем четверым следует подходить одинаково, но на практике это не тот случай. Вот, например, Доббс: подозрение может пасть и на него, но, на мой взгляд, это практически не окажет влияния на его карьеру. Никому в деревне никогда и в голову не придет, что смерть старого доктора Розена была не просто несчастным случаем. Гертруда немногим более уязвима. Подозрение должно, например, изменить отношение к ней фрейлейн Розен. Но, вероятно, это не имеет для нее особого значения.

Что до Греты Розен, то здесь мы подходим к наиболее сложному моменту этого дела. Грета — девушка весьма симпатичная. И Чарлз Темплтон — молодой человек приятной наружности. Пять месяцев они были предоставлены друг другу при полной изоляции от внешнего мира. Случилось неизбежное. Они влюбились друг в друга, хотя и не успели еще объясниться.

А затем случилось несчастье, и вот теперь, спустя три месяца с небольшим после того, как я возвратился, Грета Розен пришла повидаться со мной. Она продала коттедж и возвращалась в Германию, уладив наконец все дела дяди. Она пришла именно ко мне, хотя знала, что я вышел в отставку. Хотела меня увидеть по личному вопросу. Не сразу, но к концу беседы она рассказала все. Спросила, что я думаю о том письме с немецкой маркой, — она беспокоилась о нем, ее смущало, что Чарлз порвал его. Все ли в порядке? Несомненно, все должно быть в порядке. Конечно, она верит ему, но... О, если бы она только знала! Если бы знала — наверняка...

Вы понимаете? Возникает желание доверять, но вместе с тем ужасное потаенное подозрение цепко охватывает ваше подсознание и настойчиво напоминает о себе. Я спросил Грету, не была ли она равнодушна к Чарлзу и он к ней.

«Думаю, да, — сказала она. — О да, конечно да. Мы были так счастливы! Мы поняли — мы оба поняли. Мы не спешили: впереди было столько времени. Еще бы немного, и он сказал бы, что любит меня, а я бы сказала ему, что я — тоже. А! Но вы догадываетесь... и теперь все не так. Черная кошка пробежала между нами — у нас натянутые отношения, не знаем, что сказать при встрече. Может быть, с ним то же самое, что со мной... Мы оба говорим: «Если бы не сомневаться!..» Вот почему я умоляю

вас, сэр Генри, скажите мне: «Можете быть уверены: кто бы ни совершил убийство вашего дяди, это не Чарлз Темплтон!» Скажите же! Я умоляю, я умоляю вас!»

Я не мог ей этого сказать. Эти двое будут все дальше и дальше друг от друга, и им никогда не избавиться от взаимного подозрения.

Сэр Генри откинулся на спинку стула, его потемневшее лицо казалось усталым.

— И ничего больше не сделать, если... — Он снова уселся прямо, и легкая улыбка промелькнула на его лице. — Если нам не поможет мисс Марпл. Что вы скажете, мисс Марпл? У меня такое предчувствие, что это письмо о церковном собрании по вашей части. Не напомним ли оно вам кого-нибудь или что-нибудь, что значительно упростит дело? Не сможете ли вы помочь чем-нибудь двум молодым людям, оказавшимся в безвыходном положении? Они могли бы быть так счастливы!

В игривости его обращения прозвучали и серьезные нотки. Ведь он высоко ценил своеобразные способности этой старомодной одинокой леди. Он взглянул на нее с некоторой надеждой.

Мисс Марпл кашлянула и поправила кружева.

— Это мне несколько напоминает Анни Поултни, — призналась она. — Конечно, с письмом все совершенно ясно и для миссис Бантри, и для меня. Вы все время живете в Лондоне, и вы не садовник, сэр Генри, вам этого не заметить.

— Э... заметить? — Сэр Генри был озадачен. — Что же заметить?

Миссис Бантри протянула руку, взяла каталог и с удовольствием принялась читать:

— *Доктор Хелмут Спат*. Чисто-сиреневый, удивительно изящный цветок с исключительно длинным и крепким стеблем. Хорош для срезки и для украшения сада.

Эдгар Джексон. Красивый хризантемовидной формы цветок четко выраженного красно-кирпичного цвета.

Амос Перри. Ярко-красный, чрезвычайно декоративен.

Тсинтау. Яркий оранжево-красный, эффектный декоративный садовый цветок, долго сохраняется в срезанном виде.

Честность...

— С большой буквы Ч, вы припоминаете? — буркнула мисс Марпл.

— *Честность*. Розовых и белых оттенков, крупный цветок прекрасной формы.

— На английском их начальные буквы образуют слово «смерть», — объяснила мисс Марпл.

Миссис Бантри захлопнула каталог и громко произнесла:

— Георгина!

— Но письмо пришло самому мистеру Розену, — сказал сэр Генри.

— В этом заключалась хитрость, — сказала мисс Марпл. — Да к тому же еще и предостережение в нем. Что он станет делать с письмом от неизвестного человека с незнакомыми ему именами? Конечно же пихнет своему секретарю.

— Тогда, значит...

— О нет! — прервала мисс Марпл. — Именно поэтому и становится совершенно ясно, что это не он. Иначе он бы никогда не допустил, чтобы это письмо было обнаружено. И равно ни за что не уничтожил бы письма на свое имя с немецкой маркой. В самом деле, его невиновность — если позволите так выразиться — просто сияет.

— Тогда кто...

— Собственно, я почти полностью уверена, насколько можно быть в чем-то уверенным на этом свете... За столом во время завтрака была еще одна персона, и она, что вполне естественно в подобных обстоятельствах, протянула руку, взяла и прочитала письмо. И в этом, вероятно, все дело. Вы помните, что она получила каталог садовода с той же почтой?

— Грета Розен, — медленно произнес сэр Генри. — Так, значит, ее визит ко мне...

— Джентльмену никогда не понять таких вещей, — сказала мисс Марпл. — И боюсь, что они зачастую думают, будто мы, старухи-язвы, что ли, смотрим на все не так. Но вот вам. Прекрасно знаем свою сестру... к несчастью. Я не сомневаюсь, что между ними возник барьер. Молодой человек неожиданно почувствовал безотчетную антипатию. Подозрение возникло чисто интуитивно, но он не смог скрыть его. Я думаю, что на самом деле девица явилась к вам просто в отместку. Она практически ничем не рисковала. Она не поленилась укрепить ваши подозрения относительно бедного мистера Темплтона. Вы ведь не были так твердо уверены, пока она не пришла.

— Но на самом деле она ничего такого не сказала... — начал было сэр Генри.

— Джентльмену, — невозмутимо повторила мисс Марпл, — никогда не понять таких вещей.

— И эта девица... — Он запнулся. — Хладнокровно совершает убийство, и ей хоть бы что!

— О нет, сэр Генри, — сказала мисс Марпл. — Не хоть бы что. Ни вы, ни я так не считаем. Вспомните, вспомните, что вы сказали не так давно.

Нет, Грета Розен не минует наказания. Уже одно то, что ей приходится иметь дело со всяким сбродом — шантажистами, террористами, — не принесет ей ничего хорошего. И вообще такие знакомства, скорее всего, приведут к печальному концу. Как вы сказали, не стоит думать о виновных. Кто не виновен — вот что важно. Мистер Темплтон, который, позволю себе сказать, собирался жениться на этой кузине-немке, порвал ее письмо, и это выглядит в известном смысле подозрительно. Да он просто опасался, что другая девушка заметит письмо или даже попросит прочитать. Я думаю, здесь был какой-то маленький роман. Затем — Доббс: смею сказать, как вы уже заметили, для него это не так важно. Завтрак в одиннадцать — вероятно, больше его ничто не волнует. Затем эта бедняжка старая Гертруда, напомнившая мне Анни Поултни. Бедная Анни Поултни! Пятьдесят лет верной службы, и быть заподозренной в том, что она уничтожила завещание мисс Лэм, хотя ничего нельзя было доказать. Пожалуй, это и подорвало верное сердце несчастной. А потом, после ее смерти, завещание обнаружилось в потайном ящике буфета, куда старая мисс Лэм сама положила его для сохранности. Но для бедной Анни Поултни было уже поздно.

Поэтому я и беспокоюсь о бедной старой немке. Когда человек стар, его очень легко обидеть. Я гораздо больше жалею Гертруду, чем мистера Темплтона: он молод и хорош собой и, очевидно, пользуется успехом у дам. Вы ведь напишете ей, сэр Генри? Сообщите, что ее невиновность полностью доказана? Ее дорогой старый хозяин умер, она, без сомнения, терзается и чувствует, что ее подозревают... О! Невыносимо подумать!

— Непременно напишу, мисс Марпл, — заверил сэр Генри и внимательно посмотрел на нее. — Вы знаете, никогда вас до конца не пойму. Вы всегда находите неожиданный подход.

— Мой подход, боюсь, бывает очень примитивен, — смиренно сказала мисс Марпл. — Я ведь почти не выезжаю из Сент-Мэри-Мид.

— И все же вы разрешили, можно сказать, международную загадку. Вы разрешили ее. Я в этом уверен.

Мисс Марпл бросило в краску, потом она немного овладела собой:

— Я считаю, что, по понятиям моего времени, получила хорошее образование. У нас с сестрой была гувернантка-немка — фрейлейн. Очень сентиментальное существо. Она учила нас языку цветов — забытый теперь предмет, но такой очаровательный! Желтый тюльпан, например, означает безнадежную любовь, китайская астра — «умираю от ревности у ваших ног». То письмо подписано «Георгина», что, насколько я помню, на немецком Dahlia, и это все объясняло. Как бы я хотела вспомнить, что же

означает Dahlia, но, увы, не могу. Память не та, что прежде.

— Во всяком случае, оно не означает смерть.

— Нет, конечно нет. Ах как жаль! Есть на свете неприятные вещи.

— Есть, — вздохнула миссис Бантри. — Но хорошо, когда есть цветы и друзья.

— Заметьте, мы идем во вторую очередь, — попытался разрядить обстановку доктор Ллойд.

— Бывало, каждый вечер поклонник присылал мне багровые орхидеи, — мечтательно произнесла Джейн.

— «Ожидаю вашей благосклонности» — вот что это означает, — весело сказала мисс Марпл.

Сэр Генри как-то по-особому кашлянул и отвернулся. Мисс Марпл вдруг осенило:

— Вспомнила! Dahlia значит предательство и обман.

— Замечательно! Просто замечательно! — сказал сэр Генри и вздохнул.

Трагедия под рождество

— Я должен пожаловаться, — с улыбкой произнес сэр Генри Клиттеринг.

Он оглядел собравшихся. Полковник Бантри нахмурился, как провинившийся на параде солдат. Его жена украдкой рассматривала каталог цветных луковиц, доставленный с последней почтой. Доктор Ллойд с нескрываемым восхищением смотрел на молодую, красивую актрису Джейн Хелльер. А та сосредоточенно разглядывала свои покрытые розовым лаком ногти. Только мисс Марпл, восседавшая прямо и чинно, внимательно слушала Клиттеринга.

— Пожаловаться? — переспросила она.

— Да. И очень серьезная жалоба. В нашей компании шесть человек: трое мужчин и три женщины. И я протестую от имени эксплуатируемых мужчин. Мы сегодня выслушали три истории, и все три были рассказаны мужчинами! Я протестую! Дамы тоже должны внести свой достойный вклад.

— О! — возмутилась миссис Бантри. — Разве мы не внесли своего вклада? Мы с таким вниманием слушали вас и выражали свое восхищение. Мы проявили истинно женскую скромность, не стремясь блистать в огнях рампы!

— Отличное оправдание, — заметил сэр Генри. — Но все же этого мало. Существует великолепный прецедент: «Тысяча и одна ночь». Вперед же, Шехерезада!

— Вы имеете в виду меня? — спросила миссис Бантри. — Но я не представляю, что вам рассказать. Я не имела дела с кровавыми и таинственными происшествиями.

— Ну, я не настаиваю на крови, — заметил сэр Генри. — Однако уверен, что у одной из трех дам есть примечательная история. Прошу вас, мисс Марпл: «Происшествие с прислугой» или «Загадка собрания матерей»^[28]. Не разочаровывайте меня в Сент-Мэри-Мид.

Мисс Марпл покачала головой:

— Нет ничего для вас интересного, сэр Генри. У меня, конечно, есть маленькие загадки. Например, куда девалась банка только что купленных креветок? Но это не подойдет, потому что не слишком таинственно, хотя и проливает свет на человеческую природу.

— Да, вы, мисс Марпл, в свое время научили меня понимать тонкости

человеческой природы, — многозначительно произнес сэр Генри.

— А как вы, мисс Хелльер? — спросил полковник Бантри. — У вас в жизни наверняка были интересные случаи?

— Да, конечно, — поддержал доктор Ллойд.

— Я? — удивилась Джейн. — Вы думаете... а... о чем-нибудь, что случилось со мной?

— Или с кем-нибудь из ваших знакомых, — добавил сэр Генри.

— О! — воскликнула Джейн. — Я думаю, что со мной никогда ничего подобного не случилось. Конечно, цветы... странные послания, но ведь это только поклонники, не так ли? Не думаю... нет... — И она замолчала.

— Что ж, видимо, придется послушать сказание о креветках, — усмехнулся сэр Генри. — Прошу вас, мисс Марпл.

— До чего же вы любите пошутить, сэр Генри. Креветки — это сущие пустяки. Но вот я вспомнила одно происшествие. Даже не происшествие, а нечто более серьезное — трагедию. Я была некоторым образом замешана в ней. И никогда не пожалею о том, что приняла в ней посильное участие. Правда, трагедия эта произошла не в Сент-Мэри-Мид...

— Вы меня разочаровываете, — сказал сэр Генри. — Но я приложу все силы и преодолею разочарование, ибо знаю, что на вас можно положиться.

Он сел поудобнее и приготовился слушать. Мисс Марпл с волнением продолжала. Легкий румянец покрыл ее щеки.

— Постараюсь изложить все как следует, хотя знаю, что часто бываю непоследовательной, ухажу от сути и сама того не замечаю... Иногда трудно вспомнить все факты, да еще и передать их в нужном порядке. Прошу вас не роптать, если окажусь плохим рассказчиком, ведь уже столько времени прошло с тех пор... Итак, эта история. Она, собственно, имела отношение к «Гидро».

— Вы имеете в виду гидроплан? — широко раскрыв глаза, спросила Джейн Хелльер.

— Как? Вы не знаете, дорогая? — удивилась миссис Бантри. — Такой милый курортный городок!^[29]

А ее муж добавил:

— Отвратительное место, ужасное. Надо рано по утрам подниматься, пить пренекуснейшую воду. Множество старух... неизбежные сплетни... Боже, как только вспомню...

— Однако, Артур, — заметила миссис Бантри, — тебе ведь тамошнее лечение очень помогло.

— Повсюду сидят старухи и сплетничают, — продолжал ворчать полковник Бантри.

— Боюсь, это правда, — согласилась мисс Марпл. — Я сама...

— Дорогая мисс Марпл! — в ужасе воскликнул полковник. — Я и в мыслях не имел...

Легким жестом руки мисс Марпл остановила его:

— Да, это правда, полковник Бантри. Только я хочу сказать кое-что в их защиту. Сплетничают, вы говорите, да ведь так оно и есть. И людям это очень не нравится, особенно молодым. Мой племянник, который пишет очень умные книжки, крайне зло высказывается о тех, кто чернит окружающих, не располагая доказательствами. «Как это безнравственно», — твердит он. И тому подобное. Но вот что я вам скажу: вся заковыка в том, что то, что молодые люди называют сплетнями, оказывается правдой! Если бы они задались целью проанализировать факты, то обнаружили бы, что в девяти случаях из десяти это правда! Как раз это и не нравится молодым.

— Правда по наитию, — улыбнулся сэр Генри.

— Нет, нет, совсем не то! На самом деле это результат житейского опыта. Египтолог, если показать ему какую-нибудь любопытную маленькую толкушку, может определить по виду и на ощупь, к какому тысячелетию до нашей эры она принадлежит и не является ли бирмингемской подделкой. Однако ученый не всегда может сослаться на определенное правило. Он просто знает, так как всю жизнь имел дело с подобными вещами.

Вот это-то я и пытаюсь вам объяснить. «Лишние женщины», как называет их мой племянник, располагают временем, а обычно их главный вопрос — люди. Вот почему они становятся своеобразными экспертами. Молодежь теперь всю рассуждает о вещах, которых в моей юности не было и в помине, но, с другой стороны, рассуждает ужасно наивно. Она верит всему и всем. А если попытаешься как-то осторожно предостеречь молодых, то в ответ услышишь, что у нас викторианское мышление, а это, уверяют они, все равно что канализационная труба.

— В конце концов, что плохого в канализационной трубе, — резюмировал сэр Генри.

— Вот именно, — согласилась мисс Марпл. — Очень нужная вещь в доме, ну, конечно, отнюдь не романтическая. Теперь надо признаться, что и я не лишена самолюбия и меня иногда больно задевают необдуманные замечания. Знаю, джентльмены не интересуются домашними делами, но все же не могу не упомянуть о своей горничной — Этель, хорошенькой и услужливой девице. Как только я увидела ее, тотчас поняла, что это тот же самый тип, что и Анни Вепп, дочка бедной миссис Брут. Такие не

различают своего и чужого. Так вот, я дала ей месяц на подыскание места и отказалась от ее услуг. А в рекомендации ей написала, что она честная и скромная. Однако старушку миссис Эдвард я предупредила, что не стоит брать ее в дом. Мой племянник Реймонд был просто вне себя. Он сказал, что это беспринципный поступок. Да, беспринципный! В результате эта Этель поступила к леди Эштон, которую я не сочла обязанной предупреждать. И что получилось? Все кружева с нижнего белья срезаны, две брошки с бриллиантами исчезли, а сама девица среди ночи улизнула — только ее и видели!

Глубоко вздохнув, мисс Марпл замолчала, потом продолжала:

— Вы скажете, что данный случай не имеет никакого отношения к тому, что произошло в Кестен-Спа-Гидро. Но это не совсем так. Он объясняет, почему я, едва увидев чету Сандерсов, сразу почувствовала, что муж хочет избавиться от жены.

— О-о? — удивился сэр Генри и подался вперед.

Мисс Марпл с невозмутимым видом повернулась к нему:

— Да-да, сэр Генри, у меня не было никаких сомнений. Мистер Сандерс — крупный, интересный, цветущий мужчина, вызывавший у всех симпатию. Его манеры говорили о хорошем воспитании. Он очень любезно обращался со своей супругой. Но я-то знала: он задумал избавиться от нее!

— Дорогая мисс Марпл...

— Да, знала. Вот и племянник мой, Реймонд Уэст, он бы тоже сказал, что у меня нет и намек на доказательство. Но я вспомнила Уолтера Хоунса, который держал «Зеленого человека». Однажды вечером он с женой возвращался домой. Она упала в реку, а он получил за нее страховку! Я знаю и других людей, которые до сего дня безнаказанно благоденствуют. Вот пример: человек нашего круга отправился летом с женой в Швейцарию побродить по горам. Я предупреждала ее, что не надо ехать. Бедняжка только посмеялась. Ей показалось забавным, что какая-то старушенция со странностями позволяет себе говорить такие вещи о ее Гарри. Ну вот и произошел несчастный случай. Гарри теперь женат на другой. А что я могла сделать? Ведь доказательств у меня не было.

— О, мисс Марпл! — воскликнула миссис Бантри. — Неужели вы и в самом деле думаете...

— Дорогая моя, такие вещи действительно происходят. И очень часто. Джентльмены легко поддаются искушению. Так заманчиво осуществить задуманное, когда все можно представить несчастным случаем. Насчет Сандерсов, повторяю, я поняла сразу. Дело было в трамвае. Внутри полно народу, и мне пришлось подняться наверх. Мы приготовились выходить, и

тут мистер Сандерс потерял равновесие и упал на свою жену, толкнул ее, и она полетела вниз по лестнице. К счастью, кондуктором оказался сильный молодой человек. Он подхватил ее.

— Но это же действительно несчастный случай!

— Конечно, можно и так подумать. Что могло еще более походить на несчастный случай? Но мистер Сандерс, как он мне сам рассказывал, служил в торговом флоте. А человек, который в состоянии держаться на раскачивающейся палубе, не потеряет равновесия и в трамвае, если такая пожилая женщина, как я, не теряет его. Такого быть не может!

— Значит, вы уже тогда пришли к определенному выводу, — сказал сэр Генри.

Мисс Марпл кивнула:

— О да! Я была вполне уверена, а вскоре еще одно происшествие при переходе улицы уже не оставило места никаким сомнениям. И вот, сэр Генри, что, по-вашему, я могла сделать? Довольная жизнью, счастливая молодая женщина... а я знаю, что ее скоро убьют...

— Дорогая, вы меня удивляете.

— Это оттого, что, как и большинство людей в наше время, вы не хотите смотреть фактам в лицо. В вас глубоко сидит убеждение, что такого не может быть. Но вот случилось, и я это предвидела. К сожалению, человек очень ограничен в своих действиях! Я не могла, например, пойти в полицию. А предостерегать молодую женщину было тоже бесполезно: она беспредельно доверяла своему мужу. Я просто решила узнать как можно больше об этой паре. Когда сидишь с рукоделием у камина, это не так трудно. Миссис Сандерс (Глэдис ее звали) — хрупкая, довольно бледная блондинка с большим узлом волос на затылке. Она только того и ждала, чтобы поболтать. Оказалось, они недавно поженились. Муж должен был вскоре получить наследство, но пока они обеспечены были плохо. По существу, молодые жили на ее небольшой доход. Дело известное. Она сетовала, что не может воспользоваться капиталом. Как будто кто-то предчувствовал неладное! Но деньги принадлежали ей, она даже могла их завещать. Я выяснила это. Глэдис и ее муж сразу после свадьбы составили завещание в пользу друг друга. Очень трогательно. «Конечно, когда Джек приведет дела в порядок...» — только и говорила она. Между тем они, конечно, испытывали трудности. Снимали одну комнату на верхнем этаже, там, где прислуга, к тому же опасно, если пожар. Правда, на этот случай был запасной выход — прямо у их окна наружная лестница. Я осторожненько поинтересовалась, нет ли балкона. Очень опасны эти балконы. Толкнул и... вы понимаете?

Я добилась от нее обещания не выходить на балкон: сказала, что видела сон. Это произвело на нее впечатление: суеверие иногда может очень помочь. Очень бесхитростная, она пересказала все, что я говорила, мужу. Я заметила, что несколько раз он довольно странно посмотрел на меня. По-видимому, он помнил, что я была в том трамвае.

Я не могла придумать, как сорвать его замысел, и это мучило меня. Предотвратить роковые события в «Гидро» можно было, просто сказав Сандерсу пару слов, и, вероятно, он на время отложил бы исполнение своего плана. И я пришла к выводу, что единственное средство разоблачить его — это устроить ловушку: заставить его совершить покушение, но таким способом, который бы я сама для него выбрала. Тогда он не сумел бы утаить своих действий, и Глэдис, каким бы это потрясением для нее ни было, узнала бы всю правду.

— Поразительно! — сказал доктор Ллойд. — Что же вы такое придумали?

— Была у меня задумка... Но этот человек перехитрил меня. Он не стал медлить и нанес удар. Он понял, что я жду очередного «несчастливого случая», и решил «разыграть убийство».

Все вздохнули. Мисс Марпл поджала губы.

— Боюсь, я рассказала довольно сумбурно. Постараюсь дальше изложить все возможно точнее. Я никогда не испытывала желания вмешиваться в подобные вещи. Наверное, мне бы даже следовало их избегать. Но, несомненно, Провидению оказалось виднее. Во всяком случае, я сделала все, что могла!

Появилось безотчетное ощущение страха перед чем-то неведомым. Что-то словно нависло над всеми нами. Предчувствие несчастья. Началось с Джорджа, швейцара. Бронхит, пневмония, скончался на четвертый день. Тяжелый удар для всех. За четыре дня до Рождества. Потом — одна из горничных, такая милая девушка, уколола палец, заражение крови; в течение суток ее не стало.

Я сидела в гостиной с мисс Троллап и миссис Карпентер. Миссис Карпентер, смакующая эти печальные события, была просто отвратительна.

«Помяните мое слово, — говорила она, — это не конец. Бог любит троицу. Будет еще одна смерть. Можете не сомневаться. Долго ждать не придется».

И едва она произнесла эти слова, в дверях появился мистер Сандерс. Лишь на мгновение он потерял бдительность, и меня поразило выражение его лица. Все стало ясно. До конца дней никто не разуверит меня, что

именно слова миссис Карпентер подтолкнули его.

Сандерс вышел на середину комнаты и со своей обычной приветливой улыбкой спросил:

«Не надо ли дамам что-нибудь купить к Рождеству? Я скоро поеду в Кестон».

Он постоял еще минуты две и вышел. Я уже говорила, что была очень обеспокоена. Я тут же спросила:

«Где миссис Сандерс?»

Мисс Троллап ответила, что Глэдис уехала к своим друзьям, неким Мортимерам, на бридж. На время я немного успокоилась, но все же меня не оставляла мысль: необходимо что-то предпринять. Через полчаса я отправилась в свою комнату. На лестнице повстречала доктора Коулза, моего лечащего врача, который спускался вниз, и, поскольку мне захотелось проконсультироваться у него по поводу моего ревматизма, я пригласила его к себе. Он сообщил мне по секрету о смерти бедняжки Мэри. «Управляющий не хочет огласки, — заметил он, — и просил сохранить это в тайне». Конечно, я не стала огорчать его, ведь едва бедная девушка сделала последний вздох, мы ни о чем другом больше и не говорили. Такие вещи сразу становятся известны, и человек с его опытом должен был это прекрасно знать. Но доктор Коулз был бесхитростным малым и все принимал за чистую монету. Он обмолвился, когда уходил, что Сандерс просил его осмотреть жену. Ей, мол, последнее время нездоровится. Несварение желудка и тому подобное.

А именно в этот самый день Глэдис Сандерс говорила мне, что у нее, слава богу, с желудком все в порядке.

Вы понимаете? Мои подозрения насчет этого человека усилились во сто крат. Он готовил путь. Но для чего?.. Доктор Коулз ушел, прежде чем я успела поделиться с ним. Хотя, собственно, если бы я обратилась к нему, что я ему сказала бы? Когда я вышла из комнаты, Сандерс собственной персоной спускался по лестнице. Он был одет на выход и снова спросил меня, не нужно ли что-нибудь в городе. Все, что я могла, — это удержаться в рамках приличия. Я прошла в холл и заказала чаю. Было, я помню, ровно половина шестого.

Очень хочется как можно подробнее передать последующие события. Без четверти семь, когда я все еще находилась в холле, вошел мистер Сандерс и с ним два джентльмена. Все трое были, что называется, несколько навеселе. Мистер Сандерс, оставив друзей, направился прямо к нам с мисс Троллап. Он объяснил, что хочет посоветоваться насчет рождественского подарка для жены. Речь шла о театральной сумочке.

«Видите ли, — сказал он, — я всего лишь простой матрос. Что я понимаю в таких вещах? Мне предложили целых три на выбор, и я хочу услышать мнение экспертов».

Мы сказали, что будем рады помочь, и он попросил, если это не затруднит нас, подняться наверх, потому что в любой момент может возвратиться жена.

Мы пошли с ним. Никогда не забуду, что произошло потом. До сих пор помню, как у меня затряслись руки.

Мистер Сандерс раскрыл дверь спальни и включил свет. Не знаю, кто первым из нас увидел это... Миссис Сандерс лежала на полу, лицом вниз...

Я подошла к ней, опустилась на колени, взяла за руку, чтобы пощупать пульс. Бесполезно. Рука была холодной. Около головы лежал чулок, наполненный песком, — предмет, которым ей нанесли удар. Мисс Троллап, глупое создание, все плакала и плакала у дверей. Сандерс отчаянно закричал: «Моя жена! Моя жена!» — и бросился к ней. Я не позволила ему дотронуться до нее. Вы понимаете, я была уверена, что это его рук дело. Может быть, он хотел что-то убрать или спрятать.

«Трогать ничего нельзя, — сказала я. — Возьмите себя в руки, мистер Сандерс. Мисс Троллап, пожалуйста, идите вниз и позовите хозяина».

Я стояла на коленях возле тела и не собиралась оставлять Сандерса одного. Но все же я вынуждена была признать, что если этот человек играл, то играл блестяще. Он выглядел потрясенным и напуганным до безумия.

Хозяин тут же явился. Он быстро осмотрел комнату, выставил нас всех, запер дверь, а ключ забрал себе. Потом ушел звонить в полицию. Казалось, прошла вечность, прежде чем они приехали. Потом мы узнали, что линия была не в порядке, и хозяину пришлось послать нарочного в полицейский участок, а «Гидро» находится порядочно от города, у самой вересковой пустоши. Миссис Карпентер довела всех нас до изнеможения, постоянно подчеркивая свою проницательность. Ведь поговорка «Бог троицу любит» оправдалась так скоро. Сандерс бродил по саду, схватившись за голову, он изображал неутешное горе.

Наконец полиция приехала. Они поднялись наверх с хозяином и мистером Сандерсом. Потом послали за мной. Инспектор сидел за столом и писал. Это был интеллигентного вида мужчина, и он мне понравился.

«Мисс Джейн Марпл?» — спросил он.

«Да».

«Как я понял, мадам, тело было обнаружено в вашем присутствии?»

Я подтвердила, что присутствовала, и описала в точности, что произошло. Думаю, что найти кого-то, кто мог бы ответить на вопросы так

четко, было большой радостью для бедняги, поскольку до этого ему пришлось иметь дело с Сандерсом и Эмили Троллап, которая, по-моему, была совершенно деморализована: еще бы, такое глупое существо! Помню, моя дорогая мамочка говорила: порядочная дама всегда должна уметь держать себя на людях и не обнаруживать свои переживания.

— Замечательный афоризм, — мрачно заметил сэр Генри.

— Когда я закончила, инспектор сказал: «Благодарю вас, мадам. Боюсь, я должен попросить вас еще зайти в комнату. Точно ли в том положении находится тело? Не передвинули ли его?»

Я объяснила, что помешала Сандерсу сделать это, и инспектор одобрительно кивнул головой.

«Похоже, джентльмен ужасно расстроен», — заметил он.

«Похоже — да», — ответила я.

Не думаю, чтобы я особенно выделила слово «похоже», но инспектор посмотрел на меня с интересом.

«Итак, тело находится на том же самом месте, где и было обнаружено?» — переспросил он.

«Да, кроме шляпки», — ответила я.

Инспектор живо взглянул на меня:

«Что значит — кроме шляпки?»

Я объяснила, что шляпка была у бедняжки Глэдис на голове, а теперь лежит рядом. Я, конечно, посчитала, что это сделала полиция. Инспектор, однако, решительно отверг мое предположение: они ничего не трогали. Он стоял и смотрел на лежащее вниз лицом тело. Глэдис была в верхней одежде — в темно-красном твидовом пальто с серым меховым воротником. Довольно дешевая шляпка из красного фетра лежала как раз у ее головы.

Озадаченно нахмурившись, инспектор молчал. Потом его осенило:

«Вы, случайно, не помните, мадам, были ли в ушах покойной сережки? И носила ли она их вообще?»

К счастью, у меня привычка все внимательно рассматривать. Я вспомнила, что из-под поля шляпки поблескивали жемчужинки. Правда, я тогда не придавала этому особого значения.

«Тогда все понятно. Кто-то рылся в шкатулке с драгоценностями покойной, хотя, как я думаю, особых ценностей там не было... а с пальцев сняли кольца. Убийца, должно быть, забыл про сережки и вернулся за ними. Хладнокровный тип! Или, может быть... — Он внимательно оглядел комнату и медленно произнес: — Может быть, он и сейчас прячется тут?»

Но я отвергла эту мысль:

«Я лично заглянула под кровать. Хозяин раскрывал дверцы гардероба.

Больше человеку прятаться негде. Правда, отделение для шляп в середине гардероба было заперто. Но оно слишком мало, да еще с полками, кто там мог спрятаться?»

Инспектор медленно кивал, пока я ему все это объясняла.

«Я верю вам, мадам, — сказал он. — В таком случае он, должно быть, возвратился. Весьма хладнокровный тип».

«Но хозяин запер дверь и забрал ключ!»

«Это ничего не значит. Балкон, пожарная лестница — вот как пробрался вор. Вполне вероятно, что вы ему помешали. Он выскользнул в окно, а когда все ушли, вернулся и продолжил свое дело».

«Вы уверены, что это был вор?» — спросила я.

«А разве не похоже?» — сухо заметил он.

И что-то в его тоне успокоило меня. Я почувствовала, что он не будет слишком серьезно воспринимать мистера Сандерса в роли безутешного вдовца.

Видите ли, я, откровенно признаюсь, была абсолютно убеждена в своем мнении. Я знала, что этот Сандерс намеревается убить свою жену. И никак не могла принять случившееся за необыкновенное, прямо-таки фантастическое совпадение. Мое представление о мистере Сандерсе было абсолютно верным: это был негодяй. Однако, хотя его притворная скорбь ни на минуту не ввела меня в заблуждение, я прекрасно помню, что тогда он удивительно хорошо разыграл свою роль и чувства его казались совершенно неподдельными.

Должна признаться, что после разговора с инспектором у меня появились кое-какие сомнения. Ведь если Сандерс совершил эту отвратительную вещь, что заставило его лезть назад по пожарной лестнице и вынимать сережки из ушей жены? Это был неразумный поступок, а Сандерс был достаточно умным человеком, именно поэтому-то я и считала его таким опасным.

Мисс Марпл оглядела слушателей:

— Вы, наверное, догадываетесь, к чему я веду? Как часто в этом мире происходит самое неожиданное. Я была абсолютно уверена, думаю, это меня и ослепило. Результат оказался для меня потрясающим. Было неопровержимо доказано, что мистер Сандерс никак не мог совершить преступление...

Вздых изумления вырвался у миссис Бантри. Мисс Марпл повернулась к ней:

— Знаю, дорогая, вы совсем не этого ожидали, но факты — вещь упрямая. И если доказано, что вы ошибаетесь, надо просто смириться и

начать сначала. Я была уверена, что мистер Сандерс — убийца, и ничто не могло поколебать моего убеждения.

А теперь, я думаю, вы хотите узнать эти самые факты. Миссис Сандерс, как вам уже известно, проводила день с друзьями, некими Мортимерами, за игрой в бридж. Она ушла от них приблизительно в четверть седьмого. От дома Мортимеров до «Гидро» четверть часа ходьбы, а если идти быстрым шагом, то и меньше. Значит, она вернулась около шести тридцати. Никто не видел, как она возвратилась, так что, вероятно, она вошла через боковую дверь и быстро прошла в свою комнату. Она переоделась: коричневые пиджак и юбка, в которых она уходила играть в бридж, висели в гардеробе. Очевидно, она снова намеревалась выйти, когда на нее обрушился удар. Возможно, она так и не узнала, кто ее ударил. Чулок с песком, как я понимаю, очень эффективная вещь. Похоже было, что убийца прятался в комнате в одном из больших стенных шкафов, который она не открывала.

Теперь о том, что делал мистер Сандерс. Он вышел, как я говорила, приблизительно в пять тридцать или немного позднее. Сделав в нескольких магазинах покупки, он примерно в шесть часов пришел в отель «Гранд Спа», где повстречал двух друзей. Они поиграли там на бильярде и, я полагаю, как следует выпили виски с содовой. Эти двое (их фамилии Хичкок и Спендер) фактически были с Сандерсом начиная с шести часов. Они все вместе вернулись в «Гидро». Когда он обратился к нам с мисс Троллап, было без четверти семь. В это время его жена уже была убита.

Надо вам сказать, что я сама побеседовала с этими его друзьями. Они мне не понравились: какие-то неприятные, невоспитанные, но в одном я была совершенно уверена: они говорили абсолютную правду, когда утверждали, что Сандерс все время был с ними.

Выяснилась еще одна деталь. Оказывается, во время игры в бридж миссис Сандерс позвали к телефону. С ней пожелал говорить какой-то мистер Литтлворт. Она, казалось, была польщена и взволнована чем-то и, между прочим, сделала в игре несколько серьезных ошибок. Она ушла намного раньше, чем ожидали хозяева.

Мистера Сандерса спрашивали, знает ли он среди друзей жены некоего Литтлворта. Он заявил, что никогда не слышал такого имени. А мне, судя по поведению его жены, было совершенно ясно, что ей, по всей видимости, тоже не было известно это имя. Тем не менее она возвратилась от телефона улыбающаяся и покрасневшая. Так что похоже, будто этот кто-то не назвал своего настоящего имени, и это само по себе подозрительно, не так ли?

Как бы то ни было, проблема оставалась нерешенной. Версия об ограблении казалась маловероятной, но появилась альтернативная версия: миссис Сандерс готовилась выйти кого-то встретить. Не забрался ли этот «кто-то» по пожарной лестнице к ней в комнату? Не произошла ли ссора или он вероломно напал на нее?

Мисс Марпл замолчала.

— Ну? — спросил сэр Генри. — Каков же ответ?

— Интересно, не догадается ли кто-нибудь сам?

— У меня это всегда плохо получалось, — призналась миссис Бантри. — Как жаль, что у Сандерса такое замечательное алиби. Если оно вас удовлетворяет, значит, с ним все в порядке.

Джейн Хелльер повернула свою красивую головку.

— Почему было заперто отделение для шляп? — спросила она.

— Какая вы умница, моя дорогая, — умилилась мисс Марпл. — Как раз над этим я и задумалась. Хотя объяснение оказалось очень простым: там находились пара шлепанцев и носовые платки, которые бедняжка вышивала мужу к Рождеству. Вот почему она заперла шкаф. Ключ обнаружили у нее в сумочке.

— О! — сказала Джейн. — Тогда это неинтересно.

— Отчего же? — возразила мисс Марпл. — Это как раз по-настоящему важная деталь. Именно она и нарушила планы убийцы.

Все взоры обратились к мисс Марпл.

— Я сама два дня не могла понять, в чем тут дело, — сказала она. — Я ломала, ломала голову, а потом — раз! И все ясно. Я пошла к инспектору и попросила его кое-что попробовать, и он сделал это.

— Что вы попросили его попробовать?

— Я попросила его надеть шляпку на голову бедняжки, и он, конечно, не смог. Это была не ее шляпка, вы понимаете?

Миссис Бантри широко раскрыла глаза:

— Но ведь сначала она была у нее на голове?

— Не на ее голове...

Мисс Марпл остановилась, чтобы дать слушателям возможность осмыслить ее слова.

— Мы настолько не сомневались, что в комнате лежало тело бедняжки Глэдис, что так и не взглянули на лицо. Она лежала лицом вниз, помните?

— Но она была убита?

— Да. Позже. В тот момент, когда звонили в полицию, Глэдис Сандерс была жива и здорова.

— Вы имеете в виду, что кто-то прикинулся ею? Но ведь вы

дотрагивались до...

— Верно, это было мертвое тело, — удрученно подтвердила мисс Марпл.

— Черт возьми! — воскликнул полковник Бантри. — Куда же они дели потом... первый труп?

— Он унес его назад, — пояснила мисс Марпл. — Это была гнусная идея, но очень умная. Именно наш разговор в гостиной навел его на эту мысль. Тело несчастной Мэри, горничной! Почему бы его не использовать? Помните, комната Сандерсов была наверху, рядом с помещениями прислуги. Комната Мэри находилась через две двери. Гробовщики с наступлением темноты уже не приходят: на это и рассчитывал Сандерс. Он протаскивает тело через балкон (в пять уже было темно), надевает на него одно из платьев жены и ее красное пальто и тут обнаруживает, что шляпное отделение заперто! Остается одно: он берет одну из шляпок бедной девушки. Никто не заметит. Затем кладет рядом мешок с песком и уходит. Алиби готово!

Сандерс звонит жене, назвавшись мистером Литтлвортом. Не знаю, что он ей сообщает, а она, как я уже говорила, была женщина доверчивая. Он убеждает ее пораньше закончить игру и назначает ей встречу в семь часов в саду «Гидро», около пожарной лестницы. Вероятно, сказав, что у него есть для нее какой-то сюрприз.

Когда Сандерс вернулся с друзьями в «Гидро», то подстроил все так, чтобы мисс Троллап и я вместе с ним обнаружили преступление. Он даже сделал вид, что хочет перевернуть тело. А я-то его остановила! Затем послали за полицией, а он, шатаясь, вышел в сад.

Никто не интересовался его алиби после преступления.

Он встречается с женой. Проводит ее по пожарной лестнице. Они заходят в свою комнату. Возможно, он уже рассказал ей какую-нибудь историю о трупе. Она наклоняется, а он поднимает мешок с песком и наносит удар... О боже! Мне даже сейчас при мысли об этом становится плохо! Затем он быстро снимает с нее пиджак и юбку, вешает их и одевает убитую в одежду, снятую с другого трупа.

Но шляпка не надевается. У Мэри была короткая стрижка, у Глэдис Сандерс, как я говорила, — большой узел волос. Сандерсу приходится оставить шляпку рядом с телом и понадеяться, что на это не обратят внимания. Затем он переносит тело бедной Мэри назад в ее собственную комнату и приводит его в надлежащий вид.

— Подумать только! — воскликнул доктор Ллойд. — Какой риск! Полиция могла приехать очень скоро.

— Помните, линия была не в порядке, — сказала мисс Марпл. — Это тоже было делом его рук. Он не мог допустить, чтобы полиция прибыла слишком рано. Когда они все-таки приехали, то, перед тем как подняться наверх, провели еще некоторое время в офисе хозяина. Самым слабым местом в плане Сандерса было то, что кто-то мог заметить разницу между телом убитой полчаса назад и умершей на полтора часа раньше; но он рассчитывал на то, что люди, которые первыми обнаружат преступление, не будут обладать специальными знаниями.

Доктор Ллойд кивнул:

— Я полагаю, они пришли к выводу, что преступление совершено примерно без четверти семь. На самом деле убийство произошло в семь или несколькими минутами позже. Полицейский врач осматривал тело не ранее половины восьмого. Он уже не мог определить точнее.

— А я... мне бы следовало знать... — сказала мисс Марпл. — Я же трогала руку бедной девушки. Она была холодна как лед. Вскоре после этого инспектор говорил, что убийство было совершено как раз перед нашим приходом. И я ничего не поняла!..

— Я думаю, мисс Марпл, что вы достаточно много поняли, — успокоил ее сэр Генри. — И чем же все кончилось?

— Сандерса повесили, — холодно ответила мисс Марпл. — И поделом ему. Я никогда не жалею о своем участии в том, что в руки правосудия был передан этот человек. Я не выношу слюнтяйства современных гуманистов по поводу смертной казни. — Выражение ее лица смягчилось. — Но себя я частенько упрекаю за то, что не сумела спасти жизнь несчастной женщины. Впрочем, кто знает?.. Может быть, для нее лучше было умереть, пока она считала себя счастливой, чем продолжать жить лишенной иллюзий. Глэдис любила этого негодяя и доверяла ему. Она так и не узнала правды о нем.

— Ну тогда ей повезло, — сказала Джейн Хелльер. — Очень повезло. Хотела бы я... — И она замолчала.

Мисс Марпл взглянула на привлекательную, преуспевающую Джейн Хелльер и медленно наклонила голову:

— Понимаю, моя дорогая... Понимаю...

Трава смерти

— Ну-с, теперь миссис Би, — живо произнес сэр Генри Клиттеринг. Миссис Бантри, хозяйка дома, взглянула на него с холодным укором: — Я вам уже говорила, пожалуйста, не называйте меня миссис Би. Это неуважительно.

— Тогда Шехерезада.

— И тем более я не «Ши», что за имя! Я совершенно не умею рассказывать истории. Спросите Артура, если не верите мне.

— Ты хорошо преподносишь факты, Долли, — сказал полковник Бантри, — но плоховато у тебя с антуражем.

— Вот именно. — Миссис Бантри захлопнула каталог луковиц, который лежал перед ней на столике. — Я слушаю и не понимаю, как это у вас получается: «Он сказал», «Она сказала», «Они удивились», «Они подумали», «Все решили». Я просто не могу так! Кроме того, я даже не знаю, что вам рассказать.

— Ну, этому мы не поверим, миссис Бантри, — покачал седой головой доктор Ллойд.

— Несомненно, дорогая... — кротко произнесла мисс Марпл.

Миссис Бантри упрямо помотала головой:

— Вы не представляете себе, как банальна моя жизнь. Что за слуги! Как трудно иметь дело с кухарками. А поездки в город за платьями, а дантист, а Аскот^[30] (вот уж чего Артур терпеть не может), и потом еще сад...

— Ага! — обрадовался доктор Ллойд. — Сад! Мы знаем, к чему лежит ваша душа, миссис Бантри.

— Должно быть, так приятно иметь сад, — мечтательно произнесла Джейн Хелльер, молодая красивая актриса. — Если бы еще не надо было копать в земле и портить руки. Я так люблю цветы.

— Сад... — повторил сэр Генри. — Разве нельзя принять его за отправную точку? Так приступим, миссис Би! Отравленная луковица, смертоносные нарциссы, трава смерти!

— Странно, что вы об этом заговорили, — сказала миссис Бантри. — Вы кое о чем напомнили мне. Артур, что ты скажешь о трагедии в Клоддерхэм-Корт? Помнишь старого Эмброза Берси? Каким очаровательным человеком мы его считали?

— Как же, конечно. Да, странная была история. Расскажи, Долли.

— Лучше ты, дорогой.

— Глупости. Рассказывай, выкарабкивайся своими силами. Я уже свою историю поведал...

Миссис Бантри глубоко вздохнула. Она сжала руки, на ее лице отразилось мучительное раздумье.

— Что ж, рассказывать-то, собственно, и не о чем, — вдруг быстро и гладко заговорила она. — Трава смерти — вот как это отложилось у меня в голове, хотя про себя я еще называю эту историю — шалфей и лук.

— Шалфей и лук? — переспросил доктор Ллойд.

Миссис Бантри кивнула:

— Видите ли, вот как это произошло. Мы с Артуром гостили у сэра Эмброза Берси в Клоддерхэм-Корт. И однажды по ошибке — очень это глупо вышло, я считаю — с шалфеем было собрано много листьев наперстянки. В тот вечер на обед были поданы утки, нафаршированные шалфеем^[31]. Вскоре все почувствовали себя очень плохо, а одна девушка, подопечная сэра Эмброза, даже умерла.

— Бедная, бедная, — сказала мисс Марпл. — Какая трагедия!

— Неужели?

— Ну и что же дальше? — спросил сэр Генри Клиттеринг.

— Дальше ничего, — ответила миссис Бантри. — Все.

Все от изумления раскрыли рты. Хотя они и были предупреждены, но уж такой краткости никто не ожидал.

— Миссис Бантри, дорогая, — запротестовал сэр Генри, — это недопустимо! То, что вы рассказали, просто несчастный случай, но уж никак не загадка.

— Ну, кое-что еще было, — сказала миссис Бантри. — Но если бы я выложила все подробности, вы бы сразу поняли, в чем дело. — Она с укором взглянула на присутствующих и с грустью добавила: — Я же говорила, что не умею рассказывать.

— Так, так! — воскликнул сэр Генри, он выпрямился на стуле и вставил монокль. — В самом деле, Шехерезада, это чрезвычайно занятно. Нашим способностям брошен вызов. Я уверен, вы сделали это не без намерения пробудить любопытство. Что же, тогда несколько раундов «Двадцати вопросов»!^[32] Мисс Марпл, может быть, вы начнете?

— Мне бы хотелось узнать что-нибудь о кухарке, — отозвалась мисс Марпл. — Она, наверное, была очень глупой или неопытной?

— Она была просто глупа. Потом она пролила немало слез и говорила, что зелень принесли ей как шалфей. Откуда было ей знать.

— Не из тех, кто привык жить своим умом, — заключила мисс Марпл. — Наверное, женщина пожилая, но кухарка-то она, надо думать, была все же хорошая?

— О, отличная, — подтвердила миссис Бантри.

— Мисс Хелльер, ваша очередь, — сказал сэр Генри.

— А, вы имеете в виду вопрос?

Наступила пауза, пока Джейн размышляла. Наконец она робко произнесла:

— В самом деле не знаю, что и спрашивать. — Красивые глаза с мольбою направились на сэра Генри.

— А почему бы не *dramatis personae*, мисс Хелльер, — с улыбкой предложил он.

Джейн продолжала сохранять озадаченный вид.

— Действующие лица в порядке их появления, — спокойно пояснил сэр Генри.

— Да, да, — согласилась Джейн. — Это хорошая мысль.

Миссис Бантри стала проворно загибать пальцы.

— Сэр Эмброз, Сильвия Кин — та девушка, которая умерла, — ее подруга, которая гостила там. Мод Уай — одна из тех невежественных девиц, которые умеют произвести впечатление... Никак не пойму, как это им удастся. Затем еще был мистер Керли, который приехал побеседовать с сэром Эмброзом о книгах. Ну, знаете, всякие редкие книги на латинском языке, покрытые плесенью рукописи на пергаменте... Был Джерри Лоример — ближайший сосед. Его усадьба «Феллис» соприкасалась с поместьем сэра Эмброза. Была миссис Карпентер — одна из тех среднего возраста «кошечек», которым, кажется, всегда удастся устраиваться с удобствами. Она, я полагаю, была *dame de compagnie*^[33] Сильвии.

— Если сейчас моя очередь, — сказал сэр Генри, — а по-моему, так оно и есть, поскольку я сижу рядом с мисс Хелльер, то я хочу многого. Хочу услышать краткий словесный портрет. Пожалуйста, миссис Бантри, всех вышеупомянутых.

— М-м... — Миссис Бантри замешкалась.

— Вот, сэр Эмброз, — пришел ей на помощь сэр Генри. — Начните с него.

— О! Это был такой запоминающийся старик, хотя, собственно, и не такой старый: не больше шестидесяти ему было, я полагаю. Но очень болезненный. Такое слабое сердце, что не мог подниматься по лестнице. Пришлось установить лифт. В общем, выглядел он старше, чем был на самом деле. Манеры — очаровательные. Изысканные — вот, пожалуй,

самое подходящее слово. Его никогда не видели раздраженным или расстроенным. У него были красивые седые волосы и прямо-таки завораживающий голос.

— Хорошо. Я представляю себе сэра Эмброза. Теперь Сильвия. Как вы называли ее фамилию? — спросил сэр Генри.

— Сильвия Кин. Это была красотка... В самом деле очень хорошенькая. Белокурая такая, кожа — чудная. Не очень, может быть, умная, даже скорее глупая.

— Ну что ты, Долли, — запротестовал муж.

— Артур, конечно, иного мнения, — поджала губы миссис Бантри. — Но она все-таки была глупой. Я не слышала от нее ни единого умного слова.

— Милейшее создание, — не соглашался полковник Бантри. — А как она играла в теннис! Загляденье, прелесть! Она была полна жизни, эта забавная крошка. И такие милые манеры. Могу поспорить, молодые люди были без ума от нее.

— Вот ты и не прав, — возразила миссис Бантри. — Подобные девицы теперь не производят впечатления на молодых людей. Только старикашки вроде тебя, Артур, сидят и восхищаются молоденькими девчонками.

— Быть молодой — этого мало, — сказала Джейн. — Надо иметь С. А.

— Как?! — удивилась мисс Марпл. — С. А.?

— Sex appeal^[34], — объяснила Джейн.

— Ах вот что, — сказала мисс Марпл. — В мое время это называлось «ласкать глаз».

— Ну а теперь о *dame de compagnie*, — продолжал сэр Генри, обращаясь к миссис Бантри. — Неплохую вы дали ей характеристику; кажется, называли ее кошечкой?

— Видите ли, я не хотела сказать, что она кошка, — ответила миссис Бантри. — Кошка — совсем другое дело. А эта — просто большая, белая, мягкая, мурлыкающая личность. Очень слащавая такая. Вот какой была Аделаида Карпентер.

— И какого же возраста?

— О, пожалуй, в районе сорока. Она находилась в доме, по-моему, с тех пор, как Сильвии исполнилось одиннадцать лет. Очень тактичная дама. Из тех вдов, оказавшихся в неблагоприятных обстоятельствах, что имеют множество родственников-аристократов, но не имеют денег. Я ее не люблю. Я никогда не отличалась любовью к людям с длинными белыми руками, и я не люблю «кошечек».

— Мистер Керли?

— Невзрачный, пожилой сутулый человек. Их такое множество, что едва отличишь одного от другого. Проявлял энтузиазм только при разговоре о своих заплесневелых книжках. Думаю, что сэр Эмброз его и не знал-то как следует.

— А ближайший сосед — Джерри?

— Вот уж действительно очаровательный парень! Был обручен с Сильвией. Что и привело к печальному исходу.

— Тогда я не понимаю... — начала мисс Марпл и замолчала.

— Что?

— Ничего, дорогая.

Сэр Генри с любопытством взглянул на старую даму и задумчиво произнес:

— Итак, эта молодая пара была помолвлена. И давно состоялась помолвка?

— Около года назад. Сэр Эмброз был против под предлогом того, что Сильвия еще слишком молода. Но спустя год он сдался, и скоро должна была состояться свадьба.

— А! У молодой леди была собственность?

— Почти ничего... Какая-то сотня фунтов или две в год.

— Не так уж и плохо, Клиттеринг, — засмеялся полковник Бантри.

— Ну все, пусть теперь доктор задает вопросы, — сказал сэр Генри.

— Мое любопытство, собственно, главным образом профессионально, — начал доктор Ллойд. — Хотелось бы знать, какое медицинское заключение было представлено следствию? Если, конечно, хозяйка знает и помнит.

— Насколько мне известно, отравление дигиталисом. Так, кажется, называется?

Доктор Ллойд кивнул:

— Наперстянка, дигиталис, воздействует на сердце. Конечно, это очень ценное лекарство при некоторых формах сердечной недостаточности. И вместе с тем очень странный случай. Не могу поверить, чтобы листья наперстянки могли привести к летальному исходу. Представление о ядовитости ее листьев и ягод сильно преувеличено. Мало кто понимает, что активное ее начало — алкалоид — нужно сперва извлечь в чистом виде.

— Миссис Макатур послала на днях несколько особых луковиц миссис Туми, — сказала мисс Марпл. — А кухарка миссис Туми приняла их за обыкновенный лук, и, конечно же, все Туми сильно заболели.

— Но они не умерли от этого, — заметил доктор Ллойд.

— Нет, не умерли, — подтвердила мисс Марпл.

— Одна моя знакомая умерла от отравления птомаином — трупным ядом, — сказала Джейн Хелльер.

— Нам надо продвигаться в расследовании преступления, — заметил сэр Генри.

— Преступления? — вздрогнув, переспросила Джейн. — Я думала, это несчастный случай.

— Если бы это был несчастный случай, наверное, миссис Бантри не стала бы нам о нем рассказывать, — возразил сэр Генри. — Нет, я считаю, что это только на первый взгляд несчастный случай. За ним кроется что-то довольно мрачное. Помню такой казус: гости на вечеринке болтали после обеда. Стены были увешаны всевозможным старинным оружием. Вдруг один из гостей схватил со стены седельный пистолет и нацелился в другого, делая вид, что стреляет. Пистолет оказался заряженным. Прозвучал выстрел. Произошло убийство. И нам пришлось выяснять, во-первых, кто тайно зарядил пистолет, во-вторых, кто направил разговор таким образом, что в результате неумной шутки произошла трагедия: ведь человек, нажавший на курок, был не виноват!

Мне кажется, у нас тут с вами почти такая же ситуация. Листья дигиталиса были намеренно смешаны с шалфеем в предвидении определенного результата. Поскольку мы снимаем подозрение с кухарки — не так ли? — возникает вопрос: кто собирал зелень и принес ее на кухню?

— На это ответить просто, по крайней мере на последнюю часть вопроса, — сказала миссис Бантри. — Сама Сильвия и принесла зелень на кухню. Это была ее постоянная обязанность: собирать салат, зелень, молодую морковку — в общем, делать то, чем садовники не хотят как следует заниматься. Они не подадут вам к столу ничего молодого и нежного, им, видите ли, дай точные образцы. Сильвия и миссис Карпентер, бывало, сами заботились об этом. А наперстянка действительно росла вместе с шалфеем, в одном месте, так что ошибиться было нетрудно.

— Сильвия в самом деле сама собирала?

— Этого никто не знал.

— Предположение — штука опасная, — многозначительно произнес сэр Генри.

— Я, например, знаю, что миссис Карпентер не собирала, — твердо заявила миссис Бантри. — Она все утро провела со мной на террасе. Мы вышли туда после завтрака. Была необычайно теплая для ранней весны погода. Сильвия одна спустилась в сад, а потом я увидела, как она прогуливается под ручку с Мод Уай.

— Они были хорошими подругами? — спросила мисс Марпл.

— Да... — ответила миссис Бантри и, казалось, хотела сказать что-то еще, но промолчала.

— И долго ее подруга там гостила? — поинтересовалась мисс Марпл.

— Около двух недель. — В голосе миссис Бантри слышалась нотка тревоги.

— Вы не любите мисс Уай? — предположил сэр Генри.

— Вовсе нет. Это просто так. Вовсе нет. — Тревога в ее голосе усилилась.

— Вы что-то скрываете, миссис Бантри, — упрекнул ее сэр Генри.

— Я только сейчас подумала... — сказала мисс Марпл, — но не хочу возвращаться...

— О чем же вы подумали?

— Вот вы сказали, что молодые люди были помолвлены, и именно это привело к печальному исходу. Но когда вы говорили это, ваш голос прозвучал как-то странно, если вы понимаете, что я имею в виду?

— До чего же вы ужасный человек. — Миссис Бантри с укоризной посмотрела на мисс Марпл. — Вы всегда, кажется, все знаете. Да, я кое-что подумала, но, право, не знаю, следует ли мне об этом говорить.

— Обязательно следует, — решительно заявил сэр Генри. — Какие бы ни были у вас сомнения, ни о чем нельзя умалчивать.

— Хорошо. Так вот, вечером накануне трагедии я вышла перед обедом на террасу. Окно в гостиной было открыто, и я случайно увидела Джерри Лоримера и Мод Уай. Он... ну... целовал ее. Конечно, я не поняла, то ли это просто так или же... Ну, я полагаю, и никто не поймет. Я знала, что сэр Эмброз недолго любил Джерри Лоримера. Возможно, ему было известно, что это за человек. Но в одном я была уверена: Мод Уай была по-настоящему в него влюблена. Вы бы только видели, как она на него смотрела, когда забывалась!.. И к тому же, я думаю, она больше подходила ему, чем Сильвия.

— И еще вопрос, пока меня не опередила мисс Марпл, — сказал сэр Генри. — После трагедии Джерри Лоример женился на Мод Уай?

— Да, женился. Спустя шесть месяцев.

— О, Шехерезада, Шехерезада! — покачал головой сэр Генри. — Подумать только, как вы нам поднесли эту историю вначале. Одни голые кости! И сколько мы теперь обнаруживаем на них мяса!

— Не ведите таких отвратительных речей, — запротестовала миссис Бантри. — Нечего употреблять слово «мясо». Вегетарианцы вечно так говорят: «Я никогда не ем мяса», да еще таким тоном, что вы тут же начинаете испытывать отвращение к великолепному маленькому

бифштексу. Вот мистер Керли, например, был вегетарианцем и, бывало, ел за завтраком какую-то странную мешанину, похожую на отруби. У этих бородатых стариков часто бывают причуды. К тому же они носят патентованное нижнее белье.

— Что это ты, Долли? — возмутился муж. — Откуда ты знаешь, какое у него нижнее белье?

— Я просто так предполагаю, — ответила миссис Бантри с чувством собственного достоинства.

— Я должен изменить свое предыдущее заявление, — сказал сэр Генри. — Действующие лица вашей загадки оказались очень интересные. Я прямо вижу их перед собой. Э-э, не так ли, мисс Марпл?

— Человеческая природа всегда интересна, сэр Генри. Примечательно, что определенные типы имеют тенденцию действовать одними и теми же способами.

— Две женщины и мужчина — извечный треугольник. Не здесь ли ключ к разгадке? Мне кажется, здесь, — задумчиво произнес сэр Генри.

Доктор Ллойд нерешительно откашлялся:

— Я вот о чем думаю: вы, миссис Бантри, говорите, что тоже плохо себя чувствовали?

— Еще бы! И Артур, и все!

— Вот именно, все, — сказал доктор. — Вы понимаете, что я имею в виду? В истории, которую нам только что поведал сэр Генри, один застрелил другого. Он же не стал стрелять во всех, кто находился в комнате.

— Не понимаю, — пожала плечами Джейн. — Кто и в кого стрелял?

— Дело в том, что, кто бы ни задумал это, действовал он очень странно. Либо он слепо верил в случай, либо с полным пренебрежением относился к человеческой жизни. Но я не могу поверить, чтобы человек, решившийся устранить одного, намеренно отравил восьмерых.

— Понимаю вашу мысль. Мне следовало над этим задуматься, — признался сэр Генри.

— А не мог ли он также отравить и себя? — спросила Джейн.

— Кто-нибудь отсутствовал на обеде в тот вечер? — спросила мисс Марпл.

Миссис Бантри покачала головой:

— Все были.

— Кроме мистера Лоримера, я полагаю, он ведь не гостил у Эмброза.

— Нет. Но он обедал в тот вечер.

— О! — воодушевилась мисс Марпл. — Это же все меняет. — Она

встревоженно нахмурилась. — Какая же я глупая, — пробормотала она. — В самом деле, какая глупая.

— Признаюсь, ваша точка зрения, Ллойд, насторожила меня, — сказал сэр Генри. — Как же можно было сделать так, чтобы девушка, и только девушка, получила смертельную дозу?

— Никак, — ответил доктор. — Это-то и подводит меня к мысли, которую я хочу высказать. А что, если не девушка была намечена жертвой?

— Что-что?

— При пищевых отравлениях результат очень неоднозначен. Несколько человек сидят за столом. Что же происходит? Одним становится немного плохо. Другие испытывают серьезное недомогание, а один — умирает. Вот ведь как бывает. Нигде и ни в чем нет определенности. Бывает, что вмешиваются сторонние факторы. Дигиталис — это лекарство, которое действует непосредственно на сердце. Как я говорил, его выписывают в определенных случаях. В доме был один человек, который страдал сердцем. Предположим, он был выбран жертвой. Что губительно для него, не будет губительно для других: так мог рассуждать преступник. То, что обернулось все иначе, является лишь доказательством того, о чем я только что сказал, — неопределенности и ненадежности воздействия лекарств на человеческий организм.

— Сэр Эмброз... Вы думаете, преступник имел в виду его? — спросил сэр Генри.

— Да, да. А смерть девушки — случайность.

— Кто бы получил деньги после его смерти?

— Очень разумный вопрос, мисс Хелльер. Один из первых, который мы всегда задаем себе, уверяю вас как профессионал в недавнем прошлом, — сказал сэр Генри.

— У сэра Эмброза был сын, взбалмошный парень, — медленно проговорила миссис Бантри. — Он давно поссорился с отцом. Но все-таки лишить его наследства сэр Эмброз не мог. И впоследствии Клоддерхэм-Корт был передан наследнику по закону. Мартин Берси унаследовал и титул, и поместье. Было, однако, много другой собственности, которой сэр Эмброз мог распорядиться по своему усмотрению и которую он завещал своей подопечной Сильвии. Я об этом знаю, потому что сэр Эмброз умер менее чем через год после событий, о которых я рассказываю. Он не побеспокоился о новом завещании после смерти Сильвии. Думаю, деньги перешли в казну или, может быть, к его сыну как ближайшему родственнику. Я, право, точно не помню.

— Так что смерть его была только в интересах сына, который

отсутствовал, и девушки, которая умерла, — задумчиво произнес сэр Генри. — Затруднительный случай.

— Неужели другая женщина ничего не получила? — спросила Джейн. — Та, которую миссис Бантри назвала кошечкой?

— Она не была упомянута в завещании, — сказала миссис Бантри.

— Мисс Марпл, вы не слушаете, — обратился к ней сэр Генри. — Где вы там витаете?

— Я думаю о старом мистере Баджере, аптекаре, — ответила мисс Марпл. — У него была молодая экономка. Настолько молодая, что годилась ему не то что в дочери, а во внучки. И ни слова своим, полным надежд племянникам и племянницам, никому из семейного круга. А когда умер, поверите ли, оказывается, был тайно женат на экономке уже два года. Конечно, мистер Баджер, аптекарь, — грубый, неотесанный старик. А сэр Эмброс Берси был утонченным джентльменом, как говорит миссис Бантри. Но, несмотря на это, человеческая природа во многом одинакова.

Наступила пауза. Сэр Генри пристально смотрел на мисс Марпл, а та, в свою очередь, бросила на него спокойный насмешливый взгляд.

Джейн Хелльер нарушила молчание:

— А эта миссис Карпентер была хороша собой?

— Да, но такая неяркая, ничего вызывающего.

— У нее был очень приятный голос, — заметил полковник Бантри.

— Мурлыканье, вот как я это называю, — возразила миссис Бантри. — Мурлыканье.

— Тебя тоже скоро назовут кошкой.

— Мне нравится быть кошкой в домашнем кругу, — сказала миссис Бантри. — И вообще я не очень жалую женщин, тебе это известно. Мне больше по душе мужчины и цветы.

— Отличный вкус, — усмехнулся сэр Генри. — Особенно потому, что на первом месте мужчины.

— Все это так, — сказала миссис Бантри. — Но как же все-таки насчет моей маленькой загадки? По-моему — подходящая! Ты и не думал, Артур, что у меня так получится?

— Да, моя дорогая. Но я не думал, что распорядителя жокей-клуба будут спрашивать о скачках.

— Первый номер — сэр Генри, — сказала миссис Бантри, указывая на него пальцем.

— Я не так скор на решения. Поэтому у меня нет еще определенного мнения по этому делу. Начнем с сэра Эмброза, думаю, он не стал бы таким образом устраивать собственное самоубийство. С другой стороны, он

ничего не выигрывал и от смерти своей подопечной. Исключаем сэра Эмброза.

Мистер Керли. Никакого мотива для умерщвления девушки. Если мистер Керли наметил жертвой сэра Эмброза, то он мог рассчитывать на манускрипты, хищения которых, кроме старика, никто бы не заметил. Очень тонко и маловероятно. Так что, я думаю, несмотря на предположения миссис Бантри относительно его нижнего белья, мистер Керли чист.

Мисс Уай. Заинтересованности в смерти сэра Эмброза никакой. В убийстве Сильвии — довольно серьезная. Она желала заполучить жениха Сильвии. И, принимая во внимание свидетельство миссис Бантри, довольно сильно желала. Она была с Сильвией в то утро в саду и имела возможность собрать зелень. Нет, мы не можем сбросить со счетов Уай.

Молодой Лоример. В обоих случаях у него есть мотивы. Если он избавляется от своей невесты, то может жениться на другой девушке. Однако представляется слишком жестоким убивать ее. Что такое расстроенная помолвка в наши дни? В случае смерти сэра Эмброза он мог жениться на богатой девушке вместо бедной. Насколько это могло быть существенно, зависело от финансового положения молодого человека. Если я установлю, что его поместье было заложено и что миссис Бантри намеренно скрыла от нас этот факт, я потребую назначить ей штраф.

Теперь миссис Карпентер. Эти белые руки, с одной стороны, и отличное алиби на тот момент, когда собиралась зелень, вызывают у меня недоверие. У меня есть и еще одна причина подозревать эту даму, но я ее пока придержу.

Итак, мне надо выбрать. Я выбираю мисс Мод Уай. Против нее доводов больше, чем против других.

— Номер второй, — объявила миссис Бантри, указывая на доктора Ллойда.

— Я думаю, вы ошибаетесь, Клиттеринг. Вряд ли кто-то хотел убить девушку. Я убежден, что преступник хотел избавиться от сэра Эмброза. Не уверен, что у молодого Лоримера было для этого достаточно знаний. Я склонен считать виновной во всем Карпентер. Она в семье давно, знала, в каком состоянии здоровье сэра Эмброза, и легко могла подстроить все так, чтобы эта девица, Сильвия, которая, как вы сами говорили, была довольно глупа, нарвала нужных листьев. Мотива, признаюсь, не вижу. Но я осмеливаюсь высказать догадку о том, что сэр Эмброс когда-то составил завещание, в котором была упомянута она. Это все, что я могу предположить.

Указательный палец миссис Бантри направился на Джейн Хелльер.

— Не знаю, что и сказать, — вздохнула Джейн. — Единственно, почему бы девице самой этого не сделать? В конце концов, ведь это она отнесла зелень на кухню. А вы говорили, что сэр Эмброз возражал против ее замужества. Если бы он умер, она бы получила деньги и могла бы выйти замуж. О здоровье сэра Эмброза она знала столько же, сколько и миссис Карпентер.

Палец миссис Бантри направился на мисс Марпл.

— Ну, теперь наша наставница, — сказала она.

— Сэр Генри прекрасно все растолковал. Прекрасно, — повторила мисс Марпл. — И доктор Ллойд тоже сделал правильные замечания. Они все прояснили. Только, я думаю, доктор Ллойд не уточнил одну малость. Видите ли, не будучи лечащим врачом сэра Эмброза, он, естественно, не знал, каким именно видом сердечной недостаточности страдал сэр Эмброз. Не так ли?

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, мисс Марпл, — недоуменно поднял глаза доктор Ллойд.

— Вы строите свое предположение на том, что у сэра Эмброза было такое сердце, на которое дигиталис оказал бы вредное воздействие, ведь так? Но вы ничем не можете этого доказать. Возможно, все было наоборот.

— Наоборот?

— Да, вы же сказали, что его часто прописывают при болезнях сердца.

— Даже теперь не понимаю, к чему вы клоните.

— Так вот, это означает, что в распоряжении сэра Эмброза имелся в достаточном количестве дигиталис, за который не надо отчитываться. Что я хочу сказать? (Вечно я не могу как следует выразить свою мысль.) Предположим, вы захотели отравить кого-то смертельной дозой дигиталиса. Не будет ли самым простым и легким способом устроить отравление практически всех листьями наперстянки? В любом случае убийство бы не было тайной, а здесь никто бы не удивился одной жертве, потому что, как сказал доктор Ллойд, это такие неопределенные вещи. Вряд ли кто поинтересуется, а не получила ли девушка смертельную дозу настойки дигиталиса или чего-то в этом роде. Он мог бы подмешать ей дигиталис в коктейль, или в кофе, или даже заставить выпить просто-напросто в качестве тоника.

— Вы хотите сказать, что сэр Эмброз отравил свою подопечную, очаровательную девушку, которую так любил?

— Вот именно, — подтвердила мисс Марпл. — Вспомните Баджера и его молодую экономку. Не говорите мне, что мужчина шестидесяти лет не

может влюбиться в двадцатилетнюю девушку. Это случается каждый день. А у такого старого деспота, как сэр Эмброз, это могло привести к такому неожиданному обороту. Это иногда превращается в безумие. Он не мог перенести мысли, что она выйдет замуж. Сделал все возможное, чтобы этому воспрепятствовать, и не получилось. Его неукротимая ревность довела его до того, что он решил лучше убить ее, чем отдать молодому Лоримеру. Он, должно быть, все обдумал заранее, ведь наперстянку нужно было посеять и вырастить среди шалфея. Когда наступило время, он набрал ее сам и отправил девушку с зеленью на кухню. Ужасно даже подумать об этом. Но я считаю, что надо посмотреть с точки зрения милосердия: ведь джентльмены такого возраста настолько своеобразны, когда дело касается молодых девиц... Наш последний органист... А впрочем, ни к чему мне тут пересказывать всякие скандальные истории.

— Миссис Бантри, это так? — спросил сэр Генри.

Миссис Бантри кивнула:

— Да. Я и представления об этом не имела, считала, что несчастный случай. Потом, после смерти сэра Эмброза, я получила письмо. Он распорядился отослать его мне. В нем он поведал мне правду. Не знаю, почему именно мне, но мы всегда с ним очень ладили.

Наступило молчание. Миссис Бантри почувствовала в нем осуждение и поспешила оправдаться:

— Вы полагаете, что я раскрыла секрет, но это не так. Я поменяла все имена. На самом деле его имя было не Эмброз Берси. Разве вы не видели, как Артур глупо уставился на меня, когда я произнесла это имя? Он сначала ничего не понял. Словом, как пишут иногда в журналах или в начале книжек: «Все имена в этой истории изменены. Вы никогда не узнаете, кто они были на самом деле».

Происшествие в бунгало

— Я кое-что вспомнила, — сказала Джейн Хелльер. Ее красивое лицо осветилось улыбкой ребенка, ожидающего одобрения. Улыбка была из тех, что приводила в восторг лондонскую публику.

— Это произошло, — начала она осторожно, — с моей подругой.

Возникло легкое оживление. Полковник Бантри, миссис Бантри, сэр Генри Клиттеринг, доктор Ллойд и мисс Марпл были убеждены, что «подруга» — это сама Джейн. Она была совершенно не способна искренне интересоваться кем-нибудь другим.

— Моя подруга, — продолжала Джейн, — я не хочу называть ее имя — была актрисой, очень известной актрисой.

Никто не удивился. Сэр Генри Клиттеринг подумал: «Интересно, сколько фраз будет сказано до того момента, когда она скажет «я» вместо «она»?»

— Год или два назад моя подруга была на гастролях в провинции. Это произошло на берегу реки, недалеко от Лондона. Думаю, что точное место лучше не указывать. Я назову его условно...

Она замолчала. Придумать даже простое название, очевидно, было слишком трудно для нее. Сэр Генри пришел ей на помощь.

— Не назвать ли нам его Ривербери? — предложил он.

— О да, это превосходно. Ривербери, я запомню. Итак, моя подруга была в Ривербери со своей труппой, и там произошла удивительная история. — Она опять замолчала. — Очень трудно точно изложить события. Все так перепутано, и говоришь сначала не то, что надо.

— У вас это получается прекрасно, — поддержал ее доктор Ллойд, — продолжайте.

— Да, так вот что случилось... Мою подругу вызвали в полицейский участок. Оказалось, ограбили одно бунгало на берегу реки. Был арестован молодой человек, который рассказал в связи с этим очень странную историю. Из-за него ее и вызвали. Прежде она никогда не бывала в полицейском участке. Там все были очень предупредительны к ней, в самом деле, очень добры.

— Еще бы, так и должно быть, — подтвердил сэр Генри.

— Сержанта — я думаю, это был сержанта, а возможно, инспектора — предложил ей стул и все рассказал. И, конечно, я сразу поняла, что произошла ошибка...

«Ага, — подумал сэр Генри, — как и следовало ожидать, вот и «я».

— Так рассказывала моя подруга, — продолжала Джейн в беззаботном неведении, что выдала себя. — Она объяснила, что находилась на репетиции и даже не слышала об этом мистере Фолкнере. Тогда сержант сказал: «Мисс Хел...» — Она замолчала и покраснела.

— Мисс Хелман, — предположил сэр Генри. В его глазах заиграли веселые огоньки.

— Да, да, так лучше. Благодарю. Он сказал: «Хорошо, мисс Хелман, я понял, что произошла ошибка, когда узнал, что вы остановились в «Бридж-отеле». И спросил, не возражаю ли я против опознания или очной ставки. Уж и не помню, как он выразился.

— Это не имеет значения, — заверил ее сэр Генри.

— «С тем молодым человеком...» Я ответила: «Конечно нет». И они привели его и спросили: «Это мисс Хелльер и...» — Джейн замерла с открытым ртом.

— Не важно, дорогая, — успокоила ее мисс Марпл. — Мы все равно догадывались, что это вы. Вы же не назвали место происхождения и то, что там произошло на самом деле.

— Хорошо, — согласилась Джейн. — Я хотела рассказать так, будто это произошло с кем-то другим. Но это ужасно трудно, правда? Я хочу сказать, что все так забывается.

Все стали ей поддакивать и успокаивать...

— Он был вполне приятный мужчина. Молодой, с рыжеватыми волосами. Он рот открыл, когда меня увидел. И на вопрос сержанта: «Эта та самая леди?» — ответил: «Нет, конечно нет. Каким ослом бы я был...» Ну, я ему улыбнулась и дала понять, что не обижаюсь на него.

— Представляю эту сценку, — вмешался сэр Генри.

Джейн Хелльер нахмурилась:

— Дайте мне подумать, как лучше вам все объяснить.

— Может быть, вы все-таки расскажете нам, дорогая, что же такое там произошло? — спросила мисс Марпл так вкрадчиво, что никто не заметил иронии. — Я имею в виду ошибку молодого человека и как это все связано с ограблением.

— Да, конечно, — отозвалась Джейн. — Этот юноша — его имя было Лесли Фолкнер — написал пьесу. Вообще-то он сочинил уже несколько пьес, но ни одна из них не была принята ни в одном театре. Он послал пьесу мне, чтобы я ее прочитала. Мне эти пьесы присылают сотнями. А читаю я только те, о которых я что-нибудь слышала. О пьесе Фолкнера я понятия не имела. Но случилось так, что мистер Фолкнер получил от меня

письмо. Только выяснилось, что на самом деле это письмо было вовсе не от меня... — возмущенно произнесла она и смолкла.

— В письме говорилось, что я прочла пьесу, что она мне очень понравилась и чтобы он приехал ко мне поговорить о ней. Там был адрес: бунгало в Ривербери. Обрадованный мистер Фолкнер отправился в путь. Он нашел бунгало. Горничная открыла дверь, он спросил мисс Хелльер, она сказала, что мисс ожидает его, и проводила в гостиную. К нему вышла женщина. Ее-то он и принял за меня, что довольно странно, потому что, в конце концов, он же видел меня в спектаклях и, кроме того, мои фотографии хорошо известны, не так ли?

— Повсюду, во всей Англии, — подтвердила миссис Бантри. — Но ведь между фотографией и оригиналом большая разница, моя дорогая. И то, что видится в огнях рампы, иногда существенно отличается от того, что имеется в повседневной жизни.

— Хорошо, — согласилась Джейн, слегка успокоившись, — возможно. Он так описал эту женщину: высокая, белокурая, с большими голубыми глазами и очень красивая. Я полагаю, что описание достаточно близко к истине. Он, разумеется, ничего не подозревал. Она говорила о его пьесе, сказала, что хочет поставить ее. Пока они беседовали, принесли коктейли. Фолкнер, конечно, выпил. Да, это последнее, что он запомнил. Когда он очнулся, или пришел в себя — назовите это, как хотите, — он лежал у изгороди, на обочине дороги. У него кружилась голова. Ему было так плохо, что когда он встал, то пошел сам не зная куда. Он сказал, что если бы он был в твердом уме, то он просто вернулся бы в бунгало и попытался выяснить, что же произошло. Но он пребывал в ужасном состоянии и поэтому продолжал брести, не соображая куда. Когда он более или менее пришел в себя, его арестовали.

— А почему его арестовали? — спросил доктор Ллойд.

— О, разве я не сказала? — воскликнула Джейн, широко раскрыв глаза. — Какая я глупая... Ограбление.

— Вы упомянули об ограблении, но не сказали, где, когда и как, — заметила миссис Бантри.

— То самое бунгало, куда он ходил. Конечно, оно вовсе не мое. Оно принадлежало человеку, которого зовут...

Джейн опять нахмурила брови.

— Не хотите снова взять меня в крестные отцы? — спросил сэр Генри. — Псевдонимы придают свободу обвинению. Опишите владельца, а я дам ему имя.

— Его можно представить как богатого горожанина, патрона.

— Сэр Герман Кохен, — предложил сэр Генри.

— Это вполне подходит. А она, «дама его сердца», была женой актера и сама тоже актриса.

— Назовем актера Клод Лисон, — подсказал сэр Генри, — а леди — ее сценическим именем: предлагаю — мисс Мэри Керр.

— Наверное, вы ужасно умный, — заметила Джейн. — Не понимаю, как вы все это сразу придумываете. Да, так вот, видите ли, у сэра Германа был загородный дом для уик-эндов, куда он приглашал эту леди. Жена, разумеется, ничего не знала. И он подарил этой актрисе кучу драгоценностей и среди них несколько красивых изумрудов.

— Ах, — воскликнул доктор Ллойд, — вот мы и добрались до них.

— Эти драгоценности, запертые в специальном ларчике, находились в бунгало. Полиция считает, что это было весьма легкомысленно — любой мог унести их.

— Видишь, Долли, — вмешался полковник Бантри, — а я что всегда говорил тебе?

— Да, но я считаю, — возразила миссис Бантри, — что тот, кто старательно упрячивает свои вещи, обычно теряет их. Я не запираю драгоценности в ларец, а держу их в выдвижном бельеовом ящике, под чулками. Осмелюсь заявить, что, если б эта, как ее, Мэри Керр делала так же, драгоценности не украли бы.

— Их бы все равно украли, — сказала Джейн, — так как содержимое всех ящиков было вытряхнуто.

— Значит, искали не драгоценности, — заключила миссис Бантри. — Они искали секретные документы. Так всегда говорится в книгах.

— Я ничего не знаю о секретных документах, — засомневалась Джейн. — Я не слышала ни о чем подобном.

— Не отвлекайтесь, мисс Хелльер, — вмешался полковник Бантри, — не принимайте всерьез домыслы Долли.

— Что же с ограблением? — спросил сэр Генри.

— Так вот, в полицию позвонила дама, она назвалась мисс Мэри Керр. Она сказала, что бунгало ограблено, и описала молодого человека с рыжеватыми волосами, который заходил к ней сегодня утром. Горничной он показался несколько странным, и та отказалась впустить его. Позднее они видели в окно, как он уходил. Керр описала молодого человека так точно, что через час полиция арестовала его. На допросе он рассказал, что с ним случилось, и показал мое письмо. И меня, как я уже говорила, вызвали в полицию. Когда Фолкнер увидел меня, он заявил, что то была вовсе не я.

— Очень занятная история, — подытожил доктор Ллойд.

— Знал ли мистер Фолкнер эту мисс Мэри Керр?

— Нет, не знал или говорил, что не знал. Но я вам еще не рассказала самое интересное. Полицейские, конечно, отправились в бунгало. Там они нашли все, как было сообщено по телефону. Дом был пуст, ящики вытащены, опрокинуты, драгоценности исчезли. Через несколько часов вернулась Мэри Керр. Увидев все это и узнав о звонке в полицию, она заявила, что об ограблении узнала только сейчас и никуда не звонила. Она объяснила, что утром получила телеграмму от менеджера с предложением главной роли, и он назначил ей встречу в клубе. Она, конечно, помчалась в город, но напрасно — менеджер телеграммы не давал.

— Обычная уловка, чтобы убрать ее с дороги, — прокомментировал сэр Генри. — А что слуги?

— Да то же самое. Там была только одна горничная. Ей позвонила по телефону, как той показалось, Мэри Керр и попросила привезти в клуб сумку, что лежит в ее спальне в таком-то ящике. Горничная должна была успеть на ближайший поезд. Так она и сделала, но, когда приехала в клуб, мисс Керр там не оказалось.

— Хм, я начинаю догадываться. Дом был пуст, и проникнуть в него через одно из окон не составляло особого труда. Но я не совсем понимаю, как же туда попал мистер Фолкнер и кто позвонил в полицию, если не мисс Керр? — развел руками сэр Генри.

— Вот этого-то никто и не может выяснить.

— А тот молодой человек действительно оказался тем, за кого себя выдал?

— О да. Здесь все в порядке. Он в самом деле получил письмо, как будто бы от меня. Конечно, это был не мой, но похожий почерк.

— Итак, давайте проясним ситуацию, — заключил сэр Генри. — Поправляйте меня, если я ошибусь. Этого молодого человека заманивают в ловушку с помощью поддельного письма, что вполне правдоподобно. Молодой человек одурманен. В полицию сообщают о подозрениях против него, ограбление в самом деле произошло. Я полагаю, и драгоценности действительно украдены?

— О да.

— Они найдены?

— Нет, разумеется. Сэр Герман старался замять дело, но ему это не удалось. Нетрудно предположить, что обо всем узнала жена и начала бракоразводный процесс. Хотя в действительности мне ничего подлинно не известно.

— А что случилось с мистером Лесли Фолкнером?

— Его освободили. В полиции сказали, что улики против него нет. А вы не думаете, что вся эта история довольно странная?

— Определенно странная. Первый вопрос — кому верить? Из вашего изложения, мисс Хелльер, можно заключить, что вы склонны верить мистеру Фолкнеру. Есть ли у вас какие-нибудь основания для этого, кроме собственной интуиции?

— Нет-нет, думаю, что нет. Но он был такой милый и так извинялся за свою ошибку, приняв Мэри Керр за меня, что я почувствовала — он говорит правду.

— Понимаю, — сказал сэр Генри с улыбкой. — Но вам придется допустить, что он легко мог и выдумать всю эту историю. Он мог и сам написать такое письмо, якобы от вашего имени. Он также мог одурманить себя уже после успешного ограбления. Но признаюсь: я не вижу смысла во всем случившемся. Единственно, для чего он мог сострять этот план, — это если обнаружил, что его заметил кто-то из соседей.

— Он состоятельный человек? — спросила мисс Марпл.

— Не думаю, — ответила Джейн. — Нет, пожалуй, скорее он был в стесненных обстоятельствах.

— Все это происшествие кажется странным, — сказал доктор Ллойд. — Должен признаться, что если мы допустим, что история, рассказанная молодым человеком, — правда, то это еще больше все запутывает. Зачем неизвестная женщина, выдавая себя за мисс Хелльер, впутала в эту историю неизвестного человека? Зачем разыграла такую комедию?

— Скажите, Джейн, Фолкнер когда-нибудь встречался лицом к лицу с Мэри Керр на сцене или еще где-нибудь? — спросила миссис Бантри.

— Я точно не знаю, — помедлила с ответом Джейн и вновь нахмурила брови, пытаясь вспомнить.

— Потому что, если Фолкнер не видел ее, задача решена! — сказала миссис Бантри. — Я уверена, что буду права. Очень легко придумать, будто тебя вызвали в город. Потом позвонить горничной с Паддингтонского или другого вокзала и, пока она добирается до города, возвратиться в бунгало. Молодой человек заходит в дом, его одурманивают, вы устраиваете сцену ограбления, переворачивая все вверх дном, насколько это возможно. Затем звоните в полицию, даете описание козла отпущения и снова отбываете в город. Возвратившись домой последним поездом, разыгрываете удивление и непричастность к ограблению.

— Но зачем ей красть собственные драгоценности, Долли?

— Они всегда так делают, — парировала миссис Бантри. — Во всяком

случае, я могу придумать сотни причин. Может быть, ей срочно понадобились деньги, а старый сэр Герман не давал их, так что ей пришлось украсть драгоценности, а потом тайком продать. А может быть, ее кто-нибудь шантажировал, угрожая выдать их связь мужу Керр или жене сэра Германа. Другая причина: она уже продала драгоценности, а сэр Герман оказался не в духе и потребовал предъявить их, так что ей пришлось что-то придумать. В книгах так часто поступают. А возможно, он собирался сделать новую оправу, а у нее пока оказалась только подделка. Или — о, это очень хорошая идея и не так часто встречается в книгах — Керр притворилась, что драгоценности украдены, она в отчаянии, и сэр Герман дарит ей новые. Так уже оказывается два гарнитура вместо одного. Женщины такого рода, я уверена, ужасно хитрющие.

— Вы умница, Долли, — восхитилась Джейн, — мне на ум такое и не приходило.

— Вы можете быть умницей, но это вовсе не значит, что вы правы, — заметил полковник Бантри. — Я склонен подозревать кого-нибудь из города. Он мог телеграммой устранить леди с дороги, а все остальное устроить достаточно легко с помощью нового друга леди. Кажется, никто не подумал спросить у него алиби.

— А что вы думаете, мисс Марпл? — поинтересовалась Джейн, обращаясь к пожилой леди, которая сидела молча, всем своим видом выражая недоумение.

— Моя дорогая, я даже не знаю, что и сказать. Сэр Генри будет смеяться, но я не могу вспомнить ничего похожего из моей деревенской жизни. Конечно, здесь сами собой напрашиваются несколько вопросов. Например, «прислуга». То беспорядочное ведение хозяйства, которое вы описали, позволяет, без сомнения, заключить, что прислуга знала обстановку в доме. В самом деле, порядочная девушка не пошла бы служить в такое место. Итак, я думаю, мы можем предположить, что горничная была отнюдь не ангелом. Она могла состоять в сговоре с ворами. Она могла оставить для них дом открытым и уехать в Лондон. А распоряжение хозяйки, полученное по телефону, — только попытка отвести подозрение от себя. Должна признаться, что это мне кажется самым правильным решением. Но если речь идет об обычных ворах, то все это выглядит очень странным.

Мисс Марпл немного помолчала, собираясь с мыслями.

— Я не могу отделаться от ощущения, что там было еще что-то... Пока я не могу объяснить. Предположим, например, у кого-то было чувство злости, досады. У молодой актрисы, с которой плохо обошлись. Вы не

думаете, что тогда легче было бы объяснить случившееся? Стремление причинить другому человеку неприятности. Так это выглядит. Хотя это и не очень убедительно.

— А вы, доктор, еще ничего не сказали, — смутилась Джейн. — Я забыла о вас.

— Обо мне все забывают, — печально отозвался доктор. — Должно быть, я самая незаметная личность.

— О нет! Скажите, что вы думаете об этом деле.

— Я нахожусь в положении человека, который готов согласиться с каждым из высказавшихся и... ни с кем из них. У меня же есть, возможно, абсолютно ошибочное предположение... Во всей этой истории может быть замешана жена сэра Германа. У меня нет оснований утверждать, однако вы удивились бы, если б знали, какие невероятные ходы может придумать обиженная жена.

— Как вы проникательны, доктор Ллойд! Как я могла забыть о бедняжке миссис Пибмарш.

Джейн уставилась на мисс Марпл:

— Миссис Пибмарш? Кто такая миссис Пибмарш?

— Но... — мисс Марпл заколебалась, — я не знаю, существует ли она в реальности. Она прачка. Это она взяла ту опаловую брошь, что была приколата к блузке, и положила потом в белье другой женщины.

Джейн выглядела еще более озадаченной, чем раньше.

— И это делает для вас все ясным, мисс Марпл? — спросил сэр Генри, подмигивая.

Мисс Марпл покачала головой:

— Боюсь, что нет. Должна признаться, я в полной растерянности. Но одно знаю твердо: женщины обязаны держаться вместе. Каждая должна в любых непредвиденных обстоятельствах отстаивать свою собственную честь. Я думаю, именно в этом мораль истории, которую рассказала нам мисс Хелльер.

— Каюсь, эта нравственная особенность всей истории ускользнула от меня, — признался сэр Генри. — Возможно, когда мисс Хелльер назовет разгадку, все прояснится.

— Как? — спросила Джейн, явно смутившись.

— Да, говоря по-детски, мы сдаемся. Вы одна, мисс Хелльер, имеете высокую честь раскрыть нам вашу тайну, разгадать которую не сумела даже мисс Марпл.

— Итак, вы все сдаетесь, — проговорила Джейн. — Очень интересно. Она замолчала и принялась с отсутствующим видом полировать ногти.

— Ну, — сказала миссис Бантри, — продолжайте, Джейн. В чем же разгадка?

— Разгадка?

— Да. Что же произошло на самом деле?

Джейн пристально посмотрела на нее:

— Не имею ни малейшего представления.

— Что?!

— Мне самой все время было интересно это. Я думала, вы все такие умные и один из вас поймет суть происшедшего.

Присутствующие еле смогли скрыть чувство раздражения. С красотой Джейн все было в порядке, но в этот момент все поняли, что глупость может завести слишком далеко.

— Вы хотите сказать, что истина никогда не была обнаружена? — спросил сэр Генри.

— Нет. Я думала, что вы сможете раскрыть эту тайну.

Джейн говорила обиженно. Было видно, что она недовольна.

— Хорошо, м-м... — начал было полковник Бантри, но у него не было слов.

— Вы самая несносная девчонка, Джейн, — упрекнула миссис Бантри. — Во всяком случае, тогда я считаю, что я была права. Если бы вы назвали нам настоящие имена действующих лиц, я была бы полностью в этом уверена.

— Не думаю, что я могу сделать это, — возразила Джейн.

— Нет, дорогая, конечно нет, — поддержала ее мисс Марпл, — мисс Хелльер действительно не может.

— Нет! Она может, — заявила миссис Бантри. — Не будьте чересчур благородной, Джейн. Мы, пожилые, обожаем скандалы. Во всяком случае, скажите хоть, кто был этот вельможа из города.

Но Джейн покачала головой. А мисс Марпл в своей старомодной манере поддержала девушку:

— Это было бы крайне неприятно.

— Я думаю... Я думаю, я скорее наслаждалась этим, — тихо сказала Джейн.

— Возможно, так и было, — отозвалась мисс Марпл. — Полагаю, что этим была нарушена монотонность. Какую пьесу вы играли?

— «Смит».

— Ах да. Это ведь Сомерсет Моэм, не так ли? Все им созданное очень мудро. Я видела почти все пьесы.

— Вы намерены возобновить постановку будущей осенью, разве не

так? — спросила миссис Бантри.

Джейн кивнула.

— Ну хорошо, — сказала мисс Марпл. — Мне пора домой, уже поздно. У нас был очень интересный вечер, самый необычный, во всяком случае. Считаю, что рассказ мисс Хелльер заслуживает приза. Вы не согласны?

— Мне очень жаль, что я рассердила вас, — с грустью призналась Джейн. — Если бы я знала, я бы обязательно открыла вам тайну.

Доктор Ллойд воспользовался случаем проявить галантность:

— Дорогая юная леди, ну почему же? Вы задали нам очень хорошую задачу, чтобы заострить наши умы. Мне только жаль, что никто из нас не нашел верного решения.

— Говорите за себя, — возразила миссис Бантри. — Я-то ее решила и убеждена в своей правоте.

— Вы знаете, я верю, что это так, — согласилась Джейн. — Все, что вы сказали, возможно.

— Какое из семи решений вы предпочитаете? — шутливо спросил сэр Генри.

Доктор Ллойд помог мисс Марпл одеться и собрался проводить ее. Мисс Марпл еще раз пожелала всем доброй ночи. Прощаясь, она подошла к Джейн и что-то прошептала ей на ухо. Изумленное «ах!» вырвалось у последней так громко, что заставило всех обернуться.

Улыбаясь и кивая, мисс Марпл удалилась, а Джейн Хелльер все смотрела ей вслед.

— Вы собираетесь спать, Джейн? — спросила миссис Бантри. — Что с вами? Вы смотрите, будто увидели привидение.

Джейн словно очнулась. Она одарила очаровательной и смущенной улыбкой мужчин и последовала за миссис Бантри вверх по лестнице.

— Огонь в камине почти погас, — сказала миссис Бантри с раздражением. — Не могут разжечь как следует... Какие бестолковые служанки. Да, правда, мы несколько задержались сегодня вечером. Уже половина первого ночи!

— Как вы думаете, много есть людей таких, как она? — спросила вдруг Джейн.

— Как горничная?

— Нет. Я имею в виду эту забавную старушку. Как ее, мисс Марпл?

— Ну, я не знаю. Думаю, что она совершенно типичная обительница небольшой деревни.

— О дорогая, я не знаю, что делать. — Джейн глубоко вздохнула.

— В чем дело?

— Я расстроена.

— Чем?

— Долли, знаете, что эта странная старая леди шепнула мне перед уходом?

— Нет. Что же?

— Она сказала: «Я бы не делала этого, моя дорогая. Никогда не поддавайтесь власти другой женщины, даже если вы считаете ее своей лучшей подругой...» Долли, это поразительно верно.

— Возможно. Но я не вижу, к чему можно применить данный совет.

— Наверно, из-за того, что вы не можете представить себе реальную женщину. А я чуть не оказалась в ее власти. Я никогда не думала об этом.

— О какой женщине вы говорите?

— О Нетте Грин, моей дублерше в театре.

— Но откуда же мисс Марпл знает о вашей дублерше?

— Я думаю, что она догадалась. Но не знаю как.

— Джейн, будьте добры, скажите сейчас же, о чем идет речь?

— Об истории, которую я вам рассказала. Долли, вы знаете, Грин — женщина, которая отняла у меня Клода.

Миссис Бантри кивнула, мысленно возвращаясь к первому неудачному замужеству Джейн с актером Клодом Авербэри.

— Он женился на Нетте. Клод ничего не подозревал, а она проводила уик-энды в загородном бунгало с сэром Джозефом Салманом... Я рассказала вам об этом. Я намеревалась изобличить ее: мне хотелось, чтобы все знали, что это за особа. И с ограблением... вы же понимаете, вот-вот все выйдет наружу.

— Джейн! — задыхнулась миссис Бантри. — Это вы устроили историю, о которой рассказали нам?

Джейн кивнула.

— Вот почему я выбрала «Смита». В этом спектакле я выступаю в наряде горничной. И когда меня вызвали в полицейский участок, ничего не было проще, чем сказать, что я репетировала свою роль с дублершей в отеле. На самом же деле мы обе могли быть в бунгало. Я должна была открыть дверь и принести коктейли, а Нетта представиться мною. Фолкнер после этого никогда не должен был увидеть ее. Поэтому не стоило опасаться, что молодой человек опознает Нетту. А я могу загримироваться под горничную совершенно иначе. Кроме того, в горничных обычно и людей-то не видят. Мы договорились вытащить потом его на дорогу, забрать ларец с драгоценностями, позвонить по телефону в полицию и

вернуться в отель. Я не хотела заставлять молодого человека страдать. Вот и сэр Генри, кажется, считает, что он не слишком страдал. Разве не так? Я надеялась, что имя Нетты Грин появится в газетах, и все обнаружится. Тогда Клод увидит, кто она на самом деле.

Миссис Бантри застонала:

— О, моя бедная голова!.. И все это время... Джейн Хелльер, вы лживая девчонка!.. Сочиняете нам историю, которую сами же и устроили!

— Я — хорошая актриса. — В голосе Джейн чувствовалось самодовольство.

— Мисс Марпл права, — пробормотала миссис Бантри, — личностный фактор. О да! Джейн, девочка моя, вы понимаете, что воровство — это воровство и что вас могут посадить в тюрьму?

— Но никто не догадался, — пробормотала Джейн. — Кроме мисс Марпл. Долли, вы в самом деле думаете, что много таких людей, как она?

— Если честно, то я не думаю, — ответила миссис Бантри.

Джейн вздохнула:

— Однако лучше не рисковать. Я, несомненно, попала бы под влияние Нетты. Это правда. Она могла бы воспротивиться и сделать мне какую-нибудь гадость. Нетта помогла продумать детали и уверяла меня в своей преданности. Нет, я думаю, мисс Марпл права. Мне лучше не рисковать.

— Но, моя дорогая, вы уже сделали это!

— О нет! — Джейн широко раскрыла глаза. — Вы не понимаете? Пока еще ничего не произошло! Да, если можно так выразиться, я примеряла это на собаку.

— Мне трудно разобраться в вашем театральном сленге, — с достоинством произнесла миссис Бантри. — Вы хотите сказать, что это — будущее действие, а не уже совершенное?

— Я собиралась осуществить это осенью, в сентябре. А теперь не знаю, что и делать.

— Мисс Марпл разгадала загадку и ничего не сказала нам! — возмутилась миссис Бантри.

— Я хочу понять, почему она сказала это о женщинах, которые дружат. Мисс Марпл не хотела выдавать меня мужчинам. Она так добра.

— Ну хорошо, объясните же мне все, Джейн, прошу вас.

— Пожалуй, я так и сделаю, — пробормотала мисс Хелльер, — ведь могут найтись и другие мисс Марпл...

Смерть мисс Роуз Эммот

В субботу утром сэр Генри Клиттеринг, экс-комиссар Скотленд-Ярда, спустившись к завтраку, чуть не столкнулся в дверях с хозяйкой дома, миссис Бантри. Она выбежала из столовой возбужденная и расстроенная.

Полковник Бантри сидел за столом, лицо его было краснее обычного.

— Доброе утро, — приветствовал он Клиттеринга. — Замечательный день. Прошу. Распожайтесь сами...

Сэр Генри сел. Ему была приготовлена тарелка с почками и беконом.

— Долли немного расстроена сегодня, — пояснил полковник.

— Я так и понял, — тихо сказал сэр Генри. Состояние миссис Бантри несколько озадачило его.

Она была спокойной женщиной, не поддававшейся унынию. Сэр Генри знал за ней только одну страсть — сад.

— Ее расстроила новость, которую мы узнали утром. Девушка из деревни — дочка Эммота, который держит «Синий кабан», — сказал полковник.

— А, знаю, знаю.

— Да-а, хорошенькая девушка. И вот такая беда... — задумчиво проговорил полковник. — Обычная история. Я даже повздорил с Долли из-за этого. Глупо с моей стороны. Разве женщина может понять? Долли была полностью на стороне девушки. Вы знаете, как это у женщин: мужчины — скоты, все как один... И пошло-поехало. Но все не так просто, как может показаться, не те времена. Девушки знают, на что идут. Парень, соблазнивший девушку, не обязательно злодей. Вероятность пятьдесят на пятьдесят. Мне, например, нравится молодой Сандфорд. Скорее этакий простак, чем донжуан.

— Так этот Сандфорд и есть виновник всех бед?

— Вроде бы он. Сам-то я точно не знаю, — признался полковник. — Все сплетни, болтовня. Так вот, точно не знаю ничего и не собираюсь, как Долли, торопиться с выводами и разбрасываться обвинениями. Черт побери, надо же думать, что говоришь. Знаете, ведь следствие и всякое такое.

— Следствие?

Полковник Бантри посмотрел удивленно:

— Да. Разве я не сказал? Девушка-то утопилась. Вот из-за чего шум.

— Неприятное дело, — нахмурился сэр Генри.

— Конечно, неприятное. Несчастливая! Такая была хорошенькая, плутовка. Отец ее, конечно, тяжелый человек.

— Где она утопилась?

— В речке. Ниже мельницы, там довольно быстрое течение.

Полковник Бантри развернул газету, решив отвлечься от неприятных мыслей.

Сэра Генри не слишком тронула деревенская трагедия. После завтрака он расположился в удобном кресле на лужайке, надвинул на глаза шляпу и принялся созерцать неторопливое течение местной жизни.

Около половины двенадцатого на лужайку прибежала горничная.

— Простите, сэр, пришла мисс Марпл и хотела бы вас видеть.

— Мисс Марпл?

Сэр Генри встал и поправил шляпу. Визит удивил его. Он прекрасно знал невозмутимый характер этой дамы, ее удивительную проницательность. Он мог припомнить дюжину неразрешимых и гипотетических случаев, которым эта типичная «провинциальная старая дева» находила единственно правильное объяснение. Сэр Генри питал глубокое уважение к мисс Марпл. Он был озадачен: что привело ее к нему?

Мисс Марпл он нашел в гостиной. Она была взволнована.

— Сэр Генри... я так рада! Такое счастье, что я нашла вас! Надеюсь, вы простите меня...

— Очень приятно, — сказал сэр Генри, беря ее за руку. — Боюсь, миссис Бантри вышла.

— Да, я видела, как она разговаривает с Футитом, мясником, — подтвердила мисс Марпл. — Генри Футита вчера задавила машина, вернее, его собаку. Такого гладкошерстного фокстерьера, довольно плотного и злобного. У этих мясников всегда, кажется, такие.

— Да, — согласился сэр Генри.

— Я рада повидаться с вами именно в отсутствие миссис Бантри, — продолжала мисс Марпл. — Я хотела поговорить с вами по поводу этого печального случая.

— С Генри Футитом? — спросил сэр Генри в некотором недоумении.

Мисс Марпл бросила на него осуждающий взгляд:

— Нет-нет, с Роуз Эммот. Вы, конечно, уже знаете?

Сэр Генри кивнул:

— Бантри мне рассказал. Весьма печально.

Он был слегка озадачен. Почему мисс Марпл понадобилось увидеть его по поводу Роуз Эммот?

Мисс Марпл села. Сел и сэр Генри. Когда мисс Марпл заговорила,

лицо ее стало очень серьезным.

— Быть может, вы помните, сэр Генри, как мы приятно проводили время, обсуждая загадочные случаи и находя им объяснение. Вы были столь любезны, что отметили некоторые мои успехи...

— Да вы нас всех превзошли, мисс Марпл, — отозвался сэр Генри. — Вы проявили прямо гениальные способности добираться до истины. И вы всегда, насколько я помню, приводили какой-нибудь случай из деревенской жизни, который давал вам ключ к разгадке.

— Ваши слова дали мне смелость прийти к вам сейчас. Я чувствую, что, если что-то скажу вам, вы по крайней мере не будете смеяться надо мной.

Сэр Генри понял, что ей не до шуток.

— Конечно, я не буду смеяться.

— Сэр Генри, эта девушка, Роуз Эммот... Она не утопилась... Ее убили... И я знаю, кто ее убил.

Сэр Генри в полном изумлении секунды три безмолвствовал.

— Это достаточно серьезное заявление, мисс Марпл, — заметил сэр Генри.

— Знаю-знаю, вот почему я и пришла к вам.

— Но, дорогая мисс Марпл, вы обращаетесь не по адресу. Теперь я просто частное лицо. Если вы располагаете сведениями такого рода, вам надо идти в полицию.

— Думаю, что не могу этого сделать.

— Почему же?

— Видите ли, у меня нет никаких на то оснований.

— Выходит, это только ваша догадка?

— Если угодно, можете считать так. Но на самом деле это совсем не так. Я знаю. Я уверена, что знаю. Но если я приведу свои доводы инспектору Друитту, он просто посмеется. И, пожалуй, я не стала бы его винить за это. Очень трудно предугадать, как вы отнесетесь к своего рода особым свидетельствам.

— Например?

Мисс Марпл лукаво улыбнулась:

— Ну вот, если я вам скажу, что знаю, почему некто Пизгуд^[35], приехав несколько лет назад на тележке продавать овощи, оставил моей племяннице вместо репы морковь.

— Подходящая фамилия для торговца, — пробормотал сэр Генри. — Как я понимаю, вы находите какое-то сходство?

— Я знаю человеческую природу, — сказала мисс Марпл. —

Невозможно не знать человеческой природы, живя столько лет в деревне. Вопрос в том, верите вы мне или нет.

Сэр Генри принимал решения быстро, не крутясь вокруг да около. Каким бы невероятным ни казалось заявление мисс Марпл, он тут же понял, что принимает его.

— Я безусловно верю вам, мисс Марпл, но не совсем понимаю, чего вы от меня хотите, зачем вы пришли ко мне.

— Я долго думала о случившемся, — сказала мисс Марпл, — но не решилась идти в полицию без каких-либо фактов. А фактов у меня нет. Я хотела попросить вас заинтересоваться происшествием. Инспектор Друитт был бы польщен. Я уверена. И, конечно, если дело пойдет, полковник Мэлчетт — главный констебль — тоже. — Она умоляюще взглянула на него.

— И какими данными вы снабдите меня для начала?

— Я решила, что напишу на бумажке имя убийцы, — сказала мисс Марпл, — и отдам вам. И если после расследования окажется, что этот человек тут ни при чем, значит, я глубоко заблуждалась.

Она замолчала, потом, вздрогнув, добавила:

— Это ужасно. Просто ужасно, если повесят невинного человека. Возможно, я ошибаюсь... Хотя не думаю. Инспектор Друитт вообще-то, видите ли, здравомыслящий человек, но заурядные способности иногда крайне опасны.

Сэр Генри с любопытством взглянул на нее.

Мисс Марпл открыла свою маленькую сумочку, вытащила записную книжку, вырвала листок, аккуратно вывела имя и, сложив его пополам, протянула сэру Генри.

Имя ему ничего не говорило. Сэр Генри слегка поднял брови, посмотрел на мисс Марпл и спрятал листок в карман.

— Ну и ну, — сказал он. — Довольно необычная история. Ничем подобным мне еще не приходилось заниматься. Но я рад буду утвердиться в своем мнении... о вас, мисс Марпл.

...Сэр Генри сидел в комнате с полковником Мэлчеттом, главным констеблем графства, и инспектором Друиттом.

— Я понимаю, что бесцеремонно вторгаюсь в это дело, — сказал сэр Генри. — И даже не могу объяснить, почему это делаю. Чистая правда!

— Дружище, мы польщены! Это большая для нас честь!.. — Про себя главный констебль подумал: «Бедняга, спятил от скуки у этих Бантри. Старик ругает правительство, а старуха без конца мелет про свои луковицы».

— Мы только благодарны вам, сэр Генри, — добавил инспектор. А сам подумал: «Жаль, что нет у нас настоящего дела. Я слышал, он один из лучших умов Англии. Жаль, что это такой простой случай».

— Боюсь, что все это и подло, и просто, — сказал главный констебль. — Первая мысль была, что девушка сама утопилась. Она, знаете, была в интересном положении. Однако наш врач Хейдок — малый дотошный. Он обнаружил синяки на руках — прижизненные синяки. По-видимому, ее схватили и швырнули.

— Но для этого нужна сила!

— Думаю, что обошлось без борьбы. Очевидно, девушку застали врасплох. А этот пешеходный мостик вечно скользкий, перила только с одной стороны.

— Вы точно установили, что трагедия произошла именно там?

— Да. Тут есть мальчик лет двенадцати, Джимми Браун. Он был в лесу, на берегу реки. Слышал крик с моста и всплеск. Смеркалось, трудно было разглядеть что-нибудь. Но он заметил, что в воде плавает что-то белое. Он сбегал за подмогой, и ее вытащили, но было уже поздно.

Сэр Генри кивнул:

— Мальчик никого не заметил на мосту?

— Нет. Ведь уже смеркалось, да и по вечерам там всегда туман.

— У нас есть записка, сэр, — сказал инспектор Друитт, обращаясь к сэру Генри. — Записку нашли в кармане платья этой девушки. Написана вроде карандашом, каким рисуют художники. Намокла сильно, но нам все же удалось прочитать.

— И что же в ней?

— Она от молодого Сандфорда. «Хорошо. Встретимся на мосту в восемь тридцать. Р. С.». Джимми Браун как раз в это время или чуть позже слышал крик и всплеск.

— Не знаю, знакомы ли вы с Сандфордом? — продолжал полковник Мэлчетт. — Он здесь живет около месяца. Один из тех молодых архитекторов, что возводят несуразные дома. Он строит дом для Аллингтона. Бог знает, как все это будет выглядеть. Внутри, наверно, эти новомодные штуки: стеклянный обеденный стол, стальные кресла. Словом, ни то ни се, но характеризует этого малого — Сандфорда. В духе времени, знаете... Никаких моральных устоев.

— Совращение, — резюмировал сэр Генри, — давно признанное преступление, хотя, конечно, не столь древнее, как убийство.

— О да, — задумчиво произнес полковник Мэлчетт. — Может быть, и так.

— Мерзкое преступление, — сказал Друитт. — И все тут ясно, сэр Генри. Молодой Сандфорд совратил девушку и решил улизнуть назад в Лондон. У него там есть невеста, скромная молодая леди. Они помолвлены, и он скоро женится на ней. Но, конечно, если она узнает об этом, дело его пропащее. Он встречается с Роуз на мосту, вечер туманный, поблизости никого, хватает ее за плечи и сталкивает. Молодой негодяй. Он должен получить по заслугам — вот мое мнение.

Минуты две сэр Генри молчал. Он понимал, сколь сильно влияние местных предрассудков. Новомодный архитектор вряд ли мог пользоваться любовью в консервативной деревушке Сент-Мэри-Мид.

— Я полагаю, этот Сандфорд и был отцом будущего ребенка? — спросил он.

— Ну да, наверно, — подтвердил Друитт. — Роуз Эммот рассказала обо всем отцу. Думала, что Сандфорд женится. Женится на ней! Как же, дожидайся!

«Боже мой! — подумал сэр Генри. — Словно в старомодной викторианской мелодраме. Невинная девушка, обольститель из Лондона, суровый отец, измена... Не хватает только преданного деревенского влюбленного. Пожалуй, пора поинтересоваться и этим».

— Неужели у девушки не было здесь молодого человека? — спросил он у инспектора.

— Вы имеете в виду Джо Эллиса? Джо — хороший парень. Плотник. Вот если бы она держалась Джо...

Полковник Мэлчетт кивнул в знак согласия.

— Знай свое место, — жестко произнес он.

— Как отнесся к этому Джо Эллис? — спросил сэр Генри.

— Никто этого не знает, — ответил инспектор. — Джо — тихий парень, замкнутый. Что бы ни делала Роуз, он все прощал. Прямо молился на нее. Все надеялся, что она вернется к нему.

— Я бы хотел его увидеть, — сказал сэр Генри.

— Мы как раз собираемся навестить его, — заметил полковник Мэлчетт. — Мы не исключаем ни одной версии. Я думаю, надо сначала побеседовать с Эммотом, потом с Сандфордом, а уже потом с Эллисом. Вас это устраивает, сэр Клиттеринг?

Сэр Генри заверил, что это его вполне устраивает.

Они нашли Тома Эммота в «Синем кабане». Это был крупный дородный мужчина средних лет с хитрыми глазками и тяжелой челюстью.

— Рад видеть вас, джентльмены. Доброе утро, полковник. Заходите. Мы можем поговорить тут. Вам что-нибудь предложить, джентльмены?

Нет? Как вам будет угодно. Вы пришли по поводу моей бедной дочери? Да, она была хорошей девушкой, моя Роуз... Всегда была хорошей... Пока не появился этот негодяй... Прошу прощения, но иначе его не назовешь. Обещал жениться на ней. Обещал... Ну, я найду на него управу. Довел ее, скотина! Проклятый убийца! Навлек позор на всех нас. Бедная моя девочка!

— Дочь говорила вам, что именно мистер Сандфорд виновник... ее положения? — решительно спросил Мэлчетт.

— В этой самой комнате говорила.

— А вы что ей сказали? — поинтересовался сэр Генри.

— Что сказал? — Эммот, казалось, был застигнут врасплох.

— Ну... Вы не грозили выставить ее из дома?

— Я немного расстроился, это же так естественно. Уверен, вы поймете меня. Но я не угрожал выставить ее из дома. Я бы никогда ничего подобного себе не позволил. — Он изобразил благородное негодование. — Нет. «Для чего у нас законы? — Вот что я сказал. — Для чего существуют законы? Он должен порядочно поступить с тобой, а если не пожелает, тогда, бог свидетель, ему придется платить». — Эммот опустил кулак на стол.

— Когда вы в последний раз видели свою дочь? — спросил Мэлчетт.

— Вчера. Около пяти за чаем.

— Как она себя вела?

— Ну... как всегда. Я ничего такого не заметил. Если бы я только знал...

— Но вы не знали, — сухо заметил инспектор.

Они ушли.

— Эммот производит не очень приятное впечатление, — задумчиво произнес сэр Генри.

— Хорош мерзавец, — подтвердил Мэлчетт.

Следующий визит они нанесли архитектору. Рекс Сандфорд был совсем не таким, как его представлял себе сэр Генри. Высокий, худой, волосы светлые, глаза голубые, мечтательные.

Полковник Мэлчетт назвал себя и своих спутников. Затем он попросил архитектора рассказать, как тот провел предыдущий вечер.

— Вы понимаете, — предупредил полковник, — я не имею права заставлять вас говорить, и все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Я хочу, чтобы это было вам ясно.

— Я... я не понимаю, — пролепетал Сандфорд.

— Вы же знаете, что Роуз Эммот утонула вчера вечером...

— Знаю. Это так терзает меня. В самом деле, я не спал всю ночь. Я не

в состоянии сегодня работать. Я чувствую ответственность... ужасную ответственность. Я никому не хотел причинять зла. Представить себе не мог, что она все так воспримет. — Он сел за стол и закрыл лицо руками.

— Надо понимать, Сандфорд, что вы отказываетесь сообщить, где находились вчера в восемь тридцать вечера?

— Нет, нет, конечно же нет! Я вышел прогуляться.

— Вы ходили на встречу с мисс Эммот?

— Нет. Сам по себе... в лес... Далеко-далеко.

— Тогда, сэр, как вы объясните эту записку, которую нашли в кармане покойной? — И инспектор Друитт невозмутимым тоном прочитал ее. — Итак, сэр, вы отрицаете, что написали ее?

— Нет, нет, вы правы. Я в самом деле написал ее. Роуз просила встретиться. Она настаивала. Я не знал, что делать, вот и написал эту записку.

— Вот так-то лучше, — сказал инспектор.

— Но я не ходил! — Голос Сандфорда дрожал от волнения. — Я не ходил! Я чувствовал, что лучше не ходить. Я уже собирался вернуться в Лондон. Я чувствовал, что лучше... не встречаться. Я решил написать оттуда и... кое-что устроить.

— Вам известно, сэр, что девушка ждала ребенка и что она назвала вас отцом ребенка?

Сандфорд застонал, но не ответил.

— Это верно, сэр?

Сандфорд закрыл лицо руками.

— Я думаю, да, — выдавил он.

— А-а! — Инспектор Друитт не мог скрыть злорадства. — Теперь об этой вашей «прогулке». Кто-нибудь видел вас вчера вечером?

— Не знаю. Не думаю. По-моему, я никого не встречал.

— Жаль.

— Что вы имеете в виду? Какое это имеет значение, гулял я или нет? Какое это имеет отношение к тому, что Роуз утопилась?

— Но, видите ли, она не сама бросилась в воду. Ее столкнули, мистер Сандфорд, — сказал инспектор.

— Столкнули... — Прошло некоторое время, прежде чем молодой человек осознал весь ужас случившегося. — Боже мой!.. Тогда, значит...

Полковник Мэлчетт направился к выходу.

— И учтите, Сандфорд, из дома ни в коем случае не отлучайтесь.

Они вышли. Инспектор и главный констебль обменялись взглядами.

— Полагаю, сэр, этого достаточно? — осведомился инспектор.

— Да. Выпишите ордер и арестуйте его.

— Простите, — сказал сэр Генри. — Я оставил перчатки.

Он вернулся в дом. Сандфорд продолжал сидеть в той же позе, бессмысленно уставившись в пространство.

— Я пришел, — обратился к нему сэр Генри, — и хочу заверить вас, что постараюсь сделать все возможное, чтобы помочь вам. Причину таких моих действий я вам открыть не могу, а пока хочу услышать от вас вкратце и по возможности точнее, что произошло у вас с этой самой Роуз.

— Она была такая хорошенькая, такая соблазнительная! И... она сама прямо прилепилась ко мне. Как перед богом говорю — это правда. А мне было здесь так одиноко, всем я тут пришелся не по душе. А она... поразительно хорошенькая и знала, чего добивается. Вот так все и произошло. Она хотела, чтобы я женился на ней. Я не знал, что делать. Я обручен с девушкой в Лондоне. Если она когда-нибудь узнает об этом... все пропало. Она не поймет. С какой стати? Конечно, я подлец. Я избегал Роуз. Думал, вернусь в город, встречу с адвокатом, договорюсь насчет денег и прочего. Господи! Какой же я был дурак! Я вижу, что обстоятельства против меня.

— Роуз когда-нибудь угрожала самоубийством?

— Никогда. Мне в голову не приходило, что она может решиться на это.

— А что вы скажете о человеке по имени Джо Эллис?

— О плотнике? Он из почтенной деревенской семьи. Туповатый малый, но был по уши влюблен в Роуз.

— Может быть, он приревновал? — предположил сэр Генри.

— Думаю, немного есть. Но он не из решительных. Будет страдать молча.

— Ну ладно. Мне надо идти, — сказал сэр Генри и поспешил присоединиться к своим спутникам.

— Знаете ли, Мэлчетт, — сказал он, — думаю, нам следует сходить к этому Эллису, прежде чем принимать какие-то решительные меры. Жаль, если арест окажется ошибкой. В конце концов, ревность — достаточно веский повод для убийства, к тому же довольно распространенный.

— Это, конечно, верно, — согласился инспектор. — Но Джо Эллис не из таких. Он и мухи не обидит. Почему? Никто не видел, чтобы он когда-нибудь вышел из себя. Однако все же лучше спросить у него, где он был вчера вечером. Джо должен быть сейчас дома. Он снимает комнату у миссис Бартлет — очень приличная особа, вдова.

Маленький коттедж, к которому они подошли, был безукоризненно

чист. Крупная плотная женщина средних лет открыла им дверь.

— Доброе утро, миссис Бартлет, — приветствовал ее инспектор. — Джо Эллис дома?

— Минут десять как вернулся, — ответила миссис Бартлет. — Проходите, пожалуйста, господа.

Она провела их в крошечную гостиную, заставленную чучелами птиц, фарфоровыми собаками и другими бесполезными вещами. Торопливо пододвинула им стулья и крикнула:

— Джо, тут трое джентльменов хотят тебя видеть!

Из кухни отозвался голос:

— Иду, только почищусь.

— Может быть, вы присядете, миссис Бартлет, — обратился к ней полковник Мэлчетт.

— О нет, сэр, и думать не смею, — смутилась миссис Бартлет.

— Вы считаете Эллиса хорошим жильцом? — спросил Мэлчетт беспечным тоном.

— Лучше и не надо, сэр! Спокойный молодой человек. Спиртного капли в рот не берет. Гордится своей работой. Добрый, помогает по дому. Смастерил мне вон те полки, повесил новый шкафчик на кухне. Да и мало ли что еще требуется сделать в доме. Джо делает все охотно, ничего не требуя. Много ли таких молодых людей, как Джо, сэр?

— Какой-нибудь девушке, наверно, повезет, — небрежно бросил Мэлчетт. — Он ведь был влюблен в эту бедняжку, Роуз Эммот, не так ли?

Миссис Бартлет вздохнула:

— Глаза б мои не глядели. Молился на землю, по которой она ходила, а она и смотреть на него не хотела.

— Где Джо проводит вечера, миссис Бартлет?

— Обычно дома, сэр. Иногда занят какой-нибудь работой по вечерам, еще пытается заочно выучиться бухгалтерии.

— Так, так. И вчера вечером тоже был дома?

— Да, сэр.

— Это точно, миссис Бартлет? — строго спросил сэр Генри.

Она повернулась к нему:

— Совершенно точно, сэр.

— Был ли он дома что-то около восьми — восьми тридцати?

— Ну конечно, — засмеялась миссис Бартлет. — Он почти весь вечер приделывал кухонный шкафчик, а я ему помогала.

Сэр Генри посмотрел на ее улыбающееся лицо и ощутил первую муку сомнения.

Минутой спустя Эллис вошел в комнату. Высокий, широкоплечий, по деревенским меркам красивый молодой человек. Застенчивый взгляд голубых глаз, дружелюбная улыбка. В общем, добродушный молодой великан.

Мэлчетт начал разговор. Миссис Бартлет удалилась на кухню.

— Мы расследуем обстоятельства смерти мисс Роуз Эммот. Вы знали ее, Эллис?

— Да, — пробормотал он. — Надеялся когда-нибудь жениться на ней. Какое несчастье!..

— Вы знали, что она была в положении?

— Да. — Глаза его гневно блеснули. — Бросил он ее, вот что! Ну да к лучшему... Не была бы она счастлива с ним. Она вернулась бы ко мне. Я бы о ней позаботился.

— Несмотря на все?..

— Она не виновата. Он наобещал ей всякого... Она мне рассказывала. Не надо ей было топиться. Не стоил он этого.

— Где вы были вчера в восемь тридцать вечера?

— Я был здесь. Прикреплял на кухне одну штуковину для миссис Би. Спросите у нее, она вам скажет.

И то ли показалось сэру Генри, то ли на самом деле прозвучало в этом подготовленном ответе какое-то смущение.

«Чересчур быстро ответил, — подумал сэр Генри. — Он тугодум. А тут выпалил моментом. Похоже, было приготовлено заранее».

Сэр Генри нашел предлог заглянуть на кухню. Миссис Бартлет крутилась у плиты. Она подняла голову и мило улыбнулась. К стене был прикреплен новый шкафчик. Работа не была закончена. Вокруг лежали инструменты и несколько дощечек.

— Этим Эллис и был занят прошлым вечером? — поинтересовался сэр Генри.

— Да, сэр. Ведь неплохо сделано, правда? Джо очень хороший мастер. — Никакого страха в глазах, никакого смущения.

Но Эллис... Или почудилось ему это? Нет, что-то было... «Надо с ним поговорить», — решил сэр Генри. Повернувшись к выходу, он наткнулся на детскую коляску.

— Не разбудил ребенка, надеюсь?

Миссис Бартлет рассмеялась:

— Что вы, сэр, у меня нет детей, к сожалению. На ней я развожу выстиранное белье, сэр.

— А, понятно... — Помедлив немного, он, повинувшись внезапному

порыву, спросил: — Миссис Бартлет, вы знали Роуз Эммот? Скажите, что вы о ней думаете?

— Ну, сэр, я думаю, что она была ветреная девушка. Но она умерла, а я не люблю плохо говорить о покойных.

— Но у меня есть причина спрашивать, довольно основательная причина, — настаивал он.

Миссис Бартлет задумалась. Затем решила и спокойно сказала:

— Плохой она была человек, сэр. Я бы не стала этого говорить при Джо. Очень она задурила ему голову. Такие умеют, к сожалению. Вы знаете, как это бывает, сэр.

Сэр Генри это знал. Такие люди, как Джо Эллис, бывают обычно беззащитными. Безоглядно доверчивыми. Именно поэтому они испытывают более глубокие потрясения от подобных открытий.

Он был сбит с толку и вышел из коттеджа в полном недоумении. Перед ним была стена. Джо Эллис работал вчера весь вечер дома. Миссис Бартлет помогала ему. Как все это понять? Что противопоставить этим фактам? Нечего. Разве только подозрительно торопливый ответ Джо Эллиса?

— Ну вот, — сказал Мэлчетт, — похоже, дело становится совершенно ясным.

— Кажется, так, сэр, — подтвердил инспектор. — Это Сандфорд. Ему теперь не выкрутиться. Ясно как божий день. По-моему, девица и отец шантажировали его. Денег у него не было. Он боялся, что история дойдет до его невесты. Отчаялся, ну и решился на такое... Что вы скажете на это, сэр? — обратился он к сэру Генри.

— Похоже на то, — согласился сэр Генри. — И все же я не могу представить себе Сандфорда в роли убийцы.

Сэр Генри прекрасно понимал, что вряд ли это может служить веским доводом. Даже кроткое животное, если его загнать в угол, способно на самые неожиданные действия.

— Надо все-таки поговорить с мальчиком, — вдруг предложил он, — с тем, что слышал крик.

Джимми Браун оказался смышленным парнишкой. Он с нетерпением ждал, когда ему начнут задавать вопросы, и был сильно разочарован, что от него первого не потребовали рассказать о том роковом вечере.

— Ты, как я понимаю, был недалеко, на другой стороне реки, — начал разговор сэр Генри, — напротив деревни. Ты кого-нибудь видел на том берегу?

— Кто-то гулял по лесу. Я думаю, это был мистер Сандфорд. Джентльмен-архитектор, который строит чудной дом.

— Это было минут за десять до того, как ты услышал крик?

Мальчик кивнул.

— Видел ли ты еще кого-нибудь на другом берегу реки, там, где деревня?

— Какой-то человек шел по тропинке на той стороне. Шел медленно и посвистывал. Мне показалось, что это был Джо Эллис.

— Как же ты смог узнать его? В тумане, в сумерках? — резко спросил инспектор.

— По свисту. Джо Эллис всегда насвистывает одну и ту же песенку: «Хочу быть счастливым». Это единственный мотив, который он знает, — снисходительно пояснил мальчик.

— Любой мог насвистывать этот мотив, — заметил Мэлчетт. — Он шел по направлению к мосту?

— Нет, в другую сторону, к деревне.

— Не думаю, что стоит проявлять интерес к этому неизвестному, — заключил Мэлчетт. — Ты слышал крики, всплеск воды и спустя несколько минут увидел тело, плывущее вниз по течению. Ты побежал за помощью назад через мост, напрямик в деревню. Ты никого не видел у моста? Когда бежал за помощью?

— Мне кажется, шли двое с тачкой по тропинке к речке, но они были немного в стороне. Я не мог понять, приближаются они или удаляются. Дом мистера Джайлза был ближе всех. Ну, я туда и побежал.

— Ты хорошо поступил, мой мальчик, — похвалил его Мэлчетт.

— Ты действовал правильно. Ты ведь скаут, не так ли?

— Да, сэр.

— Очень хорошо.

Сэр Генри задумался. Достал клочок бумаги из кармана, посмотрел на него и покачал головой. Не может быть, и все же...

Он решил зайти к мисс Марпл.

Она приняла его в милой, несколько старомодной гостиной.

— Прибыл доложить об успехах, — невесело начал сэр Генри. — Боюсь, что, с нашей точки зрения, дела не очень хороши. Собираются арестовать Сандфорда, и должен сказать, что считаю это оправданным.

— Так, значит, вы ничего не нашли в поддержку моей теории? — Мисс Марпл была взволнованна. — Может быть, я была не права, совсем не права? У вас такой большой опыт.

— Во-первых, — сказал сэр Генри, — я сам не могу никак в это поверить, а потом, мы сталкиваемся с неопровержимым алиби. Джо Эллис весь вечер прикреплял на кухне полки, а миссис Бартлет наблюдала за его

работой.

Мисс Марпл глубоко вздохнула.

— Не может быть! — возразила она. — Ведь это произошло в пятницу вечером.

— В пятницу вечером?

— Да, в пятницу вечером. В пятницу миссис Бартлет по вечерам развозит белье заказчикам.

Сэр Генри откинулся на спинку стула. Он вспомнил, что мальчик Джимми рассказывал о насвистывающем человеке... Да... все сходится.

Он поднялся, с жаром пожимая руку мисс Марпл.

— Кажется, я знаю, что делать, — заявил он. — По крайней мере, можно попробовать...

Пять минут спустя он снова появился в коттедже миссис Бартлет, где в маленькой гостиной среди китайских собачек встретился с Джо Эллисом.

— Вы солгали нам, Эллис, о прошлом вечере, — твердо сказал он. — Вас не было на кухне, и вы не вешали шкаф между восемью и восемью тридцатью. Вас видели на тропинке у моста за несколько минут до того, как была убита Роуз Эммот.

Эллис окаменел.

— Она не была убита, нет! Я ничего не мог сделать. Она бросилась сама... Она потеряла голову. Я бы никогда не тронул ее.

— Тогда зачем вы солгали? — не отступал сэр Генри.

— Я испугался. Миссис Бартлет видела меня там. Когда потом мы узнали, что произошло... Ну, она подумала, что это может плохо для меня кончиться. Мы решили: я скажу, что работал здесь. Она редкий человек, редкий. Она всегда так добра ко мне.

Ни слова не говоря, сэр Генри вышел из комнаты на кухню. Миссис Бартлет мыла посуду.

— Миссис Бартлет, — обратился он к ней, — я знаю все. Думаю, вам лучше признаться, если вы не хотите, чтобы Джо Эллиса повесили за то, чего он не совершал... Нет? Я вижу, не хотите? Расскажу вам тогда, что случилось. Вы пошли развозить белье из стирки, встретили Роуз Эммот. Вы знали, что она бросила Джо и крутит с этим приезжим. И вот она попала в беду... Джо готов прийти к ней на помощь, готов жениться, если она согласится. Вы возненавидели эту девицу... Вы не могли допустить, чтобы эта никудышная девчонка увела у вас мужчину. Вы женщина сильная, миссис Бартлет, вы схватили девушку за плечи и столкнули в реку. Через несколько минут вы встретили Джо Эллиса. Мальчик Джимми видел вас издалека, но из-за темноты и тумана принял детскую коляску за тачку,

которую везли двое мужчин. Вы убедили Джо, что его могут заподозрить, и придумали ему алиби, но на самом деле это было алиби для вас. Я прав, не так ли?

Сэр Генри затаил дыхание. Он все поставил на кон. Женщина стояла перед ним, вытирая руки о передник и медленно обдумывая ответ.

— Точно так, как вы говорите, сэр, — наконец произнесла она невозмутимым глухим голосом (опасным голосом, как вдруг определил его сэр Генри). — Не знаю, что нашло на меня. Бесстыжая, вот она какая была. На меня просто нашло... Она не имела права забирать у меня Джо. У меня ничего не было хорошего в жизни, сэр. Муж мой был несчастный человек, инвалид и упрямец. Я лечила его и ухаживала за ним по-честному. А потом Джо снял у меня комнату. Я не совсем старая женщина, сэр, хоть у меня и седые волосы. Мне только сорок, сэр. Таких, как Джо, — один на тысячу. Я бы ради него не знаю что сделала. Он как маленький ребенок, сэр. Такой добрый, такой доверчивый. Он был мой, сэр, я заботилась о нем... И тут эта... — Миссис Бартлет проглотила конец фразы.

Даже в такой момент она оставалась сильной женщиной. Несчастливая стояла прямо и с вызовом смотрела на сэра Генри.

— Готова идти, сэр. Никогда бы не подумала, что кто-нибудь догадается. Ума не приложу, как вы узнали. Не пойму, в самом деле.

Сэр Генри покачал головой.

— Это было нелегко, — сказал он и подумал о листочке бумаги, все еще лежащем у него в кармане. На нем было выведено старомодным почерком: «Миссис Бартлет, у которой проживает Джо Эллис».

Мисс Марпл опять оказалась права.

Примечания

Дань исторической приверженности англичан к числу «шесть» — полдюжины. До 1971 года существовала даже монета шестипенсовик, звенья бойскаутов состоят из шести человек и т. д., и т. п. Отсюда и шесть — минимальное число членов клуба. *(Здесь и далее прим. перев.)*

«Сотни и тысячи» — так называется в Англии разноцветный сахарный горошек для украшения тортов и пирожных.

Дартмур — холмисто-болотистая местность на юго-западе Англии, в графстве Девоншир.

Мур — река, впадает в залив Лайм.

Друиды — жрецы у древних кельтов в Британии.

Астарта — греческое наименование главной финикийской богини Ашторет (Ашерат). Почиталась как богиня плодородия, материнства и любви, а также как богиня прибывающей луны. Изображалась в виде обнаженной женщины с коровьими рогами на голове, с руками, прижатыми к груди или к бедрам, а иногда в одеянии, с короной на голове и с тамбурином.

Дик — уменьшительное от Ричарда.

Часовой гольф — малый гольф на площадке с разметкой, напоминающей часовой циферблат с двенадцатью цифрами; игроки переходят с цифры на цифру и поочередно загоняют мяч в лунку в центре площадки.

Имеется в виду неделя между Духовым днем, который Англиканская церковь отмечает в седьмое воскресенье после Пасхи, и Троицей, которая соответственно отмечается в восьмое воскресенье после Пасхи.

Непобедимая армада — военный флот, направленный в 1588 году испанским королем Филиппом II против Англии и потерпевший поражение.

Галеон — большой старинный, богато украшенный резными фигурами парусник.

Духов понедельник — первый понедельник после Духова дня, отмечается Англиканской церковью, до 60-х годов был нерабочим днем.

Букв.: после смерти (*лат.*).

Пикша — разновидность трески с характерными пятнами на коже.

По свидетельству Библии, святой Петр был ранее рыбаком Симоном и лишь от Христа получил имя Петр — камень (*греч.*).

В данном случае речь о словах, которые имеют несколько различное написание и значение, но произносятся одинаково. Так, «Gray Wethers» — место, близ которого находятся остатки предполагаемого древнего храма друидов в виде каменных кругов, и «grey weathers» — буквально «серые погоды», то есть мрачные пасмурные погоды.

В Англии имена вступающих в брак по обычаю трижды оглашаются в церкви, чтобы выяснить, нет ли препятствий к заключению брака.

Род шейного платка, косынки (*фр.*).

Работные дома — благотворительные учреждения для оказания помощи нуждающимся. Они должны были работать и жить в них, подчиняясь заведенным порядкам. В своем первоначальном виде прекратили существование в конце XIX века; в настоящее время так называют дома инвалидов с ограниченной трудоспособностью.

Правильное название — Пико-де-Тейде, действующий вулкан на острове Тенериф.

Бедкер — по имени немецкого издателя Карла Бедкера (1801–1859), название путеводителя по разным странам для путешественников и туристов.

То есть мисс Бартон. В Англии нередко то или иное часто упоминаемое в разговоре или в тексте лицо обозначают начальной буквой фамилии.

Каморра — тайная итальянская террористическая организация, образовавшаяся в конце XVIII — начале XIX века. Орудие реакции. В конце XIX века была проведена кампания борьбы против Каморры, однако ее организации существуют до сих пор.

Имеется в виду Первая мировая война.

Сомерсетшир — графство на юго-западе Англии, у побережья Бристольского залива.

И так далее (*лат.*).

Тсинтау — немецкий вариант названия морского порта Циндао в Восточном Китае, использовавшегося немцами в качестве военно-морской базы во время Первой мировой войны.

Собрание прихожанок для обсуждения церковных дел.

Кестен-Спа-Гидро — слившиеся воедино курортные городки, известные своими минеральными водами; в данном случае «Гидро» — еще и название пансионата, где происходит действие.

Аскот — скачки, по названию ипподрома близ Виндзора.

Шалфей с луком применяется в английской кулинарии для фаршировки гусей и уток.

«**Двадцать вопросов**» — популярная развлекательная радиопередача Би-би-си; нужно отгадать задуманное слово, задав не более двадцати вопросов.

Компаньонка (*фр.*).

Физическая сексуальная привлекательность, особенно женщины (*фр.*).

Хороший горох (*англ.*).